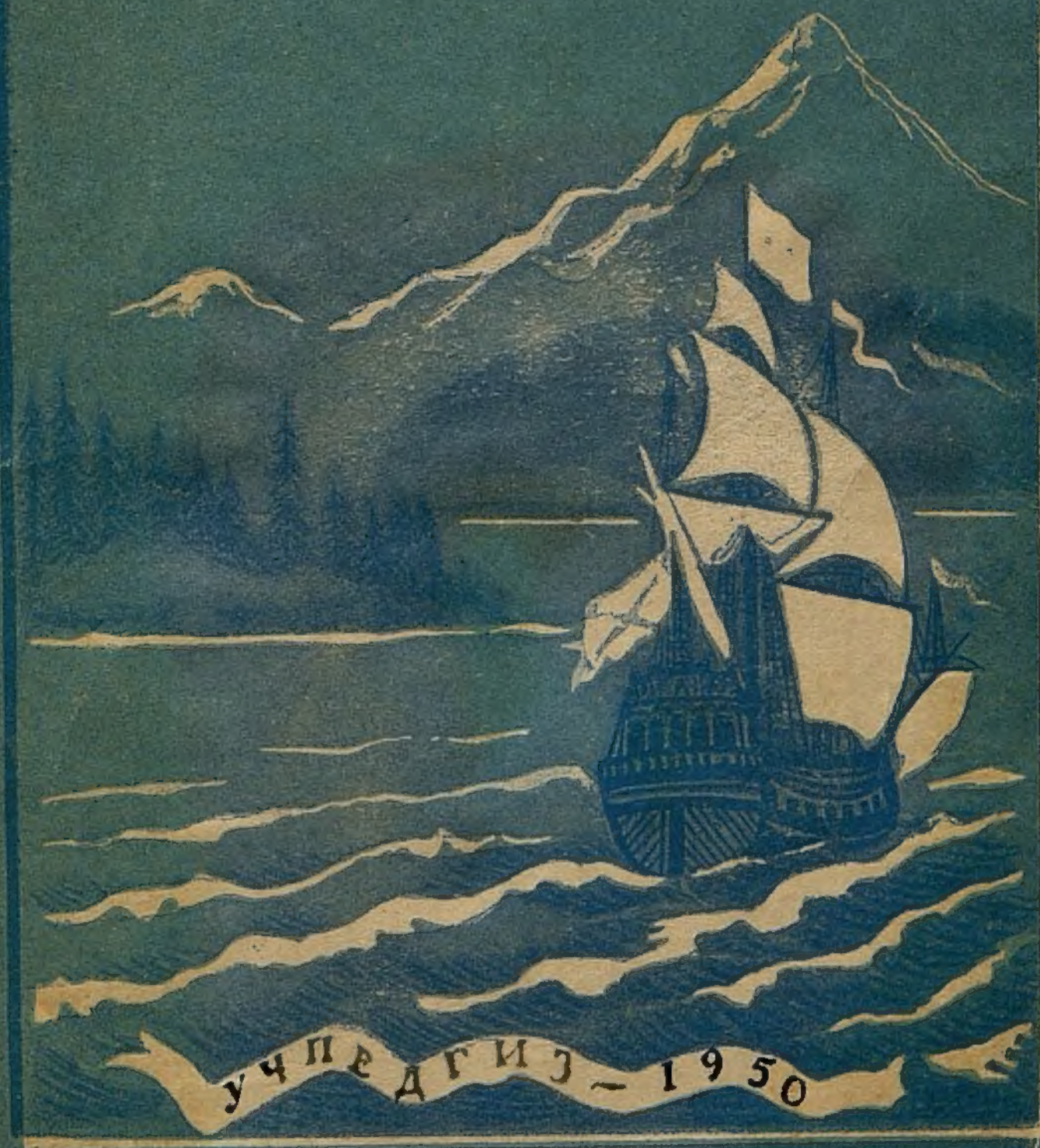
91
А28

А. Адамов

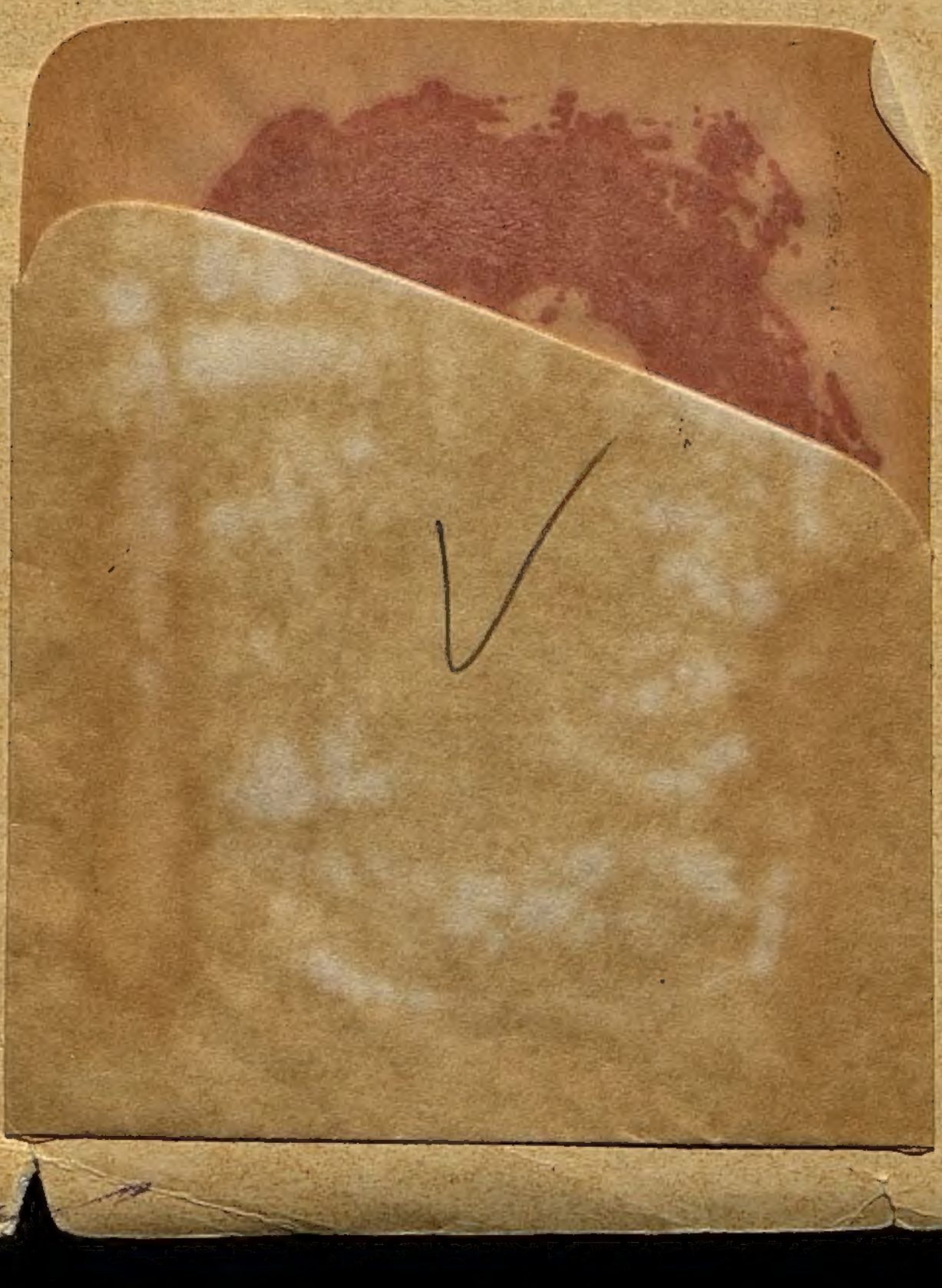
ПЕРВЫЕ РУССКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ АЛЯСКИ



УЧПЕДГИЗ — 1950

ПРОВЕРЕНО 51 г.

Проверено 2015



13730

А. Адамов

ПЕРВЫЕ РУССКИЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ АЛЯСКИ

ПОСОБИЕ ДЛЯ УЧИТЕЛЕЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

ФИЛИАЛ Центральной ВМБ

БИБЛИОТЕКА ... СССР

Государственное
Учебно-педагогическое издательство
Министерства просвещения РСФСР
19 – МОСКВА – 50

ПРОВЕРЕНО 1965 г.

91
А21

Книга А. Г. Адамова представляет собой сборник очерков о первых русских исследователях Аляски. Автор в популярной форме раскрывает перед читателем отдельные страницы славной истории русских географических открытий в Северной Америке. Книга выпускается Учпедгизом как пособие для учителя, но может быть рекомендована и для внеклассного чтения учащихся.

ПРОВЕРЕНО 1960 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	3
Александр Баранов и его соратники	13
Александр Кашеваров	45
Лаврентий Загоскин	73
Руф Серебренников	105
Заключение	120
Примечания	123

Редактор *О. А. Солодянкина*. Техн. ред. *Н. В. Сахарова*.
Редактор карт *И. И. Самойлов*. Автор карт *А. С. Амальрик*.
Художник *С. М. Пожарский*

Подписано к печати 2/XI 1950 г. А08808. Бумага 84×108¹/₃₂. Бумажных л. 1,94+0,125 карта. Печатных листов 6,37+0,34 карта. Учётно-издат. листов 6,34+0,21 карта. Тираж 25 тыс. экз. Цена без переплёта с картой 2р.
Заказ 1142

Отпечатано с матриц 20-й типографии «Союзполиграфпрома» Главполиграфиздата в 5-типографии Росполиграфиздата при Совете Министров РСФСР. Свердловск, ул. Ленина, 47. Заказ 19.

ВВЕДЕНИЕ

В истории географических открытий и исследований русский народ по праву занимает первое место.

Он дал миру наибольшее число выдающихся путешественников-географов. И это не случайно. Русский народ был всегда народом-открывателем. Мужество, упорство в достижении поставленной цели, выносливость и неистребимая жажда открытий отличали его сынов на протяжении всей многовековой истории России. В борьбе за освоение гигантских пространств родной страны, открытых и изученных многими поколениями безвестных русских землепроходцев, воспитывались в народе эти выдающиеся качества.

Географические карты океанов и материков земного шара хранят следы отважной деятельности русских путешественников и мореплавателей. В бесчисленных названиях морей, рек, озёр, гор, заливов, проливов и островов запечатлены их имена. Но этих названий было бы намного больше, если бы русские открыватели не отличались замечательной скромностью. Чаще всего за открытыми землями они оставляли их местные названия, проявляя тем самым глубокое уважение к туземным народам.

Великий русский мореплаватель В. М. Головнин в своё время едко издевался над пристрастием иностранных путешественников давать свои названия новым местам. Он писал, что если бы кто-нибудь из них сделал такое открытие, как Чириков и Беринг, которые в 1741 г. первые достигли Америки со стороны России, «то не токмо все мысы, острова и заливы американские получили бы фамилии князей и графов, но даже и по голым каменьям рассадил бы он всех министров и всю знать; и комплементы свои обнародовал бы всему свету» [1].

И всё же число русских географических открытий так велико, что русские имена на карте мира можно встретить повсюду.

Правда, современные географические карты, эти немые свидетели выдающихся заслуг нашего народа в деле открытия и исследования земного шара, донесли до нас далеко не всё из того, что было нанесено на них многочисленными русскими открывателями. Многие иностранные путешественники и мореплаватели или их правительства поспешили стереть со своих карт русские названия, бесцеремонно заменив их новыми и пытаясь заставить всех забыть о том, что эти воды впервые бороздили русские корабли, что в этих землях впервые побывали русские экспедиции.

Так было сделано, например, с английскими морскими картами южных широт Тихого океана. До середины XIX в. на этих картах наравне с русскими названиями, данными нашими великими мореплавателями, первооткрывателями тех мест — Беллинсгаузеном, Лазаревым, Коцебу и другими, были проставлены и незаконные английские названия. А во второй половине XIX в. русские названия с английских карт южных морей были вообще бессовестно стёрты. Так поступили и со многими русскими названиями на картах Америки, Африки, Океании.

Иностранные буржуазные историки и писатели пытаются замолчать или оспорить огромные заслуги русских в важных географических открытиях. Английские и американские географы пытались, например, отрицать приоритет наших соотечественников, отважных мореплавателей Беллинсгаузена и Лазарева, в открытии нового материка на земле — Антарктиды.

Но никому не удастся отнять у нашего народа честь открытия и исследования многочисленных районов земного шара.

Русский народ внёс свою лепту в историю исследования человечеством почти всех частей света. Он не имеет себе равных в исследовании самого труднодоступного и обширного района на земном шаре — Северной и Центральной Азии.

В лютую стужу, в снежные бураны, по льду замёрзших рек или сквозь дикие таёжные дебри продвигались смелые землепроходцы XVII в. — казаки и промышлен-

ники — от Большого Камня (Урала) через всю Сибирь к Тихому океану.

В следующем (XVIII) веке отряды Большой Северной экспедиции под командой Прончищева, Челюскина, Малыгина, Лаптевых, Овцына впервые положили на карту северное побережье Азии. Их имена украсили карту полярных берегов Сибири, а открытия вошли в золотой фонд русской науки.

Девятнадцатый век явился для Азии веком великих походов. Неприступные седые вершины Алтая, Памира, Тянь-Шаня, Тибета увидели на своих отрогах отважных русских путешественников. В золотой фонд русской науки вошли исследования Пржевальского, Семёнова-Тян-Шанского, Северцова, Козлова, Потанина и многих других. Они открыли человечеству самые недоступные места на земном шаре.

Так русские не только узнали, но и покорили бескрайние пространства величайшего материка.

В 1820—1821 гг. отважные русские моряки, капитаны Беллинсгаузен и Лазарев, совершив трудное, полное опасностей плавание на небольших парусных кораблях, открыли человечеству новую, шестую часть света — Антарктиду. Ни льды, ни туманы, ни штормы не смогли остановить русских мореплавателей. Они обошли вокруг всего неведомого материка и три раза подходили вплотную к его побережью. Ими были открыты остров Петра I и земля Александра I.

На картах мира всюду можно встретить русские имена.

Над бескрайними просторами Центральной Азии гордо высится Русский хребет, хребет Русского Географического общества, хребты Пржевальского, Потанина и многие другие. В непроходимых дебрях Абиссинии течёт река Невка по Николаевской земле, исследованной Егором Ковалевским, в безбрежных тихоокеанских просторах лежат острова Суворова, Кутузова, Волконского, Раевского и многие другие, открытые отважными русскими мореплавателями; во всех пяти океанах земного шара есть острова с русскими названиями; в тропической Индонезии берег Маклая свято хранит память о благородном исследователе Новой Гвинеи, великом русском учёном Миклухо-Маклае.

Но есть на земном шаре ещё один обширнейший район, целиком открытый русскими людьми.

Зарубежные, главным образом американские, историки и писатели особенно усердно стараются замолчать или исказить этот подвиг русского народа. И не случайно. Ибо русскому народу принадлежит честь открытия огромных пространств Нового Света — всего северо-запада Северной Америки.

Если уж в других частях света иностранцы пытались стереть следы пребывания там русских, то история обширной открывательской деятельности русских на берегах Нового Света, свидетельствовавшая об их безграничной отваге, упорстве и выносливости, о развитой культуре и высоком патриотизме, всегда была невыносима для буржуазных географов, историков и писателей, ибо не могла вызвать ничего, кроме чувства глубокого уважения и восхищения у всех простых людей Америки.

Почти до середины XVIII в. никто в мире ничего достоверно не знал о землях Нового Света к северо-западу от 40° с. ш., где сейчас расположен город Сан-Франциско. На старинных картах того времени этот район был сплошным белым пятном.

К югу от 40-й параллели, в Калифорнии, обосновались испанцы, пришедшие сюда из Мексики. Это были в основном монахи и солдаты. Они основывали на благодатных землях Калифорнии католические миссии и под видом распространения христианства угнетали и истребляли индейские племена.

На атлантическом побережье Северной Америки расположились английские колонии, которые в конце XVIII в. завоевали независимость и объединились в Соединенные Штаты Америки.

К северу от них, на территории современной Канады, к концу XVIII в. находились владения английских меховых компаний.

Но Аляска, Алеутские острова и вся северная часть бассейна Тихого океана в то время никому не были известны.

Отважные русские мореходы с берегов Сибири первыми пустились в эти неизведанные просторы.

Летом 1741 г. корабли Беринга и Чирикова пересекли океан и, разнесённые бурей, каждый порознь достигли берегов Нового Света. Корабль Беринга «Св. Пётр»

подошёл к острову Каяк (Св. Ильи), но, вследствие недостатка продовольствия и пресной воды, вскоре повернул обратно. Корабль же Чирикова «Св. Павел» достиг американского материка к югу от острова Ситха и двинулся на север, ведя общую опись побережья. Пройдя таким образом свыше трёхсот километров, Чириков повернул на запад. На обратном пути русские мореходы открыли некоторые из островов Алеутской гряды, встречались там с местными жителями и видели огромные стада морских бобров и котиков.

Это было выдающееся по своим научным результатам и героизму плавание.

Вслед за Чириковым и Берингом устремились в далёкие и опасные плавания смелые русские промышленники-мореходы. Неведомые земли и богатые промыслы бобров, котиков, моржей, голубых песцов манили их к себе.

Первым вышел в плавание в начале августа 1743 г. Емельян Басов. Он достиг Командорских островов — Медного и Беринга. Промышленники нашли здесь большие лежбища бобров и котиков. Среди скал, покрытых моховой тундрой, водилось множество голубых песцов. На островах промышленники зимовали. Судно вытащили на берег, такелаж * и мачту сложили отдельно, в безопасном и сухом месте, а для себя вырыли землянки. Бобров и котиков промышляли по-разному: били гарпунами в воде и длинными палками — на лежбище среди скал.

Басов побывал на Командорских островах и в следующие годы. А вслед за ним туда стали приходить каждое лето и другие мореходы. Все свои плавания Басов совершал не только в погоне за наживой. Это был настоящий открыватель, человек умный и любознательный. В своих донесениях он подробно описал найденные им острова и свой путь к ним.

Но в скором времени прибрежные скалы островов Беринга и Медного опустели — котики и бобры, боясь людей, ушли на восток. Тогда промысловые суда двинулись вслед за зверем к Алеутской гряде. Первыми были открыты острова Атту, Семичи, Круглый и другие, названные Ближними. За ними последовали Крысьи острова, потом Андреяновские и, наконец, Лисьи.

---

* *Такелаж* — общее название всех снастей судна.

Всё дальше на восток продвигались небольшие судёнышки русских мореходов. От острова к острову перебирались промысловые артели. Многие гибли в тяжёлой борьбе, и свирепые штормы выбрасывали на берег жалкие осколки крушений. Русские люди на Алеутских островах подбирали эти единственные свидетельства человеческих несчастий и, перекрестясь, сами пускались навстречу тем же грозным опасностям и великим трудам.

Жажда новых открытий, дерзкое стремление к подвигу, смелость и упорство вели мореходов вперёд. И часто их суда, минуя уже знакомые острова с богатыми лежбищами пушного зверя, шли вперёд в ещё неизведанные просторы Восточного океана, чтобы открыть новые земли.

Русской отваге и выносливости не раз удивлялись иностранцы, и если глаза им не застилали предвзятое самомнение, враждебность и зависть, то они открыто признавали русское превосходство.

Среди русских мореходов в те времена были выдающиеся деятели, искусные штурманы и звероловы, наблюдательные и способные исследователи, гуманные и умные люди. Они учитывали в своей деятельности не только коммерческие интересы хозяев-купцов, посылавших их на промысел, но и государственные интересы России и интересы науки.

Имена Андреяна Толстых, Афанасия Очередина, Гаврилы Прибылова, Степана Глотова, Дмитрия Полутова, Потапа Зайкова, Герасима Измайлова, Дмитрия Бочарова пользовались громкой славой на Тихом океане во второй половине XVIII в. Об их далёких и отважных плаваниях с гордостью упоминают многие русские летописцы и историки.

Эти люди открыли и нанесли на карту большинство островов Алеутской гряды, подробно описали их природу, быт и нравы туземцев. Они уверенно вели свои корабли всё дальше на восток, руководствуясь компасом, хронометром, лагом, секстантом и лотом. Свирепые штормы, голод и стужа не могли сломить их упорство.

Острова Андреяновские, Деларовские, острова Прибылова, Шумагинские, остров Всевидова, многие заливы, проливы, мысы и вулканы на островах Алеутской гряды носят имена побывавших там мореходов.

Так были открыты, исследованы и нанесены на карту все Алеутские острова, и первые промысловые суда рус-

ских мореходов подошли к суровым и неведомым берегам Нового Света.

Первым пришло туда летом 1760 г. судно «Св. Гавриил» под командой Пушкарёва. Зиму русские провели на американском берегу Иссанахского пролива, отделяющего полуостров Аляску от самого восточного из Алеутских островов — Унимака. Через три года смелый сибирский мореход Степан Глотов обогнул полуостров Аляску и, пройдя вдоль его восточного побережья, достиг Кадьяка и зимовал там. Он собрал ряд интересных и важных сведений об этом острове и его населении. В 1775 г. на Унимаке высадились люди штурмана Потапа Зайкова, приплывшего туда из Охотска на боте «Св. Владимир». Русские прожили там три года, подробно исследовали соседние острова, частично — южное побережье п-ова Аляски и нанесли всё это на карту. В то же время они вели бобровый промысел и дружески торговали с туземцами. Одновременно с Зайковым другой мореход — Дмитрий Полутов достиг Кадьяка и привёз новые ценные сведения об Аляске. Вскоре на Кадьяк пришёл известный мореход подштурман Афанасий Очередин и зимовал там. В 1778 г. у берегов Аляски появилась первая иностранная экспедиция английского мореплавателя Джемса Кука. В 1783 г. к берегам Чугацкого залива, миновав полуостров Аляску и Кадьяк, Потап Зайков привёл уже три промысловых судна. Русские здесь зимовали, вели промысел и исследовали американское побережье вплоть до устья реки Медной, куда Зайков послал промышленника Ногаева.

С 80-х годов XVIII в. начинается новый период в истории русских плаваний и открытий в Тихом океане. Отважные путешественники и моряки начинают подробно исследовать и заселять новые заморские земли.

3 августа 1784 г. два небольших парусных корабля подошли к берегам Кадьяка, самого крупного острова у южных берегов Аляски. Люди высадились на берег и стали возводить крепостцу. Жители острова — эскимосы-коняги — встретили приехавших враждебно. Но русские сначала мужественно отбили все их нападения, а потом заставили пойти на мировую.

Во главе русских стоял смелый и умный человек, большой патриот и дальновидный купец Григорий Иванович Шелихов.

Вид селения Шелихова на острове Кадьяк.

Он приплыл сюда не для простого промысла. У него были обширные и смелые замыслы. Шелихов решил заложить здесь постоянные русские поселения, присоединить открытые земли к России и исследовать их природные богатства.

Сын небогатого купца из города Рыльска (б. Белгородской губернии), Шелихов появился в Сибири в 1773 г. без всяких средств. Сначала он служил приказчиком у своего богатого земляка И. Л. Голикова, а с 1776 г. в компании с другими купцами стал посылать из Охотска и Камчатки промысловые корабли на Алеутские острова. 16 августа 1783 г. он сам вышел в море, чтобы претворить в жизнь свой обширный и смелый замысел.

Два года пробыл Шелихов на Кадьяке. Он наладил мир и торговлю с туземцами, основал там первые русские поселения и доставил в Россию подробные сведения об открытых им землях и народах.

В течение нескольких лет затем Шелихов развивал в Сибири кипучую деятельность, налаживая жизнь новых русских поселений, организуя новые экспедиции и плава-

ния по Тихому океану, строя планы по изучению и освоению природных богатств новых русских владений.

Он создал в Иркутске большую торгово-промысловую компанию, поставив перед ней задачу не только добывания ценного пушного зверя. Шелихов был горячим патриотом с широким государственным кругозором, он стремился освоить все природные богатства открытых им земель, раздвинуть границы русских владений, завести там хлебопашество, скотоводство, судостроение, обжить дикий и никому из европейцев не известный до того край. И он давал соответствующие инструкции правителям компанейских дел, которых посылал в Америку. Первая из них была вручена в 1786 г. на острове Кадьяк перед отплытием Шелихова в Охотск Константину Самойлову, а вторая через год, уже в Охотске, — Евстрату Деларову.

Смелые русские мореходы и промышленники продолжали исследовать, заселять и присоединять к России огромные пространства Нового Света, которые вскоре получили название Русской Америки.

В 1795 г. Шелихов, этот выдающийся русский деятель, заслуживший при жизни прозвище «Колумба Российского», неожиданно скончался в самом расцвете сил. Ещё незадолго до смерти он строил большие планы на будущее и готовил экспедиции по исследованию всего бассейна Ледовитого океана, устьев рек Индигирки, Лены, Колымы, готовился исследовать громадные пространства Тихого океана, Курильские острова и низовье Амура. Шелихов собирался организовать вместе с иркутским учёным Лаксманом ряд крупных торгово-исследовательских экспедиций в Среднюю и Центральную Азии, Китай и Японию. Он мечтал весь Тихий океан избороздить своими кораблями, учредить русские консульства в важнейших его портах. Шелихову не суждено было осуществить эти планы, но его огромная заслуга состоит в том, что он положил начало отважной деятельности русских в Новом Свете, начал новую славную главу в истории русских географических открытий и исследований.

Карта Тихого океана увековечила его труды. Крупнейший залив Охотского моря назван его именем. На Курильских островах есть река и бухта Шелихова. У американского материка пролив, отделяющий Кадьяк

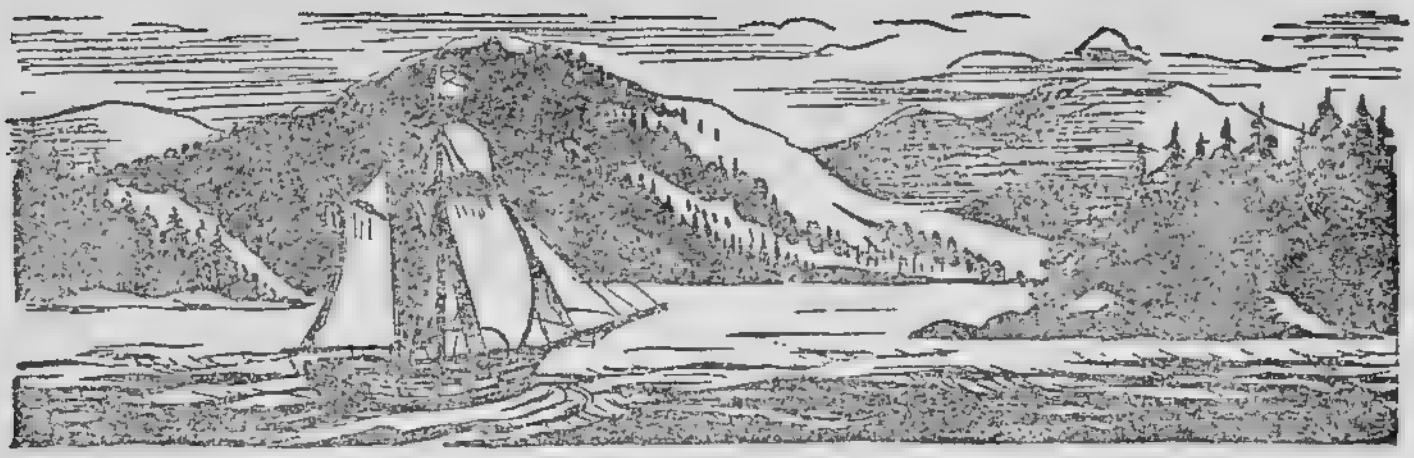
от полуострова Аляска, назван проливом Шелихова, огромное озеро неподалёку на материке тоже носит его имя. Наконец, на острове Крузова в архипелаге Александра близ северо-западного побережья Америки есть бухта Шелихова.

С историей Русской Америки неразрывно связана история Российско-Американской компании, которая была создана на базе шелиховских компаний в 1798 г. и которая владела этими обширными землями.

Российско-Американская компания существовала до 1867 г., т. е. до момента продажи русским правительством Аляски. Компания сыграла значительную роль в истории стран и народов Тихого океана. Жестоко эксплоатируя подвластные ей племена туземцев, она, однако, была не только орудием царской экспансии в этом районе. Характеризуя деятельность Ост-Индской компании, Маркс в своё время писал: «Страницы истории господства англичан в Индии вряд ли говорят о чём-либо, кроме разрушения; их созидательная работа вряд ли видна сквозь кучу развалин. Тем не менее эта созидательная работа началась»[2]. Элементы такой созидательной работы намечались в значительно большей степени в деятельности Российско-Американской компании.

Благодаря широкой колонизации происходило распространение русского влияния на отдалённейшие северо-западные окраины Америки. Сталкиваясь с местными племенами, находящимися на уровне родовых отношений, русские несли им новую форму хозяйства, свою развитую культуру и до известной степени цивилизовали туземцев. Под надзором компании некоторая часть из них получила образование. В русских владениях работали школы, группы молодых туземцев посылались на обучение в Россию. Из их числа впоследствии вышло много талантливых мореходов и путешественников.

Смелые планы Шелихова воплощались в жизнь, лишний раз подтвердив замечательную дальнозоркость и патриотизм этого выдающегося русского деятеля конца XVIII в.



Александр Баранов и его соратники

1790 год был знаменательным для истории русских исследований и открытий в Америке. В этом году, 15 августа, в магистрате города Охотска был заверен договор, в котором значилось:

«...Мы, нижеподписавшиеся, рыльский именитый гражданин Григорий Иванов сын Шелихов и каргопольский купец, иркутский гость Александр Андреев сын Баранов, постановили сей договор о бытии мне, Баранову, в заселениях американских при распоряжении и управлении Северо-восточной компании, тамо расположенной...» [3].

Баранов, этот замечательный человек, будет двадцать восемь лет твёрдо держать в своих руках управление Русской Америкой. Благодаря своей личной отваге и пытливому уму он откроет и исследует её обширные пространства; в тяжёлой борьбе с лишениями, с враждебностью воинственных племён, с подлым коварством иностранных купцов он закрепит за Россией огромные территории Аляски и Северной Калифорнии, по его указаниям смелые русские мореходы сделают важные открытия.

19 августа 1790 г. галиот «Три святителя», вышел из гавани Охотска в море. Он вёз в Америку нового прави-

теля компанейских дел — Александра Андреевича Баранова. Корабль вёл прославленный шелиховский мореход — Дмитрий Бочаров.

* * *

Баранов родился в 1745 г. в гор. Каргополе (б. Олонецкой губернии). О первых годах его жизни, до появления в Сибири, известно очень мало. Он вёл торговлю в Москве и Петербурге и в 1780 г. приехал в Иркутск. Здесь он завёл стеклянный и водочный заводы, занимался подрядами и откупами. В это время он сообщает Вольному экономическому обществу свои замечания и опыты по хозяйству в Сибири, за что избирается в 1787 г. почётным членом общества. В этом же году он знакомится с Шелиховым. В 1790 г. торговые дела Баранова приняли невыгодный оборот, а вскоре он окончательно разорился. Тогда Баранов принял предложение Шелихова стать правителем дел его компании и отправился в Америку.

По пути на Кадьяк корабль Баранова пристал к острову Уналашка: нехватило пресной воды. Здесь, в Кошигинской бухте, захватил их жестокий шторм. Корабль разбило в щепы, и русские принуждены были зазимовать.

Неожиданная зимовка выдалась на редкость тяжёлой. Голод мучил людей, стужа загнала в земляные норы, великой радостью оказался кусок гнилой китовины. Баранова трепала жестокая лихорадка, но он усердно изучал остров, быт и нравы живших там алеутов, искал полезные ископаемые, а ночи напролёт при тусклом колеблющемся свете фитиля, пропитанного китовым жиром, писал огромные письма в Россию и составлял планы на будущее.

Ранней весной барановцы построили байдары из шкур морских животных и поплыли дальше. В Иссанахском проливе, отделяющем последний из Алеутских островов — Унимак — от полуострова Аляски, они разделились.

Баранов послал Бочарова вдоль северного берега полуострова для его описи, а сам направился прямо на Кадьяк.

Мужчина острова Кадьяк.

Женщина острова Кадьяк.

Бочаров совершил замечательный поход, достигнув на байдарках устья реки Квийчак, от которого он пешком пересек полуостров и морем достиг Кадьяка.

Баранов прибыл на Кадьяк 27 июня 1791 г. С этого времени и началась его выдающаяся деятельность в Америке.

Остаток лета и зиму заняло знакомство с делами компании и хозяйственные заботы. Но уже на следующее лето Баранов предпринимает свою первую большую поездку: на кожаных байдарах он обошёл весь остров Кадьяк, подробно ознакомился с ним и его жителями.

Кадьяк имел около 90 миль в длину и 70 миль в ширину. Остров был горист, самые высокие вершины были увенчаны снежными шапками. Берега большей частью заросли лесом, множество рек и ручьёв впадало в многочисленные бухты. Местами берег усеяли обломки скал, на которых гнездились морские птицы: кайры, топорки, гагары.

Особенно внимательно исследовал Баранов северо-восточную часть Кадьяка. Он решил перенести центр русских поселений из гавани Трёх Святителей, где обосновался семь лет назад Шелихов. После нескольких землетрясений берег у гавани понизился, грязные ручьи пересекли в разных местах посёлок, приливы иногда затопляли местность вокруг. Кроме того, в южной части

острова не было подходящих деревьев для постройки домов и кораблей.

В обширном Чиниатском заливе на северо-востоке острова Баранов выбрал удобную бухту, назвал её Павловской и на высоком каменистом её берегу заложил крепость. Затем отправился дальше. Весь берег Чиниатского залива зарос лесом, сыростью и гнилью тянуло из чащи.

Байдары обогнули залив. Лес на берегу сменился кустарником, потом и он исчез. Крутой утёсистый берег был завален обломками скал, их серые громады загораживали от взоров людей высокие горные вершины в глубине острова. Волны с рёвом бились о гигантские чёрные кекуры *.

Вскоре опять начался лес, берег понизился. Всё чаще на небольших полянах у самой воды появлялись селения конягов (так русские называли туземцев острова — канягмютов, представителей одного из племён южных эскимосов). На берегу были видны холмы больших землянок, где обществами по 70—100 человек жили туземцы победнее, и дощатые, на столбах, хижины богатых.

Пройдя заливы Игацкий и Килюдинский, Баранов вернулся в гавань Трёх Святителей. Этот неутомимый человек не знал усталости. Уже через две недели он плыл на двух байдарах к побережью Аляски.

Прежде всего он посетил Кенайский залив, который в своё время Кук ошибочно назвал рекою. Залив глубоко врезался в побережье, западные берега его были высоки и обрывисты. Баранов знал, что эти отвесные каменистые склоны являются отрогами высоких гор полуострова Аляски. Восточный берег залива был гораздо ниже, отлогий и покрыт холмистыми возвышенностями, поросшими лесом. Баранов нашёл там сосну, тополь, лиственницу, а дальше к северу — берёзу. С холмов стекали многочисленные реки. Воздух был свежий и чистый, климат значительно здоровее кадьякского. Баранов узнал, что дождливых и туманных дней здесь мало и только осенью, когда господствуют злые восточные ветры, погода портится.

На берегах залива русские встретили селения туземцев. Но в отличие от коняг они жили не в землянках,

---

* *Кекур* — вертикально стоящий отдельный камень или скала.

Жители Чугацкого залива, расположившиеся под опрокинутыми байдарами.

а в остроконечных вигвамах: на составленных конусом шестах были натянуты звериные шкуры. И внешний вид туземцев был совсем иной, чем эскимосов Кадьяка. Вместо длинных рубах из птичьих и звериных шкурок или рыбьей кожи, так называемых парок и камлеек, русские увидели широкие накидки в виде плащей. Волосы на голове у туземцев были украшены перьями, а лица покрыты разводами красок.

Кадьяк, как и всё побережье Аляски, вплоть до залива Якутат населяли различные эскимосские племена. Но у Кенайского залива, прерывая сплошную линию эскимосских заселений, жило воинственное индейское племя кенайцев, принадлежащее к группе северо-атабаскских племён, населявших центральные районы Аляски.

Здесь, в Кенайском заливе, Баранов видел и русские селения, принадлежавшие другой торговой компании, конкуренту Шелихова — якутскому купцу Лебедеву-Ласточкину. Лебедевцы встретили приехавших недружелюбно.

ФИЛИАЛ Центральной ВМБ

БИБЛИОТЕКА

На берегах залива Баранов открыл залежи каменного угля и железа. О последнем он сообщил Шелихову следующее: «Железныя руды отысканы в довольном количестве, и для опыта железо сковано, а потому и открыта надежда завести железные заводы с пользою для отечества» [4].

Используя последние летние дни, Баранов проник дальше по побережью Аляски — в залив Чугацкий. С запада и севера залив обступили мрачные скалы, за ними громоздились снежные вершины. В широких расселинах залегли огромными тусклозелёными пластами вековые льды, каменистые отроги нависли над водой. Всё было окутано густым туманом. Свинцовые волны грохотали меж скал. С жалобными воплями над заливом кружились птицы. Беспрерывно моросил дождь.

Кое-кто из промышленных предлагал вернуться обратно. Но Баранов упорно двигался дальше.

Восточная часть залива оказалась низменной и заросла лесом. Здесь Баранов велел высадиться и расположиться на ночёвку. Часть людей он отправил на байдаре осмотреть соседний остров Цукли, а сам с шестнадцатью русскими и несколькими десятками коняг и алеутов начал готовиться к ночлегу, строить шалаши. Вечером выставили часовых. Скоро все заснули. Ночь тёмным пологом накрыла лагерь. Мелкий дождь шелестел в лесу.

Внезапно воинственный клич разорвал тишину. Перед испуганными часовыми как из-под земли выросли толпы индейцев-тлинкитов — они неслышно подползли шагов на десять. Полусонные промышленные во главе с Барановым с ружьями выскочили из шалашей. Затрещали выстрелы. Индейцы в толстых лосиных плащах или берестяных латах, в огромных раскрашенных масках с яростными криками наступали со всех сторон. Они размахивали копьями и кинжалами, стреляли на ходу из луков. Смертельная опасность нависла над русскими.

В этот момент Баранов вспомнил, что на берег была перенесена с байдары небольшая пушка. Двое промышленных быстро вытащили её из шалаша. Грянул выстрел — и зияющая брешь образовалась в толпе индейцев. Вопли и крики раненых заглушили на минуту воинственный вой. Второй, третий выстрел... Индейцы нача-

ли отступать, а потом совсем скрылись в лесу. Баранов распорядился похоронить трёх убитых и помочь раненым, затем осмотрел пробитую в нескольких местах рубаху и перевязал окровавленную руку. Так получил он первое боевое крещение в Америке.

Поздно осенью Баранов вернулся на Кадьяк. Зимой он составил топографическое описание Кадьяка, Кенайского и Чугацкого заливов. Судовые журналы с подробным описанием плаванья он переслал в Охотск. Много времени занимали хозяйственные заботы. К весне готовились многочисленные партии для бобровой охоты. Сотни эскимосов в двух- и трёхместных байдарах во главе с русскими промышленными собирались в различные места на промысел.

На следующее лето Баранов опять отправился в плаванье, держа курс на Чугацкий залив. Там он ещё в прошлом году присмотрел удобную бухту, где собирался построить верфь, заложить судно и тем положить начало судостроению в Америке.

Бухту назвали Воскресенской, а будущий корабль получил название «Феникс». Строительство первого корабля шло под неусыпным наблюдением Баранова. Он сам варил изобретённый им особый клей из китового жира, охры и еловой серы.

Здесь же в Воскресенской гавани, недалеко от первой русской верфи, Баранов поселил десять семей сибирских хлебопашцев.

Лебедевские артели продолжали враждовать с шелиховскими. Баранову не раз приходилось разбирать их ссоры. В довершение лебедевцы начали ссориться между собой, часть их перешла к Баранову. Враждовали иногда друг с другом и его люди. В одной из своих речей к промышленным, призывая их к единству, Баранов говорил следующее:

«Господа промышленные!.. Целость общественная, успехи и благосостояние всея компании зависят от доброго и единодушного согласия, а, напротив... от несогласия и разделения на партии не может быть никогда и ни в чём успеха... Возьмите вы верёвку в пример. Какой бы толщины ни была она, ежели разделится на мелкие пряди, один человек те пряди порознь все перервать может, но когда они вместе, то и сто... человек верёвки перервать не в состоянии. Тому подобное сделал

в древности один скифский князь. При смерти своей призвал он всех сыновей своих, которых было у него семьдесят пять, благословляя их, велел принести каждому по стреле, связать в один пук и давал каждому из них, чтоб переломил. Но никто не мог. Потом роздал по одной стреле и велел также ломать, что они вмиг и учинили. По сем говорил он им: «Так вот, дети, опыт, коему вы всегда следовать должны; ежели вы будете жить вкупе и в согласии, всегда будете сильны, славны и непобедимы...» [5]

К 1794 г. бобров в Кенайском и Чугацком заливах стало меньше, промысел оскудел. Баранов имел ряд сведений о землях за Чугацким заливом. Из русских дальше по побережью проходили шелиховские мореходы Измайлов и Бочаров в 1788 г. и барановец Яков Шильдс. Они доставили сведения о заливах Якутат и Льтуа. Все же эти сведения были теперь недостаточны, и Баранов решил снова отправить туда своих мореходов.

Во главе большой промысловой партии стал Егор Пуртов, с ним плыли пятьсот туземцев и десять человек русских промышленников. Партия в конце апреля 1794 г. вышла в море. Благополучно миновали Воскресенскую гавань в Чугацком заливе, острова Нучек и Цукли у входа в него и 23 мая достигли первого рукава реки Медной (Атны), а на следующий день — второго. Низовья реки Пуртов нанес на карту. В начале июня достигли бухты Якутат.

Пуртов завязал дружественные отношения с туземцами. Это оказались якутатцы (одно из подразделений индейцев-тлинкитов), как называли их русские. Пуртов составил перепись индейцев, роздал им подарки и взял аманатов * в знак принятия ими русского подданства. Он сообщил в своём рапорте Баранову, что местный тойон ** прислал русским «три посоха, убранные короткими суклями и орлиными перьями и обвешанные бобрами, по их обычаям в знак те посохи дружбы». Пуртов ответил индейцам тем же: «И мы, убрав посохи бисером, корольками и прочим, отправили к ним на жило ***» [6].

---

* *Аманаты* — заложники.
** *Тойон* — старшина племени.
*** *Корольки* — металлические украшения. *Жило* — селение.

К Пуртову в Якутат приезжали также индейцы-тлинкиты с берегов залива Льтуа. Он интересовался у них, не занял ли кто из европейцев те места американского побережья. Индейцы сообщили, что «сколько им ведомо, далее по тому берегу никаких занятиев со стороны Российской или европейской нет» [7].

В Чугацком заливе Пуртов неожиданно встретился с кораблями известного английского исследователя Джорджа Ванкувера. Старший офицер корабля «Дисковери» Пэджет писал потом, что Егор Пуртов «во всех поступках своих выказывал благородство, дающее право ему занимать в гражданском обществе более высокое место, нежели то, какое судьба ему предназначила...» [8]. Пуртов рассказал англичанам то, что считал нужным об Аляске и Алеутских островах, показал свою карту.

В августе Пуртов вернулся в Кенайский залив с огромной добычей — 2 000 бобровых шкур. Он привёз Баранову новые сведения о Якутате и реке Медной.

Получив сведения Пуртова и составленную им карту, Баранов на следующий год отправился в далёкое и опасное плаванне. На этот раз он собственноручно правил куттером «Ольга».

Тем же летом в залив Якутат на галиоте «Три святителя» плыл знаменитый шелиховский мореход Гаврила Прибылов. Он вёз туда двадцать семей русских поселенцев.

В июле 1795 г. Баранов поднял русский флаг в Якутате.

В одном из своих донесений Баранов уделяет много места описанию «приличной процессии» занятия русскими Якутатского залива: «Герб Российский водружён с привешенным флагом. Выступая с одетыми в лучшее платье со мною бывшими людьми, маршировкою в такт с ружьями и пушками, коими делали, сколько смыслили, воинские авалюции... Стреляли фрунтом беглым огнём... провозглашено громким голосом троекратно: земля сия с народами берётся во владение Российского Императорского Величества...» [9]. Вслед за этим Баранов даёт подробное описание быта и нравов индейцев-якутатцев — новых российских подданных. Внимательно исследовал он и залив. Северная его часть была забита плавающими льдинами, которые пригнали течение и ветры с востока.

Над заливом господствовала гора Св. Ильи, «Большая гора», как называли её туземцы. Это была самая высокая из прибрежных вершин. Её ровные склоны сверкали гранями льда. Под юго-западными кручами, почти на половине высоты горы, открывался обширный ледяной цирк. В том месте, где скаты постепенно понижались к океану, ледник как будто исчезал, глыбы гранита в кровавокрасных пятнах полевого шпата, чёрного базальта, пёстрого порфира, лучистого трахита перемешались там в хаотическом беспорядке. Ниже эта исполинская морена была покрыта слоем земли, на котором рос целый лес высокоствольных деревьев. Вся эта масса камней, земли и деревьев медленно, из года в год, двигалась к морю, несомая текущей под нею ледяной рекой.

Жители залива Якутат, приведённые в русское подданство Пуртовым, встретили Баранова дружелюбно. Он выбрал место для поселения и велел заложить крепость. Затем поплыл дальше вдоль побережья.

Корабль шёл вдоль высокого горного хребта, снежные вершины которого были окутаны туманом.

Подножье хребта до самого берега заросло лесом. Часто сквозь лесные заросли к морю прорывались с гор гигантские ледники. Они уходили своим основанием в воду, и огромная сверкающая ледяная стена вздымалась среди волн перед изумлёнными мореходами. С неё временами срывались глыбы льда, с грохотом обрушивались в морскую пучину, потом всплывали и медленно двигались по течению.

Корабль с опаской обходил коварные ледяные стены, лавируя среди плавающих кругом ледяных глыб.

Вскоре в тумане показалась вершина горы Доброй Погоды.

Но она не оправдала своего названия. Сплошной стеной ливня встретил мореходов залив Льтуа. В нём до Баранова побывали только шелиховцы Измайлов и Бочаров. Это был конечный пункт их плавания.

Весь залив оказался забитым плавающими льдинами. Барановцы с трудом пробирались в этом лабиринте, то и дело отталкиваясь длинными шестами от напиравших отовсюду ледяных глыб.

Берега залива были населены тлинкитами. Баранов подарками и лаской расположил их к русским.

Вид залива Ситха.

Пробыв несколько дней в заливе Льтуа, Баранов снова вышел в плавание. Теперь его корабль вступил в область побережья, где до него побывал Чириков ещё в 1741 г. Исследования здесь должны были иметь особенное значение.

Баранов это прекрасно понимал.

Мореходы скоро подошли к Ледяному проливу. Их судно со всех сторон обступили гигантские ледяные глыбы. Люди еле успевали работать шестами. Корабль плыл среди крупных и мелких гористых островов, покрытых лесом. В бесчисленных бухтах попадалось огромное количество морских бобров. Местные жители, тоже из племени тлинкитов, помогали русским ловить ценного зверя.

Обогнув с севера мыс Ечкум на острове Крузова (Тлих), корабль вошёл в обширный Ситхинский залив острова Ситха (этот остров впоследствии был назван именем Баранова). Пролив у мыса Ечкум Баранов назвал в честь своего корабля проливом Ольги. На берегу Ситхинского залива он нашёл небольшую удобную бухту. Здесь русские пробыли два дня. Баранов велел установить на берегу большой деревянный крест

в знак пребывания здесь русских и назвал бухту Крестовской.

В Ситхинском заливе на высоком утёсе, у самого берега, было расположено селение тлинкитов. Кругом стояли дремучие леса. Ветры здесь большей частью дули порывами и иногда так сильно, что с корнем вырывали деревья. Со снеговых вершин стекали речные потоки, образуя в лесу обширные болота. Подгнившие деревья рушились, и сплошные завалы делали леса совсем непроходимыми. Завалы эти обрастали мхом, пускали от себя новые зеленые побеги.

Богатейшие, никем не изведанные земли лежали перед Барановым. Он твёрдо решил присоединить их к русским владениям и заложить здесь поселения, но пока внимательно знакомился с этим районом и его жителями, тщательно записывая в корабельный журнал свои наблюдения.

В начале сентября 1795 г. «Ольга» благополучно вернулась из дальнего плавания на Кадьяк. Оно имело большое значение для дальнейшего исследования и освоения русскими северо-американского побережья. Были получены новые достоверные и многочисленные сведения об этих далёких районах, и вслед за Барановым вскоре двинулись туда отважные русские поселенцы. В дремучих чащах юго-восточной Аляски застучали русские топоры.

Сведения, собранные Барановым в это плавание по географии и этнографии этих мест, не были опубликованы. Но его судовым журналом широко пользовались русские мореходы на Тихом океане. Первый официальный историк Российско-Американской компании П. Тихменев в своём двухтомном труде* так же не раз ссылался на него.

Баранов начал составлять топографическое описание северо-западного побережья Америки, но, узнав об успехе уже вышедшей книги Г. И. Шелихова, не окончил свою работу.

В 1795 г. он писал об этом в одном из своих писем следующее: «...Я было начал писать топографическое

---

* П. Тихменев, Историческое обозрение образования Российско-Американской компании, СПБ 1861.

здешних мест описание, но известясь, что уже вышло в свет Григория Ивановича издание *, бросил яко тщетный труд; уверен при том, что подробности, историю с описанием древности народов и их обычаев, с произведениями натуры в дополнение, бывшею экспедициею и вами описанного не упустят... где может быть и мой посильный труд в новых открытиях поместится. Чрез меня впервые северная страна разведана и описана с перешейком, приведена в подданство российское... Надеюсь и далее по матерой земле сделать открытия. Чугацкая губа также вся мною приведена впервые под державу российскую и до самой бухты Якутат и за оною народы... в дружеской с нами находятся связи» [10].

Всё это славный открыватель имел право писать в Россию. К сожалению, неоконченная рукопись Баранова, этот интереснейший документ о деятельности отважных русских пионеров Нового Света, до сих пор не найдена.

В своём сообщении Шелихову Баранов описывает обстановку, в которой приходилось действовать русским в Америке, и их очередные задачи: «Мест по Америке далее Якутата много, кои бы для будущих польз отечества занимать россиянами давно б следовало в предупрежденье европейцев, из коих англичане основали на тех берегах до самой Нутки весьма выгодную торговлю, ...променивают огнестрельное оружие и снарядов множество... Но мужество и неустрашимость потребны к преодолению первых только затруднений, чего в российском народе всегда найти надеяться можно. Хвалы достоен подвиг обратиться по Америке к Нутке и доставить тем честь государству, которому мы жизнию и покоем жертвовать по присяге и совести обязаны» [11].

Но это письмо Баранова уже не застало адресата. 20 июля 1795 г. Григорий Иванович Шелихов скоропостижно скончался.

Через три года после его смерти, в 1798 г., на базе созданных Шелиховым компаний была организована знаменитая Российско-Американская компания, первым

---

* Баранов здесь имеет в виду книгу Шелихова — «Российского купца, именитого Рыльского гражданина Григория Шелихова первое странствование из Охотска по Восточному океану к Американским берегам с 1783 по 1787 год», СПБ 1791 г.

директором которой стал зять Шелихова М. М. Булдаков. Через год компания получила монопольные права на Тихом океане и была принята под покровительство царя.

В России зарождался капитализм, и молодая торговая буржуазия жадно искала всё новых и новых источников наживы. Эксплоатация природных богатств и туземцев Аляски ещё более усилилась.

Новое правление компании обратилось с письмом к Баранову, где отмечались его выдающиеся заслуги в деле открытия, исследования и закрепления за Россией обширных пространств северо-восточного побережья Северной Америки. Правление компании просило Баранова оставаться и впредь на своём посту. В приложении к этому торжественному адресу правление уже в деловой и будничной форме предлагало наложить на туземцев новые тяготы, запретить производить промысел для себя, увеличить количество сдаваемых ими компании шкур.

Компания нещадно эксплоатировала труд туземцев и русских промышленников. Последние нередко работали «из половинной доли», т. е. половину промысла отдавали компании и только половину могли оставить себе. При этом они были обязаны продавать свою долю мехов только компании, естественно, по цене, ею назначенной; часть платы они получали продуктами и вещами, за которые компания брала с них втридорога. Ещё хуже было положение туземцев. Каждое лето их отрывали от необходимого для пропитания семей промысла и отправляли за сотни вёрст на охоту за бобрами, а семьи туземцев голодали. Платили им бисером, табаком, а чаще — птичьими или еврашечьими парками *, которые бесплатно изготовлялись для компании туземными женщинами. Таким образом компания присваивала тяжёлый труд туземцев-охотников.

Баранов ответил правлению компании обширным донесением, где подробно описывал деятельность компании и её промысловых партий в Америке. Там он, между прочим, писал: «Бобры и прочий промысел ведь не так, как в Охотске горбуша, добывается, а без ма-

---

* *Парки* — длинные рубахи с разрезом для головы, сшитые из шкурок зверей или птиц.

лого на две тысячи вёрст расстилаемся мы с русскими и партией иноверцев по морю... Одна колюжская дорога до Якутата весьма для иноверцев тягостна и несносна. Представьте себе бедных иноверцев, едущих туда и обратно две тысячи вёрст в тесной байдарке, без помощи парусов, на гребках, претерпевающих голодовку по недостатку на пути кормов, а по малоимению тем берегом пристаней часто и погибающих от бурливости моря; притом и на непримирённых берегах со всегдашней опасностью от нападения кровожаждущих там народов производить они промысел должны» [12].

Но это был глас вопиющего в пустыне. Конечно, ни один из богатых и высокопоставленных акционеров компании не удостоил «бедных иноверцев» внимания.

В 1797 и 1798 гг. партии алеутов во главе с промышленными доходили до Ситхи и имели там хороший бобровый промысел.

Много несчастий обрушилось в эти годы на Баранова. Погиб в Чугацком заливе один из его кораблей; на пути из Охотска на Кадьяк потонуло судно «Феникс», первенец русского судостроения в Америке. Тяжёлую голодную зиму 1799 г. перенесли русские артели.

В те годы первый помощник Баранова Иван Александрович Кусков построил в Чугацком заливе на острове Нучек новую крепость, названную Константиновской.

Весной 1799 г. Баранов решил, наконец, заложить русское поселение на Ситхе. В далёкий поход отправились под его начальством три парусных судна — бриг «Екатерина», катер «Орёл» и куттер «Ольга» и пятьсот байдарок с алеутами. Только в июле, после трёхмесячного тяжёлого плавания, отряд достиг Ситхи.

Баранов познакомился с местными индейцами и их вождями. Старшего из них звали Скаутлельт. Баранов обратился к ним с просьбой уступить место на острове для постройки крепости. Самым удобным и безопасным местом была бы высокая скала у берега залива, но там расположилось селение индейцев, и Баранов решил их не притеснять.

Крепость решено было с согласия индейцев, которые отнеслись к русским дружелюбно, строить в другом месте залива. Его Баранов нашёл после шестидневных беспрерывных исследований берега. Расположились лагерем и

начали строительство. Два судна, «Екатерину» и «Орёл», и четыреста байдарок Баранов отправил обратно на Кадьяк.

Наступила осень. Полили беспрерывные дожди, густой молочный туман висел над лесом и заливом, холодный резкий ветер трепал корабельные снасти и холстины временных палаток на берегу, гудел в трубах бревенчатых хижин. В одном из донесений компании Баранов так описывал эту зимовку на Ситхе: «Из построек мы произвели сначала большой балаган, в который сгрузили с судов вещи и клали приготовленный корм. Потом баню небольшую, в кою я и перешёл в октябре месяце, проживая до того в изорванной палатке под ненастьем; а тут зиму мучился в дыму и сырости от печи при худой крыше и беспрестанных ненастьях до февраля. Потом построили двухэтажную с двумя будками по углам казарму... с погребом для хранения припасов. Всё сие сделано малыми силами, ибо всех нас было 30 человек, из коих 20 занималось постройкою, а 10 человек употреблялись для стражи» [13]; алеуты и эскимосы занимались исключительно охотой для добывания пищи.

Новую крепость назвали Архангельской.

Баранов в эту зиму хорошо изучил Ситху и окрестные острова. Он всячески стремился наладить хорошие отношения с индейцами, был с ними ласков, в знак дружбы дарил различные украшения, одежду, ножи и другие изделия из железа. Главный тойон Скаутлельт не раз говорил о своей вечной дружбе с русскими. Баранов, несмотря на то, что располагал небольшим числом людей, ни в коем случае не хотел казаться слабым. Когда приезжие с других островов тлинкиты избили русского толмача *, Баранов сам с несколькими промышленниками смело явился в селение индейцев, объяснил старшинам дерзость поступка и на глазах у всех заставил виновных просить прощения. Своим мужеством, умом и справедливостью Баранов снискал себе всеобщее уважение среди туземцев.

В марте 1800 г. Баранов собрался плыть обратно на Кадьяк. На прощанье он подарил Скаутлельту медный российский герб и открытый лист, где сообщалось о российском подданстве вождя. Начальником крепости

---

* *Толмач* — переводчик.

Баранов назначил Василия Медведникова, человека испытанной верности, храбрости и сноровки. Под его начальством осталось 29 русских, 200 эскимосов и несколько женщин с детьми. Гарнизон пополнился тремя американскими матросами, каким-то образом попавшими на Ситху и принятыми «по добродушию россиян» на работу в крепость.

Баранов вернулся на Кадьяк в мае 1800 г. Этот человек, казалось, не знал усталости. Каждое лето он объезжал русские поселения в Америке, руководил промыслом, вёл переговоры с индейскими вождями, заботился о новых русских переселенцах из России, сурово расправлялся с изменниками и врагами. «Я неусыпно старался, — сообщал в это время Баранов в одном из своих писем к правителю острова Уналашки Ларионову, — всякое лето ходя сам своим маленьким судёнышком для замечания берегов Америки, вдаваясь во многие опасности, изыскивал я выгод общественных проходя сам... гораздо далее Льтуа, на Чилхатскую бухту и под сопку Ечкум; свёл дружество с народами и теперь почти до самых тех мест партия наша, хотя и с великою трудностию, расстилается. Между же тем учёными, не как я, на других судах мореходами описываются берега с положением на карту... Чугацкий и Якутатский заливы до Льтуа теперь заняты нашими обселениями, а описания берегов под самую Нутку простёрты...» [14].

Огромный географический и этнографический материал собрал Баранов о северо-западном побережье Северной Америки. Об этом свидетельствуют многие русские мореплаватели. Ф. П. Литке, например, говоря об этих материалах, указывал, что их вполне достаточно, чтобы написать биографию Баранова и указать там на его большие заслуги перед русской географической наукой.

В 1798—1800 гг. Баранов посылает неутомимого Кускова на реку Медную «ради разведывания разных к выгоде компании предметов».

В эти же годы Баранов посылает отряд, который занял берега озера Шелихова (Илямна), «из коего, — по словам Баранова,— вытекает река Квийчак в Северное позадь Аляксы море»[15].

К этому периоду относится характеристика Баранова, принадлежащая Г. И. Давыдову, лейтенанту русского

флота, два года прослужившему в Российско-Американской компании на Кадьяке и жившему бок о бок с Барановым. Подробно описав трудности, с которыми сталкивались русские в Америке, Давыдов дальше пишет: «Все сии труды, препятствия, горести, недостатки, неудачи не ослабили духа сего редкого человека, хотя, конечно, влили в нрав его некоторую мрачность. Баранов не весьма говорлив, сух, покуда хорошо познакомится; но объясняется всегда почти с жаром, а особливо о том, что его занимает. Он не лёгок на знакомство, но для друзей своих ничего не щадит. Любит угощать иностранцев всем, что имеет, и везде с удовольствием помогает бедным. Совершенное бескорыстие — не первая в нём добродетель... Твёрдость духа его и всегдашнее присутствие разума суть причиною, что дикие без любви к нему уважают его, и слава имени Баранова гремит между всеми варварскими народами, населяющими северо-западные берега Америки до пролива Жуан де Фука. Даже живущие в отдалённости приезжают иногда смотреть его и дивятся, что столь предприимчивые дела могут быть исполняемы человеком столь малого роста. Баранов ростом ниже среднего, белокур, плотен и имеет весьма значущие черты лица, не изглаженные ни трудами, ни летами, хотя ему уже 56-й год» [16].

Скоро судьба приготовила суровому правителю Русской Америки ещё одно тяжёлое испытание.

В апреле 1802 г. Кусков отправился с партией эскимосов в 450 байдар и несколькими русскими на Ситху. По дороге зашли в Якутатскую крепость. Здесь до Кускова дошли первые глухие слухи о враждебных приготовлениях тлинкитов. Но непосредственной опасности не было, и Кусков продолжал свой путь.

У залива Акой, в 60 верстах от Якутата, где партия остановилась на отдых, индейцы встретили русских враждебно. Они избили нескольких эскимосов, а потом большой толпой, размахивая копьями, подступили к стану Кускова.

Русские еле отбили нападение: место было совершенно открытое, лес здесь отступал от берега и темнел в стороне у самой подошвы огромных снежных гор. Как только тлинкиты отступили, Кусков велел переправиться на другой, лесистый берег залива. Там быстро построили завалы из деревьев. Индейцы убедились, что

Окрестности Ново-Архангельска.

нападение не удалось, и скрылись в лесу. Партия вернулась обратно в Якутат; русские пополнили запасы пороха и пуль и двинулись снова к Ситхе.

15 июня подошли к Ледяному проливу. На островах они видели селения тлинкитов и их всюду поразило отсутствие взрослых воинов. В одном из селений старик-индеец сказал Кускову, что воины ушли на Ситху. Встревоженный Кусков поспешил туда же. 17 июня он отправил вперёд разведку, приказав плыть только ночью.

За день до появления разведчиков в Ситхинском заливе произошли страшные события.

18 июня, дождавшись ухода на промысел эскимосских байдар и большинства русских, сотни тлинкитов неслышно подкрались к Архангельской крепости: часть из них шла лесом, другие — на лодках вдоль берега. И вот первые отряды индейцев с воинственным кличем ворвались в крепость. Вооружённые ружьями, копьями, кинжалами, в толстых лосиных плащах, индейцы бросились на приступ. Их лица были разрисованы краской, в волосах, посыпанных орлиным пухом, торчали длинные перья. На некоторых были надеты большие деревянные маски, с которых смотрели в диком оскале морды медведей и волков, огромные круглые, налитые кровью

глаза священных воронов, хищно разевали пасть дикие кабаны.

Толпы индейцев заполнили двор крепости. Двенадцать русских во главе с Медведниковым заперлись в двухэтажном здании казармы. Индейцы беспрерывно стреляли из ружей, туча стрел висела в воздухе. Уже пылали крепостные постройки, едкий дым от пожарища стоял над заливом. С дикими криками тлинкиты носили по крепости поднятых на копья русских пушкарей, пытавшихся огнём из своих единорогов преградить путь индейцам. Теперь уже пушки палили по казарме.

В грохоте и дыме сражения защитники крепости неожиданно увидели среди нападающих европейцев. Они тоже яростно стреляли по русским и указывали индейцам, где сложены бобровые шкуры. Это были те самые американские матросы, которых Баранов определил на службу в крепость; чёрным предательством ответили они на радушие русских.

Но вот рухнули двери казармы, толпы тлинкитов рванулись туда. Мужественно и до конца бились русские, ни один не пытался спастись бегством. Уже пылала подожжённая с четырёх сторон казарма, чёрные клубы удушливого дыма наполнили её, но внутри ещё кипел бой. Скоро последние защитники крепости были подняты на копья.

На пригорке, недалеко от крепости, стоял Скаутлельт, ложный друг Баранова, и руководил резнёй.

Крепость ограбили и спалили до тла. Спаслись одиночки. Они и принесли Кускову горькую весть о побоище.

Кусков немедленно повернул обратно. Плыли только ночью. Индейцы по всему побережью волновались, нападали на промысловые партии, убивали русских. К Якутатской крепости подошли через несколько дней и убедились, что она цела. Потом оказалось, что приезд Кускова спас её; вокруг уже собирались тлинкитские отряды, и индейцы в знак войны посыпали себе голову орлиным пухом. После приезда Кускова дальние тлинкиты отправились по домам, а у окрестных племён русские взяли новых аманатов.

Баранов знал, что враждебность туземцев подогревалась иностранцами. Англичане, бостонцы (как тогда называли американцев), испанцы, французы приходили

на своих кораблях в воды Русской Америки, торговали с туземцами, часто грабили их, сжигали поселения или незаконно вели промысел морских зверей в русских владениях.

Многие из иностранных мореходов, избегая прямой встречи с русскими, старались всячески навредить им исподтишка. Они спаивали индейских вождей, снабжали их огнестрельным оружием, порохом и свинцом и подбивали на выступления против русских.

Нападение на Архангельскую крепость, как выяснилось позже, было организовано пиратом Барбером. Он нарочно подослал к русским своих людей и договорился со Скаутлельтом. Барбер долго разбойничал в водах Нового Света и принёс ещё немало вреда русским поселениям.

Через два года, в 1804 г., к Ситхе вышел под начальством Баранова целый отряд русских парусников: «Екатерина», «Александр» и построенные за год до этого Кусковым в Якутате «Ермак» и «Ростислав», а также большой отряд союзных эскимосов и алеутов.

В Ледяном проливе суда попали в сплошной туман, скрывший каменистый берег и стеной стоящие льды. Опасность возросла в связи с тем, что с приливом усилилось течение в проливе. Оно увлекло суда в самую гущу пловучих льдов, понесло между опасными утёсами и скалами у берега. Ветер затих, паруса не служили, буксиры не могли противодействовать приливу, а большая глубина не позволяла стать на якорь — способов к спасению не было. Когда же начался отлив, то суда снова через те же опасности вместе с пловучими льдами повлекло обратно в море. Между стоячими громадами ледяных гор возникли страшные водовороты, в которых суда вертело и прижимало к льдинам. Нужно было проявить большую отвагу и сноровку, чтобы, отталкиваясь длинными шестами, не быть раздавленными.

Только через полсуток удалось, наконец, выбраться из пролива и стать на якорь в небольшой гавани. «Ермак» утерял шлюпку, «Ростислав» — румпель, погибла одна эскимосская байдара.

Через три дня Баранов опять попытался пройти тем же проливом, через который ни одно парусное судно до него не решалось пускаться.

При хорошей погоде и попутном ветре отряд Баранова благополучно прошёл Ледяной пролив и к вечеру уже был в широком и открытом проливе Хуцноу, разделяющем острова Чичагова и Хуцноу. Потом прошли пролив Чильхат и 8 сентября достигли бухты Крестовской. Здесь Баранова дожидалась красавица «Нева», участница первого русского кругосветного плавания, под командой Ю. Ф. Лисянского.

Индейцы засели в крепости из толстых лиственничных брёвен и вели огонь по прибывшим. Ими руководил главный тойон Ситхи Котлеян, племянник коварного Скаутлельта. Английские и американские мореходы, предательством помогшие индейцам овладеть два года назад Архангельской крепостью, теперь вдоволь снабдили воинов Котлеяна огнестрельным оружием и обнадёжили помощью.

Баранов предложил индейцам сдаться, выдать пленных и заключить мир, но те отказались. Тогда русские пошли на приступ. Бок о бок дрались матросы и офицеры с «Невы», русские промышленники и союзные алеуты. В этом бою Баранов был ранен. Индейцы не выдержали натиска и оставили крепость.

Баранов вскоре великодушно простил Котлеяна и подарил ему жезл с русским гербом, украшенный орлиными перьями.

На высокой неприступной скале, где раньше находилось селение индейцев, была заложена новая крепость, названная Ново-Архангельской. Ей суждено было вскоре стать столицей Русской Америки. Российский флаг снова гордо развевался над Ситхой.

За одну зиму возникла большая Ново-Архангельская крепость. Побывавший здесь следующей весной на пути из Кадьяка в Кантон Лисянский был изумлён «удивительными плодами неустанного трудолюбия Баранова».

На корабле «Нева» в Русскую Америку были доставлены книги, картины, чертежи, карты, атласы, несколько телескопов, статуи и даже электрическая машина. Вся передовая Россия участвовала в составлении этой коллекции. Известные писатели, поэты, скульпторы, художники, просвещённые вельможи считали своим долгом послать в новые земли плоды русского гения, познакомить далёкие окраины страны с достижениями русской культуры.

«Сии драгоценности, как памятники, хранить в пристойном месте, или музеуме, по поводу сему к вам уже писано, чтобы для постройки галереи для вмещения оных книг и протчего приготовили вы лес» [17], — писало правление компании Баранову в 1803 г.

На Ситхе были созданы большая по тем временам библиотека в 1 200 книг и интересный музей.

В современной Аляске сохранились следы битвы Баранова за Ситху в 1804 г.: часть индейской крепости, которую штурмовал Баранов, и старинные русские укрепления на Ситхе. А немного поодаль, среди кустарника, у подножья зелёной горы, простой деревянный крест за дощатой оградой указывает место братской могилы, где похоронены смелые русские люди, сложившие свои головы в этой знаменитой битве.

Даже такой тяжёлый удар, как уничтожение русской крепости на Ситхе, не заставил Баранова отказаться от дальнейших плаваний и открытий. Он решил получить сведения о землях дальше по американскому побережью, за Ситхой — о солнечной Калифорнии. Баранов хотел создать там базу для снабжения суровых пространств Русской Америки хлебом и другими продуктами. Кроме того, бобры отходили всё дальше вдоль побережья, и русские промысловые артели в погоне за ними уже дошли до границ Калифорнии.

В самый разгар подготовки к походу на Ситху, весной 1803 г. Баранов отправляет в Калифорнию 20 байдар под командой верного и смелого промышленника Швецова. Ему он предписал замечать все земли, к которым они будут приставать.

Швецов совершил далёкий поход вдоль берегов Калифорнии. Они вздымались над морем высоким крутояром из песка и мелких камней. Далее к югу громадные серые скалы повисли над водой; за ними виднелись горные вершины, покрытые снегом. В таких местах море на несколько миль от берега было усеяно множеством мелких скал и островков. Ещё дальше на юг низкий берег и горы были покрыты густыми хвойными лесами.

За Швецовым следили с берега конные испанские патрули, но преградить ему дорогу не посмели. Славному мореходу принадлежит честь первому из русских с берегов Нового Света ступить на землю Калифорнии. Промышленники ловили бобров в бухте Сан Диего, образо-

ванной длинной песчаной косой и выдающимся в море высоким мысом под 32° 41′ с. ш., и в бухте Сан Кентин, на границе Новой и Старой Калифорнии.

Швецов вернулся на Кадьяк в марте 1804 г. Он привёз достоверные сведения о плодородных землях и благодатном климате тех мест.

Плавание Швецова утвердило Баранова в мысли о необходимости тщательного сбора сведений и о дальнейшем продвижении русских заселений на юг.

1805 год ознаменовался важным событием. 23 мая на корабле «Мария» прибыл с Камчатки один из акционеров компании, умный и образованный вельможа, зять Шелихова Николай Резанов. В качестве русского посла в Японию он проделал на корабле Крузенштерна первую половину его кругосветного плавания и теперь прибыл в Русскую Америку для обследования компанейских дел. Резанов привёз чин коллежского советника Баранову, Кусков был пожалован золотой медалью, Швецов и несколько других смелых мореходов — серебряными. Подвиги русских в водах Нового Света стали известны в России.

Резанов подробно ознакомился с жизнью компанейских заселений в Америке, с организацией промыслов, с эскимосскими и индейскими тойонами, принявшими российское подданство, вёл долгие беседы с Барановым в только что построенной Ново-Архангельской крепости.

О правителе Русской Америки он с восторгом сообщал в Санкт-Петербург: «Живём все мы очень тесно; но всех хуже живёт наш приобретатель сих мест, в какой-то дощёной юрте, наполненной сыростью до того, что всякий день плесень обтирают, и при здешних сильных дождях со всех сторон как решето текущей. Чудный человек! Он заботится только о спокойном помещении других, но об себе самом беспечен до того, что однажды нашёл я кровать его плавающей и спросил, не оторвало ли где ветром боковую от храмины его доску. «Нет,— спокойно отвечал он, — видно, натекло ко мне с площади»,— и продолжал свои распоряжения. Я скажу вам, милостивые государи, что г. Баранов есть весьма оригинальное и притом счастливое произведение природы. Имя его громко по всему западному берегу, до самой Калифорнии. Бостонцы почитают его и уважают, а американские народы, боясь его,

из самых дальних мест предлагают ему свою дружбу. Из Кайган знаменитый тойон Кау прислал сея весны на бостонском корабле своего сына, чтобы посмотреть Баранова и с ним познакомиться. Признаюсь вам, что с особенным вниманием штудирую я сего человека. Важныя от приобретений его последствия скоро дадут ему и в России лучшую цену, и я думаю, что верною его характеристикою угожу многим из соотечественников, которые не заражены чужеземием и любят видеть дела россиян в надлежащем виде их» [18].

1805 г. был тяжёлым годом для русских поселений в Новом Свете. Погиб корабль с продовольствием, и в Ситхе наступил голод. Люди валились с ног от недоедания и цынги. Тлинкиты опять начали враждебные вылазки, совершали нападения на рыболовецкие промыслы, стреляли из ружей по байдаркам звероловов. Осенью индейцы напали на якутатскую крепость и убили там 12 русских во главе с начальником крепости, Степаном Ларионовым.

Баранов принял новые меры предосторожности, но походы русских не прекратились. В феврале 1806 г. Резанов плавал на «Юноне» в испанскую миссию Сан-Франциско и привёз в голодающую Ситху продукты.

Пока Резанов вёл переговоры с испанцами, Баранов послал в новый поход к берегам Калифорнии отважного промышленника Сысоя Слободчикова.

50 байдар ушло на юг. Слободчиков побывал в устье реки Колумбии, потом приплыл в Калифорнию, а оттуда двинулся на шхуне «Николай» к Сандвичевым (Гавайским) островам. Он благополучно достиг владений короля Камеамеа I, давно уже прослышавшего от американских и английских мореходов о грозном правителе Русской Америки.

Слободчиков увидел вулканические вершины острова Овайги, рощи кокосовых пальм у берега, знойные долины, где среди полей сахарного тростника и кустов сладкого картофеля виднелись гигантские листья банановых деревьев и круглые плоды хлебного дерева. У берега жители устраивали бассейны, где под палящими лучами солнца испарялась морская вода и на дне образовывались белоснежные пласты соли.

С почётом принял Камеамеа первого русского с берегов Нового Света. Слободчиков зимовал на островах.

Пе́ред отъездом Слободчиков заключил с королё торговое соглашение. Баранов получил возможность заку пать на Гавайских островах плоды хлебного дерева сандал, соль, мясо и жемчуг.

Баранов старел, годы брали своё. Всё труднее был совершать далёкие плавания по бурному Восточном океану на хрупких парусниках, всё труднее становилос переносить тяжёлую, полную трудов и опасностей жизн в этом суровом крае. Но старый правитель ни на мину ту не давал себе отдыха. Его умом продолжала владет мысль перешагнуть границу плодородной Калифорний ской земли.

Баранова не смущало глупое бахвальство испански колонизаторов, обосновавшихся к середине XVIII в. залива Сан-Франциско и к югу от него, о том, что им будто, принадлежит всё побережье Америки от мыс Горн до Берингова пролива. У них нехватало сил желания исследовать земли даже вокруг своих миссий а о продвижении в суровые северные просторы они не помышляли, хотя и приписали некому Аниану чест открытия Берингова пролива и упорно называли ег Анианским проливом.

Указывая на абсолютное незнание испанцами северо западного побережья Северной Америки, В. М. Голов нин приводит случай с испанским мореходом Франциско Антонио Моррель, который, случайно попав в Чугацки залив, решил, что он на Камчатке, и с часу на час ожи дал нападения русских. Впоследствии русские буквальн но под боком у испанцев открыли новые плодородны долины и полноводные реки даже на побережье залив Сан-Франциско.

Баранов считал, что начинать следовало со сбора под робных, достоверных, несколько раз проверенных све дений о Калифорнии. И вот в 1808 г. в поход снова вы ступил Сысой Слободчиков. Он достиг границ Калифор нии, и в Тринидадском заливе, который обступили снеж ные громады Каскадных гор с двухглавой вершиной горы Шасты, под 41° с. ш. заложил доску с изображе нием двухглавого орла и гордой надписью: «Земля Рос сийского владения».

В этом же году отважный Швецов совершил новый поход в Калифорнию. Он миновал устье реки Колум бии и пошёл дальше на юг, вдоль береговых гор, к мысу

Мендосино, где открыл залив Бодего под 38° с. ш. Горы, поросшие дубовыми и хвойными лесами, богатые пастбища, плодоносные земли, благодатный климат привлекли внимание русских к этим местам. Швецов оставил в заливе Бодего, милях в 60 к северу от входа в залив Сан-Франциско, медную доску со знаками российского владычества: даже сюда не смогли добраться энергичные только на словах испанские колонисты.

Швецов опять прошёл до Сан Диего. Он вернулся к Баранову с 1 000 бобровых шкур и новыми сведениями о Калифорнии.

В 1803 г. предпринимает свой первый поход в Калифорнию Иван Кусков на судне «Кадьяк». С ним вместе должен был плыть и Тимофей Тараканов на судне «Николай».

Но Тараканов потерпел крушение у берегов Колумбии. О скитаниях горстки мужественных русских людей по прибрежным лесам, обо всех перенесённых ими страданиях и жертвах Тараканов подробно и красочно рассказал в своём судовом журнале. Журнал этот в 1810 г. Баранов показал побывавшему в Ситхе Головнину, который и поместил его в своём «Прибавлении» к переведённому с английского языка сочинению по истории известных кораблекрушений *.

Кусков же благополучно достиг 28 декабря залива Бодего, который в честь просвещённого русского министра, организатора многих русских научных экспедиций, был назван заливом Румянцева. Несколько месяцев Кусков изучал этот район Калифорнии и в августе 1809 г. вернулся на Ситху. Он сообщил Баранову, что лучшего места для постройки русской крепости не найти.

Через месяц Баранову донесли о готовящемся против него заговоре. Гарпунщик Наплавков, мечтавший о привольной жизни на одном из тропических островов Тихого океана, вместе с промышленником Поповым подбили несколько человек на бунт. Они собирались убить Баранова и Кускова, разорить и ограбить компанейские склады и, овладев каким-нибудь кораблём, уплыть в океан. В тот вечер, когда заговорщики собрались в казарме

---

* В. М. Головнин, Собр. соч., т. IV, СПБ 1864, стр. 406—429.

и подписями скрепили предательский сговор, Баранов сам предстал перед ними с пистолетами в руках. Заговорщики были схвачены.

Баранов твёрдо решил обосноваться в заливе Румянцева. Он ждал только согласия главного правления компании в Петербурге. До его получения Кусков успел побывать в заливе Румянцева ещё раз. Наконец разрешение было получено, и в ноябре 1811 г. Кусков вышел на судне «Чириков» в море. С ним отправились 95 русских промышленников и отряд в 40 эскимосских байдарок.

До залива Румянцева отряд Кускова дошёл благополучно. Подходящее место для строительства крепости нашли в 18 верстах от залива, на высоком морском берегу, около небольшой речки, названной русскими Славянкой. Кругом шумели дремучие леса. Промышленные начали валить деревья, расчищать место для крепости.

В июне 1812 г. была основана крепость Росс, под 38°33′ с. ш. и 123°15′ з. д. Строения её — дом правителя, казармы, склады — были обнесены высоким тыном, 13 пушек охраняли крепость. Кругом были разбиты огороды, пасся скот. Кусков стал правителем крепости. Он управлял ею бессменно около 9 лет. В заливе Румянцева Кусков построил из американского дуба два парусных судна — бригантину «Румянцев» и бриг «Булдаков».

Замечательная деятельность Ивана Александровича Кускова заслуживает того, чтобы сообщить здесь те немногие сведения, которые мы имеем об этом русском пионере Северной Калифорнии.

В рукописном отделе музея города Тотьма была сделана интереснейшая находка — выписки из «Биографии И. А. Кускова». Из них видно, что Кусков родился в 1765 г. в гор. Тотьме, а в 1787 г. отправился в Иркутск. Он имел «нрав весёлый, в обхождении с людьми был ласков, в исполнении верен» [19]. В 1790 г. он заключил договор с Барановым о выезде в Америку. Далее в этом жизнеописании имеются данные об уже известных нам подвигах Кускова в Новом Свете и о полученных им там наградах. Под 1812 г. приведены интересные сведения об его жене — Екатерине Прохоровне, верном и отважном спутнике его трудной жизни в Калифорнии. Она, «ознакомясь с языком диких американцев», была на-

Ново-Архангельск в первой половине XIX в.

дёжным переводчиком и своеобразным посредником в переговорах с индейцами. В 1822 г. седой правитель Росса, — коммерции советник Кусков, обладатель золотой медали за подвиги в Новом Свете, возвратился на родину и через год умер. К рукописи «Биографии Кускова» приложен текст свидетельства «о благородном его поведении, высокой его честности и неуклонной ревности его на пользу общую», выданного 20 апреля 1822 г. и подписанного главным правителем русских колоний в Америке в те годы Муравьёвым.

Из залива Румянцева русские совершали далёкие экспедиции в глубь материка. Поселенцы Росса исследовали течение двух больших рек, впадающих с севера в залив Сан-Франциско, о чём и не помышляли жившие там нелюбопытные испанские монахи. Одна из этих рек брала начало в том же озере, что и река Славянка.

Русские, как всегда, по-хозяйски и основательно обживали новый край.

Испанцы предприняли несколько попыток вытеснить русских из Росса. Испанские офицеры даже грозили Кускову оружием, но получили спокойный и решительный отпор. Тогда губернатор Калифорнии решил окружить Росс испанскими католическими миссиями и тем воспрепятствовать дальнейшей деятельности русских поселенцев. Но и это ни к чему не привело.

В 1818 г. форт Росс посетил шлюп «Камчатка» по начальством Василия Головнина. Знаменитый мореплава тель виделся с Кусковым и получил от него много сведе ний о жизни русских поселенцев в Калифорнии. Голов нин рассказывал, что к нему на шлюп приезжал вожд местных индейцев Валенила и просил принять его плем в русское подданство, чтобы люди Кускова защищал индейцев от притеснений и жестокостей испанцев. Вале нила попросил у Головнина русский флаг и поднима его на берегу каждый раз, когда в море показывалос какое-нибудь судно. Русские промышленники,— расска зывает Головнин,— безбоязненно уходили в окрестны леса на охоту за дикими козами, часто ночуя у друзей индейцев, испанцы же никогда не рисковали появляться в селении индейцев без оружия.

В гавань Ново-Архангельска часто приходили тепер суда из Кронштадта, совершавшие кругосветное пла вание. Здесь бросали якорь корабли Головнина, Коцебу Лазарева и других русских мореходов. Флаги много численных народов можно было видеть в порту Ново Архангельска. Из Океании в Русскую Америку везли плоды хлебного дерева, сандал, соль; из Бразилии — кофе; табак — из Вест-Индии; тропические плоды — с Филиппин; шёлк — из Китая; хлеб и мясо — из Кали форнии. Обратно корабли везли из российских владений бобровые и котиковые шкуры, моржовые клыки, кито вый ус, древесину. Мечта Шелихова воплотилась в жизнь. Русские корабли во всех направлениях бороздили воды Тихого океана, люди Баранова вели торговлю в Кантоне и на Гаваях, в Малайе и Маниле, в Лиме и Сант-Яго.

Баранов открыл школы на Кадьяке и Ситхе, десятки черноволосых маленьких эскимосов, индейцев и креолов обучались там письму и счёту, а в «Высшей школе» на Кадьяке их обучали даже французскому языку. Библи отека Ново-Архангельска насчитывала много сотен книг, а музей повергал в изумление мореходов всех стран. Баранов, так много сил положивший на открытие и ис следование этого дикого края, много потрудился и над тем, чтобы русские как следует обжили его.

Одним из последних дел Баранова была организация экспедиции по исследованию глубинных районов Аляски на северо-западе материка. Туда он послал Петра Корса-

ковского, опытного и отважного человека. Он должен был обследовать побережье от полуострова Аляски до устья великого Юкона, завести торговлю с внутренними племенами Аляски, основать редуты и одиночки.

Зимой 1818 г. экспедиция, прибыв в Кенайский залив, перешла на озеро Шелихова (Илямна) и потом рекой Квийчак достигла залива Бристоль. Дальше Корсаковский пошёл берегом. Русские пересекли места, где еще не ступала нога европейца. Дойдя до реки Нушагак, Корсаковский исследовал её нижнее течение. Здесь он оставил часть людей под командой Фёдора Колмакова, старого и верного соратника Баранова, будущего исследователя верховьев Кускоквима, и велел строить крепость, названную потом крепостью Александра. С оставшимися людьми Корсаковский отправился дальше. Он достиг устья реки Тугияк, потом пролива Гагемейстера. Там ожидал его куттер «Константин» с различными вещами для экспедиции. Не давая отдыха отряду, Корсаковский двинулся дальше на север. Обойдя мыс Невенгам, он в лютую стужу достиг устья реки Кускоквим. Крайний пункт, которого достигла экспедиция отважного Корсаковского, был Юкон. Дальше уже нельзя было двигаться: кончились припасы. Местные индейцы рассказали Корсаковскому, что дальше по побережью он зимой не встретит ни одного человеческого жилья. Экспедиция повернула обратно.

В январе 1818 г., когда Баранову шел уже 73-й год, прибывший из Петербурга капитан Гагемейстер объявил ему, что имеет полномочия принять руководство делами компании в Америке. Злые языки уверяли, что старый правитель составил себе огромное состояние в Америке. Но при сдаче дел выяснилось, что оборот компании достиг не 4 800 000 рублей, как предполагали в Петербурге, а 7 000 000. На себя Баранов не истратил ни одной лишней копейки. 27 ноября 1818 г. Баранов взошёл на борт «Кутузова». Но он не успел достигнуть берегов России. 10 апреля в Зондском проливе Баранов скончался. Тело его было опущено в море.

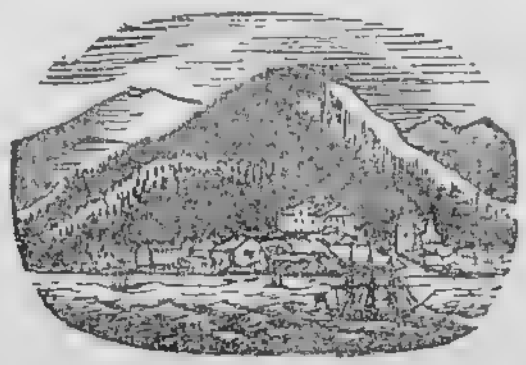
А. С. Пушкин, с интересом следивший за жизнью Русской Америки, встретясь в 1821 г. в Кишинёве с Павлом Пестелем и узнав от него о смерти Баранова, записал в своём дневнике: «Баранов умер. Жаль честного гражданина, умного человека» [20]. Вместе с великим

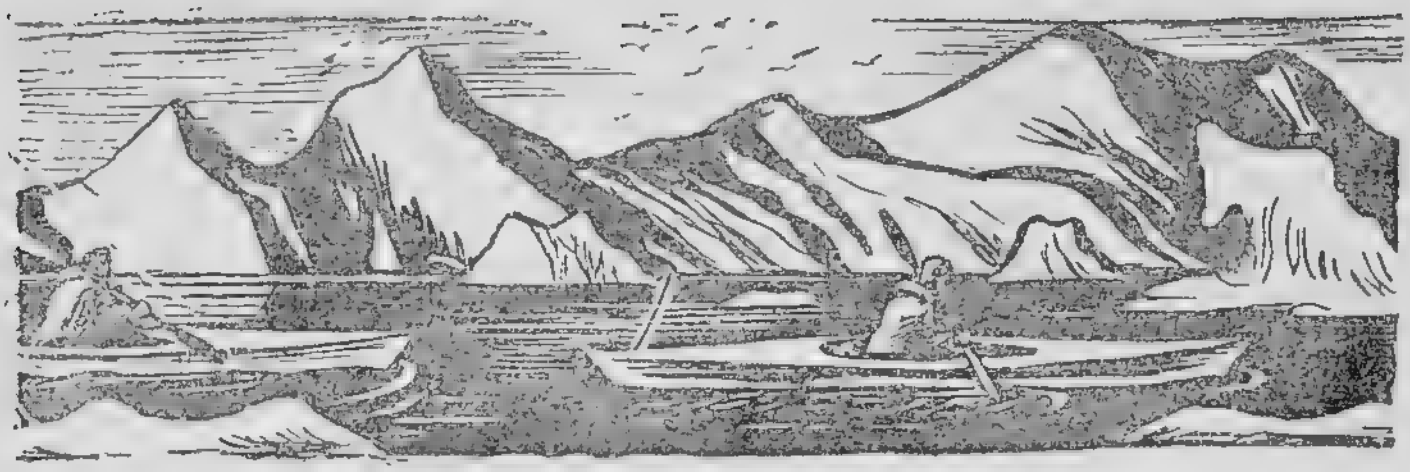
поэтом вся передовая Россия склонила голову перед прахом выдающегося русского деятеля.

Баранов не оставил после себя никакого литературного наследства. Это был открыватель и исследователь-практик, сделавший тем не менее огромный вклад в изучение и освоение северо-западного побережья Северной Америки. Много интереснейших сведений географического и этнографического характера содержат бумаги Баранова: путевые журналы его плаваний, донесения, записки, письма. Но лишь немногие из них пока дошли до нас и отысканы в последние годы. Жизнь и деятельность героев Нового Света ещё ждёт своего историка и исследователя.

Двадцать восемь лет отдал Баранов новому краю. На тысячи миль раздвинул он границы русских владений, открыл, исследовал и присоединил к России богатейшие области и в тяжёлой борьбе отстоял право на них своего отечества.

Крупное значение деятельности Баранова для развития русской и мировой географической науки неоспоримо. Она начинает главу героической истории русских географических исследований в Америке.





Александр Кашеваров

В первой половине XIX в. русские мореплаватели продолжали исследование побережья Северной Америки. Во времена Баранова основной поток исследователей, промышленников и поселенцев был направлен на юг, к берегам Калифорнии, в погоне за уходившим туда морским зверем, в стремлении создать на плодородных землях к югу от р. Колумбии продовольственную базу Русской Америки. Но во второй четверти XIX в. Российско-Американская компания приступила к организации исследований полярного побережья Америки, прилегающего к Берингову проливу.

Район Берингова пролива издавна привлекал исследователей. Лучшие умы предшествующих столетий обдумывали проблему достижения Индии из России Ледовитым океаном. И Берингов пролив рассматривался как восточные ворота великого морского пути.

Честь открытия этого пролива принадлежит Семёну Дежневу, обогнувшему в 1648 г. «Чукотский Нос» на пути из устья р. Колымы в устье р. Анадырь. Спустя почти 100 лет, в 1728 г., в нём побывал Витус Беринг, имя которого с тех пор и носит пролив. Однако Беринг видел только азиатский его берег.

21 августа 1732 г. произошло событие огромной важности, которое долгое время оставалось незаслуженно

забытым. В тот день небольшое русское судно «Св. Гавриил» под командой подштурмана Ивана Фёдорова и геодезиста Гвоздева подошло к американскому побережью пролива Беринга.

Честь открытия северо-западного побережья Северной Америки принадлежит этим двум скромным русским мореходам. Ими впервые были положены на карту Берингов пролив, острова в нём и часть американского побережья, вдоль которого «Св. Гавриил» следовал около пяти дней. За это время русские встречались с тузем-цами и собрали ряд достоверных сведений о природе тех мест.

В 1764 г. по замыслу великого Ломоносова была организована экспедиция Чичагова, корабли которого должны были выйти из Архангельска и пройти в Индию через Берингов пролив и Тихий океан. У Чукотского Носа их должна была встретить экспедиция Креницына и Левашова, вышедшая в Берингово море из Охотска. Этот замечательный замысел не удался, так как Чичагов не мог пробиться сквозь льды Баренцова моря. Однако Креницын и Левашов собрали много ценных сведений об Алеутских островах и западном побережье полуострова Аляска и составили подробную карту этого района.

Прошли годы. В июле 1780 г. девять чукотских байдар пересекли пролив, разделяющий Азию и Америку. В одной из них плыл казачий сотник Иван Кобелев. Это был пытливый и отважный человек. Вместе с чукчами он высадился на Большой Земле, как тогда сибиряки называли Америку, и двинулся на юг. Сибирский землепроходец внимательно изучал неведомый край и наносил его на карту. Иван Кобелев проделал огромный путь и первым из русских достиг устья Юкона.

В 1778 г. в районе Берингова пролива появилась первая иностранная экспедиция — англичанина Кука. Он вслед за русскими мореходами обошел азиатское и американское побережье Берингова моря. Со свойственным большинству английских мореплавателей неуважением к правам других народов он переименовал ряд известных уже русским мест на побережье, дав им английские названия и тем пытаясь присвоить себе честь первого открытия тех мест. Кук прошел Берингов пролив и, произведя очень поверхностную опись побережья, дошел до мыса Ледяного, где принуждён был повернуть

обратно: льды и стужа полярных районов показались ему непреодолимыми.

В 1815 г. к северному побережью Америки была отправлена первая русская научная экспедиция. «Кругосветный» бриг «Рюрик» под командой О. Е. Коцебу прошёл Берингов пролив и двинулся вдоль американского побережья на север. Отважным мореплавателем были открыты остров Сарычева, залив Шишмарёва, обширный залив Коцебу, названный так «вследствие общего желания всех моих спутников» — пишет О. Е. Коцебу, — и к северу от этого залива — мыс Крузенштерна. Таким образом русская экспедиция сделала ряд важных открытий, мимо которых прошел Кук.

Спустя три года вышел в свой смелый пеший поход Пётр Корсаковский. Он двигался к Юкону с юга, из Кенайского залива, и, преодолев огромные трудности и опасности, достиг устья великой аляскинской реки. Поход Корсаковского сомкнулся с маршрутом Ивана Кобелева, пришедшего к устью Юкона с севера, от Берингова пролива.

Через пять лет после Коцебу, в 1821 г., северные берега Аляски снова увидели русских мореплавателей. Военные корабли «Открытие» под командой капитана Васильева и «Благонамеренный» под командой капитана Шишмарёва, производя подробную опись побережья Берингова моря, прошли далеко за Берингов пролив, миновали мыс Крузенштерна и двинулись дальше вдоль покрытых тундрой берегов. Вскоре к северу от мыса Крузенштерна был открыт мыс Головнина. Васильев прошел вдоль американского побережья более чем на 60 *км* дальше Кука.

На этом состязание русских и английских мореходов не окончилось. В 1826—1827 гг. в Беринговом проливе появился английский корабль «Блоссом» под командой капитана Бичи. Английскому мореходу удалось достигнуть самой северной точки Американского материка, мыса Барроу, пройдя вдоль побережья на 200 с лишним *км* дальше капитана Васильева. Он составил карту побережья Аляски от Берингова пролива до мыса Барроу и опять не постеснялся переименовать открытые русскими места (например, мыс Головнина, открытый и названный Васильевым).

Но победу в состязании одержали русские мореходы,

дальше англичан проникшие с запада вдоль полярного побережья Северной Америки. Честь этой победы принадлежит поручику Александру Филипповичу Кашеварову. В 1838 г. он совершил байдарочный поход, пройдя от залива Коцебу до мыса Врангеля около тысячи километров и описав побережье более чем на 50 *км* дальше мыса Барроу. Подвиги и открытия целой плеяды смелых, опытных и настойчивых русских путешественников, их карты, отчёты, путевые записки и судовые журналы дали возможность Александру Кашеварову предпринять этот замечательный поход, который явился, таким образом, как бы завершением коллективного народного подвига ряда поколений русских открывателей.

Крупный успех русского исследователя был по заслугам оценён русской общественностью и печатью. Журнал «Сын Отечества» первым в 1840 г. напечатал описание путешествия, отметив в предисловии, что Кашеваров, вступив в состязание с Куком, Васильевым и Бичи, успешно выиграл его. Российское Географическое общество опубликовало журнал путешествия, «Санкт-Петербургские ведомости» сообщили в 1845 г. своим читателям, что в столицу после 12-летнего пребывания в Русской Америке приехал отважный исследователь А. Ф. Кашеваров; газета в течение месяца печатала отрывки из его дневника.

* * *

А. Ф. Кашеваров родился 28 декабря 1809 г. в Павловской гавани на о-ве Кадьяк. Он был сын русского учителя и алеутки. О первых годах жизни А. Ф. Кашеварова известно очень немного. Двенадцати лет он был привезён в Петербург и за счёт компании в числе нескольких других способных креолов был отдан на воспитание, в пансион, а затем в Кронштадтское штурманское училище. Уже в 1824 г., будучи ещё кадетом, он ходил в далёкие плавания к немецким и английским берегам. По окончании училища в 1828 г. он ушёл в кругосветное плавание на компанейском судне «Елена» в должности штурмана. Под конец плавания капитан судна назначил способного юношу нести обязанности вахтенного офицера.

В 1831 г. Кашеваров был зачислен прапорщиком в корпус флотских штурманов и отправился на военном судне «Америка» на службу в Русскую Америку.

Знающим и опытным моряком начал Кашеваров службу в Ново-Архангельском порту. Шесть лет он командовал кораблями компании, избороздил ими воды Русской Америки, Берингова и Охотского морей, побывал у берегов Калифорнии.

В 1838 г. правитель русских колоний в Америке капитан-лейтенант Куприянов поручил этому опытному и смелому моряку командовать байдарочной экспедицией по исследованию полярного побережья Америки к северу от Берингова пролива.

* * *

23 июня 1838 г. Кашеваров на компанейском судне «Полифем» оставил редут Св. Михаила в заливе Нортон и взял курс на север. Через несколько дней мореходы прошли Берингов пролив и вступили в воды Ледовитого океана. Три дня плыли вдоль американского берега не встречая льдов; на четвёртый в дымке тумана все увидели неясные очертания первых плавучих льдин. К вечеру туман сгустился, и судно еле двигалось, боясь столкновений со льдинами. Туман держался пять дней, и за это время добрались только до мыса Лисбурн.

Здесь на берегу Кашеваров заметил толпу туземцев-эскимосов и, захватив толмача, немедленно в лодке поехал к ним. Толмач, которого звали Утуктак, к большой радости Кашеварова, свободно объяснился с эскимосами. Он выяснил, что дальше вдоль берега льды преграждают путь кораблю, но байдары могут плыть свободно.

Возвратясь на бриг, Кашеваров предложил капитану высадить экспедицию на мысе Лисбурн.

5 июля экспедиция на пяти трёхлючных байдарках*, и на одной шестивесельной байдаре, — большой плоскодонной открытой лодке — в составе 30 человек высадилась на берег. Гулко прозвучали на пустынном берегу пушечные залпы: «Полифем», прощаясь, салютовал смелым путешественникам.

---

* *Трёхлючная (трёхместная) байдарка* — узкая лодка с обтянутым тюленьими шкурами деревянным остовом, которая имеет три круглых отверстия (люка) для гребцов.

Мрачным и суровым показался людям этот дикий, пустынный берег. Высокие серые каменистые утёсы вздымались над седым волнующимся морем — их разделяла только широкая песчаная «кошка»*, на которой местами темнели стволы выброшенных морем деревьев.

Карта района путешествия Кашеварова.

Пронзительно выл ветер в расселинах скал и вдруг со свистом вырывался из-за утёсов, поднимая на море высокие волны. Вою ветра вторили жалобные крики морских птиц, гнездившихся в утёсах.

Люди разбили палатки, вытащили на берег лодки. В это время к ним подошли несколько эскимосов.

---

* *Кошка* — низменная полоса берега, образовавшаяся под действием волн, выбрасывающих со дна песок и мелкий камень.

Это были рослые крепкие люди в одежде из оленьих шкур. Но первая беседа с ними не дала результатов.

Сколько ни бился Кашеваров, ни потчевал эскимосов табаком, — они только улыбались и на все вопросы отговаривались незнанием.

Позже Кашеваров объяснил себе их странную сдержанность. Месяц спустя он писал в дневнике: «Только тогда открываются для путешественника некоторые черты характера и свойств дикарей, когда они находятся в своём селении или бывают многочисленны. Поверья свои они вообще не передают легко; только случайные обстоятельства или продолжительное наблюдение знакомят с ними» [21].

7 июля в 5 часов утра экспедиция выступила в путь. Байдарки одна за другой легко скользили вдоль утёсистого берега; за ними медленно двигалась на вёслах тяжело нагружённая байдара.

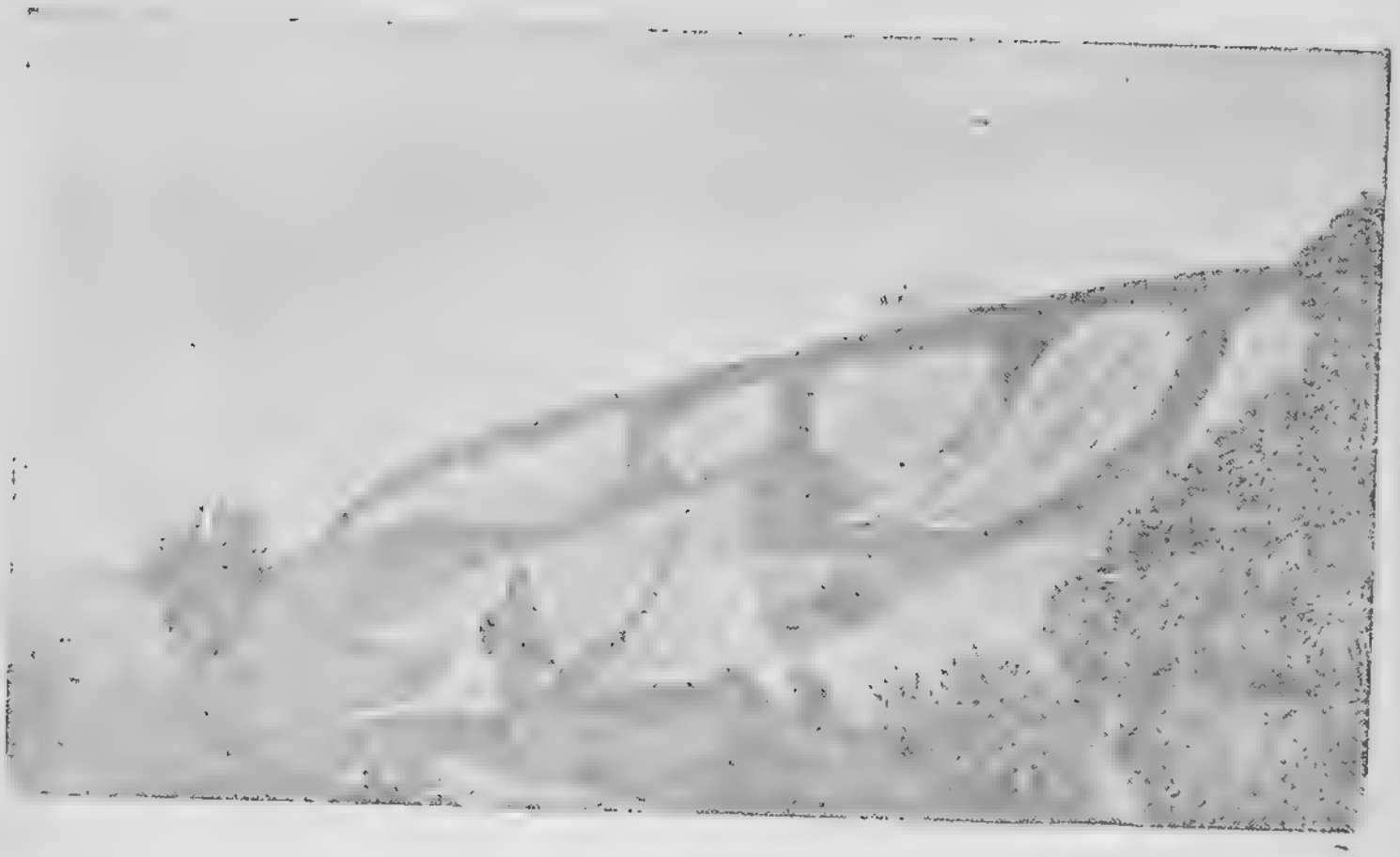
Сильный ветер с берега, которого люди не чувствовали под защитой утёсов, отогнал льды в море. Когда лодки проходили мимо расселин скал, сильные порывы ветра оттуда поднимали высокую волну, и байдарки легко взлетали на её гребни. Но тяжёлой плоскодонной байдаре приходилось тогда плохо: её относило от берега, и сильный ветер и волнение мешали приблизиться к нему обратно.

Кашеваров распорядился повести байдару на бечеве. Несколько человек из её экипажа вышли на берег, им бросили с байдары верёвки, и они разом потянули лямку.

Через несколько миль утёсы, шедшие вдоль берега, уклонились внутрь материка. Ровная пустынная тундра открылась перед глазами людей. Её поверхность была покрыта зелёными пятнами травы и пёстрыми цветами, да бесчисленные небольшие озерки мутными оловянными каплями блестели вдали. На горизонте стояла тёмная гряда ушедших от берега утёсов.

Вскоре утёсы опять подошли к берегу, образовав на пройденном расстоянии от мыса Лисбурн подобие буквы «П».

У небольшого ручья, спадавшего с одной из скал, решили сделать привал. В устье ручья мелкие камни и песок образовали между его берегами высокую кошку. Здесь



Ледяные горы (ископаемый лёд) на берегу залива Коцебу.

наткнулись на летнее поселение эскимосов — два конусообразных шалаша из жердей, связанных наверху ремнём и обтянутых оленьими шкурами.

Вытащив лодки на берег, Кашеваров приказал развести костёр и приготовить еду, а сам с двумя алеутами пошёл к шалашам туземцев. При виде их оттуда с криком выскочили несколько женщин и, схватив на руки детей, бросились со всех ног в тундру.

Мужчины в растерянности суетились около своих жилищ. Кашеваров, как только мог, постарался их успокоить.

Часа два спустя экспедиция тронулась в путь. Небо было покрыто облаками, ветер дул тихо и ровно. Отдохнувшие гребцы сильно работали вёслами, а байдара распустила парус.

Плыли вдоль высокого утёсистого берега. У основания утёсов всё так же, от самого мыса Лисбурн, шла песчаная кошка, только теперь она была завалена толстым, смёрзшимся льдом, выброшенным на берег. Лёд у самого берега был тоньше, и край его уходил в воду, образуя острую ледяную закраину. К ней лодки не могли пристать без риска прорезать лафтаки *. По-

---

* *Лафтак* — тюленья шкура.

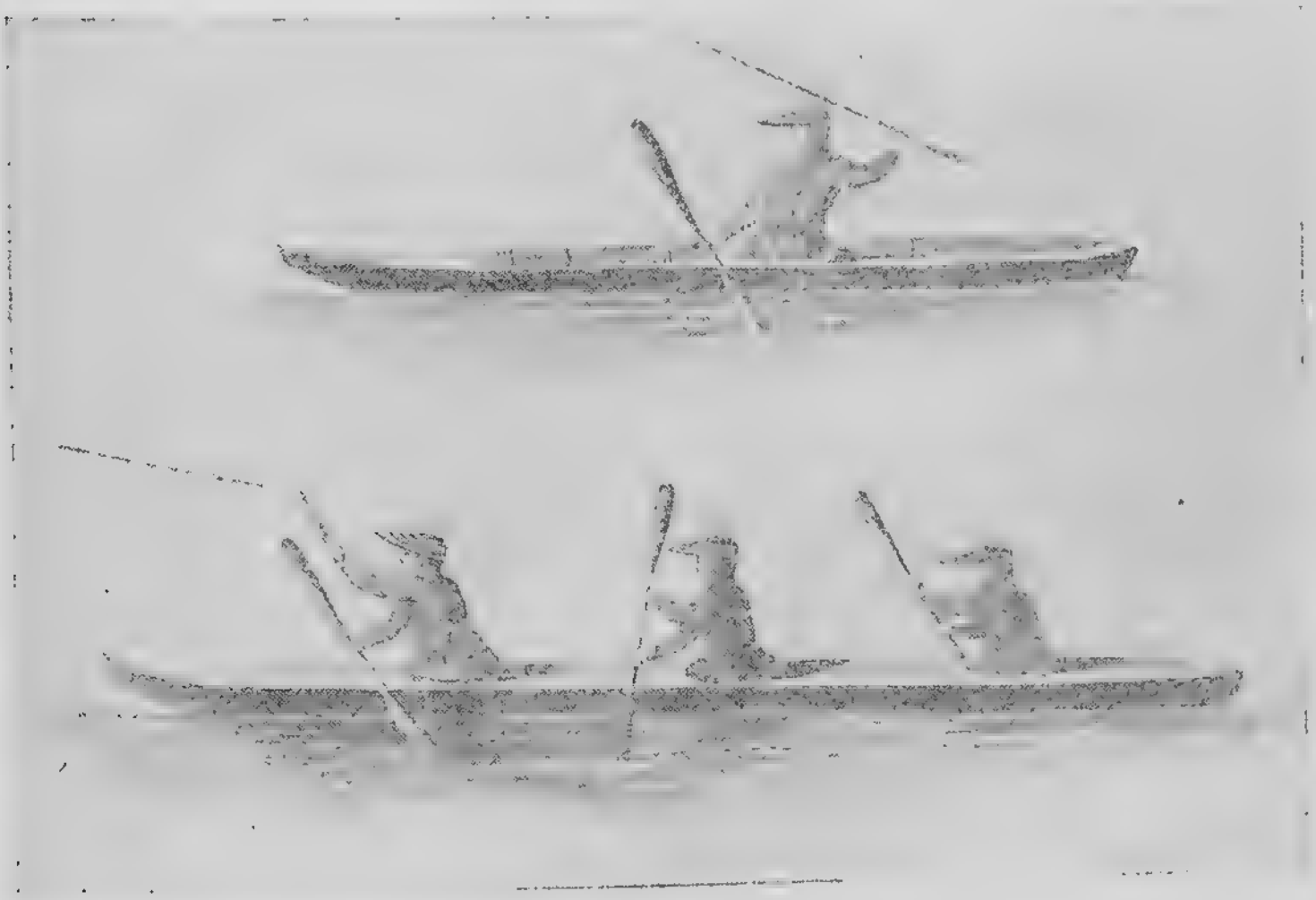
этому Кашеваров приказал грести изо всех сил, чтобы быстрее миновать опасное место.

Но вскоре ветер неожиданно переменился и с поразительной быстротой начал крепчать. Он пригнал с востока тяжёлые тучи. Стало темно. Вскоре хлынул проливной дождь, сменившийся мокрым снегом. На байдаре срубили мачту. По морю пошла большая волна, а у берега ревел огромный пенистый бурун. Начиналась буря.

Положение лодок было тяжёлое. Пристать к ледяной закраине было невозможно. Около неё кипела вода и волны с грохотом откатывались от ледяного козырька. Пришлось повернуть обратно и плыть к недавно покинутому месту у ручья.

Миновав опасное место, которое объезжали далеко от берега, лодки приблизились к свободной от льда кошке, где стояли шалаши туземцев.

Но тихое побережье преобразилось. На нём яростно рассыпался большой бурун. Стена клокочущей в белой пене воды то взвивалась вверх, то с грохотом рассыпалась по берегу.



Алеуты на своих байдарах

При таком волнении приставать было очень опасно. Кашеваров приказал остановиться, и все стали наблюдать, где бурун раскатывается длиннее, и там искать спасения.

Эскимосы, увидев вернувшиеся байдарки, вышли из шалашей и знаками стали указывать место, где бурун спокойнее перекатывался на берег.

Люди в байдарках сделали последние приготовления перед смертельно опасным делом: следовало уловить момент и дать волне выбросить лодки на берег. Кашеваров, зная уменье, опыт и особое мореходное чутьё алеутов, уже не вмешивался в их маневры у берега. Он только приказал байдаре бросить якорь и ожидать, пока пристанут маленькие лодки.

Приготовления алеутов заключались в том, что каждый носовой гребец освободил себя от обтяжки, которая не давала воде залиться в байдарку. Другие же гребцы, наоборот, зашнуровывались обтяжкой плотнее. После этого лодки подплыли ближе к берегу, и алеуты с величайшим вниманием стали наблюдать бурун.

Как бы жесток и постоянен ни был ветер, но в волнах, ревевших у берега, в беспрестанном изменении их силы и величины замечалась некоторая правильность. Так, за самой большой, вкатывавшейся на берег сильнее и дальше предшествовавших, следующие постепенно уменьшались и потом, увеличиваясь, снова достигали максимума. Между двумя огромнейшими бурунами иногда случался промежуток в 20—30 секунд. Опытный алеут точно предвидит его, и умеет им воспользоваться.

Как только алеуты увидели, что поднимается самая большая волна, они изо всех сил начали грести к берегу. Байдарки понеслись по кипевшей воде, всплыли на пенистый, вздымающийся бурун и на рассыпающемся его гребне стрелою полетели к берегу, уходя от следующего, который с шумом гнался за лодкой и, казалось, каждую минуту мог обрушиться на неё.

Едва байдарка Кашеварова носом коснулась берега, как передний гребец быстро соскочил в воду. Одной рукой он держал весло, а другой схватил байдарку за люк. Второй гребец упёрся веслом о грунт, сохраняя положение байдарки в разрез волне. В ту же минуту на них обрушился следующий бурун; он окатил кормового гребца, поднял байдарку и тем помог носовому гребцу

с помощью подбежавших эскимосов подтащить её на берег.

Так пристали три байдарки. Остальные две — по оплошности или неопытности гребцов — рассчитали неверно, промахнулись мимо места высадки и по необыкновенному счастью были переброшены через узкую песчаную кошку в тихий ручей, текущий вдоль берега.

Теперь нужно было спасать байдару, стоявшую на якоре. В ней находилось 15 человек, вся провизия, огнестрельные припасы и другое имущество экспедиции.

Мысль потерпеть несчастье на первом же шагу ужасала Кашеварова. Очень выразительно он сам описывает впоследствии это состояние: «В жизнь мою много раз я встречался с морскими опасностями, но никогда не изгладится из памяти моей та минута, когда, стоя твёрдо на берегу и смотря на гибельное положение байдары, я обдумывал средства, как спасти её; в то же время встречал я и взоры людей, обращённые ко мне с покорностью и упованием — людей, находящихся между жизнью и смертью и вверенных моему попечению»[22].

Медлить было нельзя — волны уже начали заливать байдару.

Кашеваров принял единственно возможный план её спасения. Приказав байдаре приблизиться к берегу как можно ближе, он велел бросить с носа и кормы канаты людям на берегу. Ухватившись за них, все стали подтягивать байдару боком к берегу. Туземцы помогали изо всех сил. Тут ударила в байдару волна и, подняв, бросила на отмель. Все бывшие на берегу устремились в воду и, защищённые от волн байдарой, схватили её за борт, стоя по грудь в воде. Гребцы в байдаре почти машинально перешли на тот же борт. Этим дружным усилием не дали тяжело нагружённой лодке перевалиться в сторону моря, куда её потянула стремительно отхлынувшая с берега вода.

За 15 минут часть груза, не боявшаяся порчи, была выброшена в воду, а остальная перетаскана на берег. После этого с огромным трудом байдару вытянули из воды. Буруном весь брошенный в воду груз был скоро выкинут на берег.

Все люди, лодки, весь груз были спасены. Страшная усталость свалила всех на землю, и только усилием воли Кашеваров заставил себя встать и поднять людей,

чтобы немедленно развести костёр, обсушиться, поесть и разбить палатки.

Но вместе с усталостью людьми овладело такое торжество победы, которое всегда тем больше, чем большие трудности преодолены. Это торжество человеческой силы и стойкости перед слепой яростью разбушевавшейся стихии.

На следующий день погода выдалась прекрасная. На бирюзовом небе — ни облачка. Солнце щедро светило, и суровая тундра под его ослепительными лучами изменила свой вид. Песок, трава, сверкающие осколки озёр вдали — всё было умыто и свежо по-весеннему.

На море появились льдины, ветер гнал их к берегу. Ослепительно сверкая на солнце, причудливые белые громады медленно покачивались на волнах. Иногда раздавался оглушительный треск — это столкнулись две льдины. Волны выбрасывали на берег груды ледяных осколков.

Два дня отдыхала экспедиция. Люди чинили байдару, сушили вещи, ждали, когда изменится ветер и отгонит лёд от берега. Нескольких человек Кашеваров послал в тундру на охоту за оленями.

Утром 9 июля ветер изменился и подул с берега. К 5 часам вечера море очистилось, и Кашеваров дал команду готовиться к выступлению.

Через час лодки отвалили от берега. На байдаре поставили парус, и скоро байдарки, шедшие на вёслах, стали отставать от неё. Тогда Кашеваров приказал своему помощнику Малахову идти на байдаре вперёд и в случае появления льда или поселения туземцев пристать к берегу и дожидаться байдарок. Вскоре байдара скрылась из виду.

Десять миль проплыли вдоль ледяной закраины и, миновав её, больше не встретили льда ни в воде, ни на берегу. Море было спокойно, как озеро. Вдоль берега, отделённые от воды узкой каменистой кошкой, стояли высокие горные хребты; в их глубоких извилистых трещинах сверкал вечный снег, а голые скалы кое-где поросли лишайником.

На следующий день в 6 часов утра прошли мыс Бофор. Берег принял здесь направление к северу, а хребет стал уходить на восток. Низкое илистое побережье незаметно переходило в поросшую травой и покрытую

озёрами тундру. Через два часа ветер начал свежеть, поднимая у берега высокий бурун, седые барашки волн стали расти. Байдарки начало сильно бросать. Кашеваров решил пристать к берегу, тем более, что давно следовало дать отдых гребцам после 15-часовой почти беспрерывной работы.

К берегу пристали с большим трудом; байдару два раза захлестнуло волной, и только ловкость и проворство людей спасло груз от порчи.

Уже несколько дней продолжалось плавание. Лёд нигде не преграждал дорогу, и путешественники успешно продвигались вперёд. Ночью было так же светло, как и днём, так как солнце на этих широтах в летнее время не скрывалось за горизонтом. Поэтому экспедиция могла свободно двигаться и ночью, сообразуясь лишь с силами людей и состоянием льдов. В пути Кашеваров составлял тщательную опись берега, вёл дневник, делал съёмку береговой полосы, сверяясь с картами Бичи и выправляя ошибки на них.

На широте 70°00′ миновали расположенное у моря на низменной кошке летнее селение эскимосов. Море здесь было чисто ото льда, и все мужчины ушли на промысел. Путешественников встретили женщины и несколько стариков. Попытка расспросить их опять не удалась. «На вопрос мой вдруг отвечали десять и более женщин, — пишет Кашеваров в своём дневнике, — шум и разногласие их в ответах заставили меня прекратить любопытство» [23].

На следующий день показался вдали Ледяной мыс. Весь берег и море здесь были забиты льдом. Огромные ледяные глыбы самой удивительной формы — от взгромождённых на них с разных сторон мелких льдин — напоминали фигуры различных животных и предметов. Растопленные солнцем куски льда иногда с шумом скатывались с льдины. Вся белая её громада начинала тогда колыхаться и, потеряв равновесие, с грохотом опрокидывалась, подняв каскады воды и выставив на поверхность свою подводную часть.

Всё теснее и извилистей становились проходы среди льдин. Наконец настал момент, когда широкая байдара не могла уже пройти по ним. Следовало или пристать к берегу и ждать неопределённое время, пока ветер не очистит море ото льда, или продолжать путь без бай-

дары, хотя при этом численность экспедиции уменьшалась вдвое, что было опасно в случае столкновения с эскимосами.

Кашеваров смело решил лучше рисковать, чем терять драгоценное время. Он велел приказчику Кулишеву отвести байдару назад, к югу, и у устья речки на широте 69° 25′ ждать возвращения байдарок.

14 июля экспедиция разделилась. Кулишев на байдаре ушёл на юг, а Кашеваров со своим помощником Малаховым, толмачом Утуктаком и десятью алеутами тронулся на север.

Плыли весь день и всю ночь, пока внезапно опустившийся густой туман не заставил пристать к берегу.

Только к утру туман разнесло в клочья сильным ветром; этот же ветер отогнал от берега и льды. Байдарки снова взяли курс на север.

Вскоре все увидели у самого берега высокие «вешала», сделанные из выкидного леса в виде буквы «П». Эскимосы на них обычно сушили мясо, чтобы собаки, волки и другие звери не могли его достать. Судя по тому, что «вешал» стояло много, селение было большое.

Скоро на слегка всхолмленном зелёном берегу показались круглые своды землянок. Но селение было пусто, все жители разбрелись на лето по тундре и жили в летниках *.

Воспользовавшись случаем, Кашеваров пристал к берегу и внимательно осмотрел и зарисовал зимнее жилище эскимосов.

Оно было устроено в яме глубиной около 4 футов. Снаружи крыша была обложена несколькими слоями дёрна. В стороне Кашеваров заметил отверстие в земле, служившее спуском в узкий коридор, который вёл в хижину. В нём по сторонам были вырыты два небольших углубления, судя по многочисленным остаткам — кладовая и кухня. Стены, пол и потолок хижины были сделаны из грубо обтёсанного выкидного леса. С одной стороны вдоль стены помещались нары. На правой покатости крыши — квадратное окно, затянутое тонкими, сшитыми жилами, полосками из кишок морских животных. Весь пол был покрыт водой, выступившей из

---

* *Летники* — селение, где эскимосы живут летом, в отличие от *зимников* — зимних селений.

Утварь и оружие жителей залива Коцебу.

прогретой солнцем земли; стены и потолок тоже были покрыты каплями воды. Видимо поэтому летом никто из эскимосов и не жил в своих «зимниках».

В этот же день, к вечеру, байдарки подплыли к небольшому летнику. Завидя их, женщины и дети, схватив вещи, бросились в тундру, а несколько мужчин, вооружившись луками и стрелами, стали кричать, чтобы путешественники не смели приставать к берегу.

Кашеваров знал, что не только бессознательный страх руководил туземцами; он слышал о жестоком обращении с эскимосами со стороны побывавших здесь несколько лет назад англичан под командой Бичи. Неудивительно, что после этого эскимосы в каждом европейце видели врага.

Утуктак, став во весь рост в байдаре, горячо убеждал туземцев не бояться, но те ничего не хотели слушать, а самые нетерпеливые уже пустили поверх голов прибывших несколько стрел.

Тогда Кашеваров велел Утуктаку предложить им табаку. Туземцы, услышав о табаке, обрадовались как дети и громкими возгласами «Тавакин!.. Тавакин!..» остановили бегущих в тундру жён и детей.

Как только путешественники вышли на берег, туземцы схватили их за плечи и стали усердно тереться своими носами и щеками о лица приехавших, время от вре-

мени ударяя гостей по спине и восклицая на разные лады: «Э-э-э!.. э-э-э!». Это был обычный дружеский знак приветствия.

Неожиданно Утуктак нашёл здесь своего родственника — Кибишека, который считался в селении лучшим стрелком. Кибишек немедленно предложил показать своё искусство. Он указал пальцем на тёмное пятно около фута в диаметре на высоком песчаном откосе. Утуктак быстро измерил расстояние — до цели оказалось 67 шагов. Все обратили внимание, что Кибишек стреляет при боковом ветре. Он внимательно прицелился, учёл снос от ветра и пустил стрелу, которая, со свистом разрезая воздух, описала дугу и вонзилась в самый центр пятна. Кибишек тут же сообщил восхищенным гостям, что с 20—25 шагов хороший охотник пробивает стрелой оленя. Потом он попросил гостей показать своё искусство.

Лучший стрелок из гребцов-алеутов выступил вперёд, долго искал цель и наконец, указав изумлённым эскимосам на причудливую вершину одной из льдин, шагах в 200 от берега, одним выстрелом сбил её. От сотрясения обрушилось несколько других льдин. Кибишек после этого вдруг обиделся на путешественников.

На следующее утро экспедиция снова тронулась в путь. Несколько туземцев вызвались проводить её на байдарах до следующего селения своего племени. Во время плавания Кибишек, стоя во весь рост в байдаре, пускал вперёд стрелы, которые со свистом улетали вдаль и скрывались из виду.

Солнце ярко светило, и под его лучами весело плескались прозрачные волны. Льды ушли к горизонту и белели там неровной сверкающей полосой. Берег всё время шёл на север; к самой воде подступал зелёный ковёр тундры, усеянный бесчисленными озёрами.

Озёра эти доставили Кашеварову большое разочарование. Ещё перед отплытием в экспедицию он, изучая карту Бичи, обратил внимание, что порой озёра узкими длинными полосами тянулись вдоль берега моря. И Кашеваров рассчитывал воспользоваться ими как водным путём, если льды на море преградят ему путь. Но глубина озёр оказалась ничтожно малой, и плыть по ним нечего было и думать.

Жители залива Коцебу.

Исследуя как-то одно из этих озёр, Кашеваров заметил, что откуда-то из глубины тундры к воде приближается огромное стадо оленей. Красивыми прыжками они легко неслись по равнине, и только резкие движения головой и хвостом указывали на то, что их что-то беспокоит. Кашеваров притаился на противоположном берегу.

Когда стадо приблизилось к озеру и животные с разбегу влетели в воду, стало видно, как тучи комаров и слепней поднялись над ними.

В этот момент из-за небольшого мыса показалась целая флотилия лёгких маленьких байдарок. Неповоротливые в воде олени не успевали сделать и двух шагов, как подъехавшие почти вплотную к ним эскимосы всаживали им копья в шею или под лопатку. Добыча была богатой, и туземцы тут же на берегу устроили танец в честь удачной охоты.

Олени часто попадались на берегу. Они спасались здесь от множества комаров, так как ветер с моря отгонял тучи насекомых и прохладная его сырость успокаивала искусанное, зудящее тело.

Утром 16 июля экспедиция прибыла в устье залива Тутагвик. Быстро разбили палатки. Пока Кашеваров определялся по солнцу, расторопные алеуты зажгли костёр и приготовили еду. Весь день люди отдыхали. Ка-

шеваров не выходил из своей палатки, делая записи в дневнике и путевом журнале, приводя в порядок коллекцию эскимосской утвари, которую он тщательно собирал.

В 7 часов вечера приплыли на двух больших байдарах около 40 эскимосов — мужчин, женщин и детей. Первыми медленно вышли из байдар два их предводителя. Они были одеты в новые оленьи парки с капюшонами, отороченные пёстрой каймой из меха разных цветов, а к поясу, сзади, были привязаны по 2—3 волчьих хвоста. Тут же была выполнена во всех тонкостях церемония приветствия: потёрли щёки, носы, похлопали друг друга по спине и т. д.

Затем эскимосы, шумно выражая свою радость, начали готовиться курить розданный им табак. Каждый достал из мешочка на поясе трубку, продул её, положил сначала в неё щепотку оленьей шерсти, вырванную тут же из парки, чтобы табак не проскакивал в рот, потом положил табак. Все туземцы, мужчины и женщины, уселись в кружок на берегу и начали раскуривать трубки.

Курили туземцы молча и долго, причём совали трубки 4—5-летним детям, и те тоже тянули дым и кашляли. При этом матери с гордостью смотрели на своих детей.

Кашеваров отмечает необычайную привязанность и нежную любовь эскимосов к своим детям. Случилось так, что один малыш споткнулся и упал в лужу. На его крик тут же бросились все бывшие вокруг эскимосы. Одни стали его раздевать, другие успокаивать, третьи совали ему в рот свои трубки. «Одним словом, — пишет Кашеваров, — сделалась такая кутерьма, как будто ребёнок совершенно погибал» [24].

Когда все наконец успокоились, Кашеваров угостил «пострадавшего» сахаром, и тем инцидент был окончательно исчерпан.

Насладившись курением, эскимосы предложили посмотреть их пляску.

Они встали в ряд и в такт унылого напева стали наклоняться то вправо, то влево. Следующая пляска совершалась с ножами в поднятых руках и была живее.

После окончания пляски эскимосы стали прощаться.

Плавание продолжалось. 17 июля байдарки прошли мимо высокого каменистого мыса Бельчер. Одиноко маячил он над низким берегом и обширной, ровной тундрой.

Через два дня, в полдень, приплыли к заливу Пеард. Плотный лёд преградил здесь экспедиции дорогу на север.

Байдарки пристали к берегу, и Кашеваров забрался на высокую скалу, одиноко стоявшую у берега среди мелких скалистых обломков. Но насколько хватал глаз, всё море было забито льдом, не видно было никакого прохода на север. Кашеваров с трудом спустился по осыпающимся камням и отправился дальше осматривать берег.

К вечеру Кашеваров вернулся в сопровождении нескольких эскимосов, которых он встретил по дороге.

Маленький и юркий старик, их тойон, по имени Кивок, рассказал, что он вместе со своими родственниками возвращается с мыса Барроу, куда ещё весной они уехали на санях, везя байдары с собой. Он сказал, что нынешнее лето началось необыкновенно поздно, что много дней, как солнце уже не уходило в воду, а морозы здесь всё ещё стояли очень сильные. Летом всегда виден в море лёд, но около берега можно ездить свободно. А в этом году забило всё льдом, и Кивок принуждён со своей семьёй сидеть на берегу и ждать, когда ветер переменится и угонит лёд подальше в море.

Кивок говорил необыкновенно быстро. Старательный Утуктак не успевал переводить и часто переспрашивал к большому неудовольствию старика.

Кашеваров попросил тойона начертить на песке направление здешних берегов.

Подвижное лицо Кивока стало очень серьёзным. Он взял длинную стрелу у одного из эскимосов и стал рисовать, одновременно поясняя Кашеварову то, что он изображает.

По его словам, от мыса Барроу (по-местному — Кибаллю) берег резко поворачивает на восток, идёт сперва прямо — на один день пути на байдаре, а потом продолжается большими изгибами. Так берег тянется на восток до устья большой реки, впадающей в Ледовитое море.

Жители залива Коцебу.

Кивок сообщил, что позапрошлым летом на мыс Барроу с востока приплывали люди. Они торговали с туземцами и на память оставили исчерченные листки.

Кашеваров насторожился и начал выспрашивать, что это были за листки, но Кивок не мог толком объяснить.

В это время один из эскимосов сообщил, что он купил такую бумажку у одного из жителей мыса Барроу, и, порывшись за пазухой, протянул белый клочок Кашеварову.

Это оказался листок из русского календаря за 1835 г., и на нём, к великому изумлению Кашеварова, была сделана его собственной рукой какая-то пометка.

Он застыл с бумажкой в руке совершенно ошеломлённый этим открытием, но вдруг неожиданно понял, как это всё могло произойти.

В 1835 г., за три года до отправления Кашеварова в экспедицию, шхуна «Квихпак» под его командой зашла в Александровский редут, где начальником был известный знаток дальних районов Аляски Фёдор Колмаков, участник экспедиции Корсаковского, снаряжённой ещё Барановым. Тогда Кашеваров подарил Колмакову свой календарь.

В тот же год Колмаков переслал его своему приятелю Лукину, начальнику торгового редута Российско-Американской компании на р. Кускоквим. Лукин, как и Колмаков, совершал далёкие и отважные походы для торговли с индейскими племенами.

В середине июля 1836 г. Лукин отправился в очередную экспедицию на север. Он достиг полярного побережья Аляски и, двигаясь вдоль него на запад, дошёл до мыса Барроу. Там Лукин решил оставить память о том, что русские первыми из европейцев побывали на этом участке Аляскинского побережья, и, не имея бумаги и чернил, чтобы составить записку, роздал прибрежным туземцам листки бывшего при нём русского календаря. Об этом путешествии Кашеваров слышал от Колмакова.

И вот теперь Кашеваров держал в руках как свидетельство отваги и предприимчивости русских открывателей истрёпанный листок календаря, около двух лет путешествовавший по дебрям Аляски.

Только через несколько дней, 22 июля, в 3 часа утра сильный южный ветер немного развёл льды, и по узкому извилистому проходу байдарки устремились дальше на север. Вскоре встретили огромное ледяное поле с двадцатифутовыми отвесными склонами. Канал между этим полем и берегом был около мили шириной и чист ото льда.

К вечеру прошли мыс Смита и в 4 часа утра 23 июля достигли мыса Барроу, самой северной точки Аляски и крайнего пункта, до которого добралась с запада английская экспедиция Бичи. Обогнув мыс Барроу, Кашеваров с радостью увидел, что к востоку вода свободна ото льда.

Внезапно к отряду Кашеварова приблизились две большие туземные байдары с тридцатью вооружёнными мужчинами. Кашеваров распорядился подарить эскимосам табак и ласково с ними разговаривал, стараясь расположить их к себе. Однако они держались враждебно и стали звать Утуктака к себе, уверяя, что приезжих всё равно ждёт смерть. Когда тот, дрожа всем телом, всё-таки отказался, они обнаружили явное намерение напасть на байдарки путешественников.

Кашеваров немедленно приказал приготовить ружья, а байдаркам рассредоточиться. В качестве предупреждения он велел дать залп в воздух. Туземцы после этого заколебались и с угрозами поплыли обратно к берегу. Думая, что опасность миновала, Кашеваров приказал продолжать путь.

Однако ещё не раз ему пришлось столкнуться с враждебностью туземцев, которые по милости «цивилизован-

ных» английских мореплавателей становились врагами европейцев. Кашеваров понимал, что ему теперь во многом приходится пожинать плоды «просвещённой» деятельности англичан.

К востоку от мыса Барроу в нескольких километрах от берега тянулся ряд небольших, низменных, песчаных островков. Лодки шли вдоль них несколько миль.

Вскоре небо покрылось тучами. Резкий ветер и большие волны стали швырять лёгкие байдарки в разные стороны. Кашеваров дал сигнал пристать к одному из островков. За спустившимся туманом не стало видно ни льдов, ни берега.

Вдруг из тумана вынырнули прежние байдарки под парусами, сшитыми из кишок морских животных и укреплёнными на двух шестах. Туземцы высадились на соседний остров и долго там пели и плясали. Всю ночь люди Кашеварова не смыкали глаз, ожидая нападения, но всё обошлось благополучно.

Утром небо прояснилось, но море попрежнему было неспокойно. Всё же байдарки экспедиции пустились к берегу и вскоре высадились на небольшом пустынном мысе.

Туземцы не погнались за отрядом, вероятно, опасаясь сильного волнения. Если бы они решились преследовать байдарки Кашеварова, то экспедиция оказалась бы в очень опасном положении, так как при волнении надо было затянуть обтяжки на байдарках, а это бы помешало пользоваться огнестрельным оружием.

После небольшого отдыха, в полночь 23 июля экспедиция тронулась на восток вдоль низменного болотистого берега. Всё та же травянистая тундра с редкими небольшими жёлтыми и голубыми цветочками тянулась насколько хватал глаз. На глубине 8—10 *см* залегал уже твёрдый вечномёрзлый слой почвы.

На широте 71° 13′ и долготе 155° 40′ от Гринича экспедиция открыла узкий длинный залив. Он был мелководен и тянулся около двух миль на северо-восток. Этот залив — «первое обретение экспедиции», как выразился Кашеваров в своём дневнике, был назван им заливом Прокофьева, по имени одного из директоров Российско-Американской компании — И. В. Прокофьева, «которому, — добавляет Кашеваров, — я столь много обязан за моё воспитание» [25]

На широте 71° 9′ и долготе 155° 15′ от Гринича берег вдруг повернул на юг, образуя узкий невысокий мыс, который Кашеваров назвал мысом Степового — в честь инспектора корпуса штурманов генерал-лейтенанта М. С. Степового.

Затем Кашеваров объехал кругом большой залив, ограниченный с запада мысом Степового. Залив вдавался к югу на семь миль, в него впадала большая река. Он весь был покрыт банками и очень мелководен. Кашеваров назвал его именем Куприянова — в честь тогдашнего правителя русских колоний в Америке.

С востока этот залив был ограничен низменным и узким мысом Врангеля, «названным мною, — пишет Кашеваров, — по имени бывшего главного правителя колоний контр-адмирала Ф. П. Врангеля, под лестным начальством которого прослужил я три первые года колониальной моей службы в качестве командира судна» [26].

За мысом Врангеля берег вдруг опять поворачивал на юг, образуя ещё больший залив, восточный берег которого Кашеваров не смог рассмотреть из-за тумана.

Здесь путешественники встретили небольшое летнее поселение туземцев. Эскимосы снабдили путешественников олениной. Один из них стал уверять, глядя на Малахова, что очень похожий на него человек был среди людей, приезжавших в позапрошлом году к ним и назвавшихся каглигмютами. Кашеваров решил, что это был Лукин, который ростом и сложением очень напоминал Малахова. И название — каглигмюты — Лукин, видимо, выдумал от алеутских слов (*каглика* — бумага, письмо; *каглигмют* — грамотный человек).

Всю ночь эскимосы провели около палаток путешественников. К утру их уже собралась большая толпа, человек в сорок-пятьдесят. Вместе с численностью возрастала и их враждебность.

Пока Кашеваров, стоя недалеко от своей палатки, разговаривал через Утуктака с толпой эскимосов, все члены экспедиции сидели в своей палатке с ружьями, готовые по первому сигналу броситься на помощь к своему начальнику.

С большим трудом удалось на этот раз избегнуть столкновения.

Отряд двинулся дальше, но многочисленность эскимосов, их сила, ловкость и смелость очень подействовали на алеутов, спутников Кашеварова, сильно утомлённых многодневной греблей. Они начали говорить между собой, что их скоро всех убьют, что врагов много и сопротивляться нет смысла. Как ни старались Кашеваров и Малахов вселить в них бодрость, ничего не помогало; они совсем упали духом и только мечтали повернуть обратно.

Положение осложнялось тем, что эскимосы стали теперь открыто преследовать байдарки экспедиции и не скрывали своей враждебности. Они смело подплывали и пускали стрелы, не пугаясь ружейной стрельбы. В конце дня двое алеутов были ранены.

Днём 25 июля, когда отряд собрался в дорогу после небольшого отдыха, в море появились четыре большие туземные байдары и устремились за отрядом Кашеварова.

К счастью для путешественников, глубокий туман покрыл в это время окрестности и дал им возможность обмануть своих преследователей и, изменив курс, уплыть на несколько миль в открытое море. Скоро путешественники наткнулись на обширную банку и пристали к ней. Неожиданно из тумана вынырнула туземная байдара и тоже пристала к банке недалеко от них.

«При таких обстоятельствах,— пишет в своём дневнике Кашеваров,— мне осталось одно: возвратиться назад к нашей байдаре. С неизъяснимо прискорбным чувством, которое не изгладится во мне во всю жизнь мою, я приказал грести к мысу Барроу»[27]. Смелый исследователь мог с уверенностью сказать себе, что он испытал все средства, прежде чем отдать этот приказ.

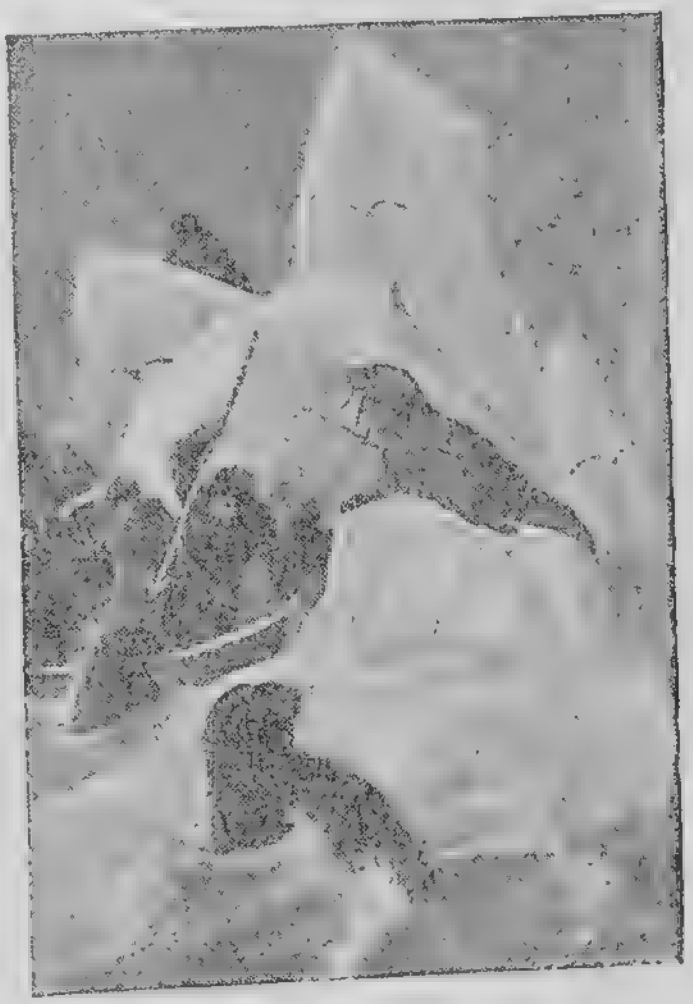
Но ему даже и в голову не пришло силой прокладывать себе путь вперёд — средство столь обычное для большинства других путешественников-европейцев. Кровью туземцев открытия не производятся — таково было написанное правило всех крупных русских исследователей.

Знаменитый русский мореплаватель Фёдор Литке, говоря о враждебном отношении туземцев на одном из открытых им во время кругосветного плавания островов, писал: «Чтобы удержать островитян на почтительном расстоянии, оставалось одно средство — дать им почувствовать силу нашего огнестрельного оружия; но сред-

ство это считал я слишком жестоким и готов был лучше отказаться от удовольствия ступить на открытую нами землю, нежели купить это удовольствие ценой крови» [28].

Поздно ночью 26 июля, скрываясь во льдах, байдарки экспедиции благополучно обогнули мыс Барроу. Гребцы, обрадованные возвращением, неутомимо работали уже около шестнадцати часов и не желали отдыхать. Через несколько часов около мыса Смита их заметили эскимосы и долго шли по берегу, угрожая путешественникам стрелами и копьями, но потом отстали. Только после 20 часов беспрерывной гребли экспедиция из-за густого льда вынуждена была пристать к берегу.

Но долго задерживаться на берегу было нельзя: Кашеваров знал, что вооружённые эскимосы двигаются на юг и скоро будут у места, где отдыхали его люди. Как на зло льды не расходились ветер усилился, и у берега уже злился и ревел высокий бурун.



Охота на моржей.

Несмотря на явную опасность плавания в такую погоду, Кашеваров дал приказ отправляться.

Так плыли они два дня — всё время узкими извилистыми проходами между льдов.

28 июля пристали для отдыха к берегу в заливе Пеард. С радостью все увидели за ним чистое море и ни одной льдины у берега. Экспедиция быстро двинулась на юг.

На пути заехали в то селение, где тойоном был старый Кивок. Кашеваров застал его только что вернувшимся с моржовой охоты. Кивок был возбуждён удачной моржовой охотой и богатой добычей в виде моржовых клыков, жира и шкур. Он передал заинтересовавшемуся Кашеварову все подробности, и тот даже успел коротко записать об этом в дневнике.

На моржей эскимосы охотятся следующим образом. Вначале несколько молодых охотников отправляются на поиски моржового лежбища. Как только они его найдут, выступают на охоту все мужчины посёлка. С собой они берут только по два копья.

Вот и лежбище. На низком ровном берегу в несколько рядов расположились сотни огромных зверей. Их косматые морды с длинными клыками повёрнуты к воде. На суше моржи двигаются только в одном направлении, прямо перед собой, не сворачивая, вбивая в землю клыки и подтягивая на них своё огромное туловище.

Самый опасный для охотников момент — это когда они отрежут моржам дорогу к воде, став к ним фронтом, и направят на них копья, чтобы встретить моржей на смерть, когда те кинутся на них.

Самое главное — это принять на копья первый ряд зверей, который необходимо заколоть весь, до последнего моржа. Копьём следует проткнуть горло зверю, когда он уже совсем рядом и далеко закидывает назад голову, чтобы со всего размаха всадить свои гигантские клыки в охотника.

Со вторым рядом моржей справиться уже менее опасно, так как они, не сворачивая в сторону, лезут прямо на трупы моржей первого ряда, поднимают при этом голову, и охотникам легче колоть копьями этих великанов. С последующими рядами моржей справиться уже, так сказать, из-за баррикады не опасно.

Но если только первый ряд прорвёт фронт охотников, тогда последующие ряды моржей стремительно, неудержимо поскачут за ним в воду, растерзав в клочья всех охотников, ибо убежать от зверей уже некуда.

Таков промысел моржей у эскимосов, требующий от охотников большой смелости, силы и ловкости.

Через несколько часов экспедиция тронулась дальше на юг. Перед отплытием Кашеваров вручил Кивоку медаль «Союзные России».

4 августа байдарки подошли, наконец, к месту, где их поджидал экипаж байдары во главе с Кулишевым. Усталые путешественники провели здесь два дня. Затем уже в полном составе экспедиция отправилась дальше.

Кашеваров на обратном пути ещё раз проверял свои описи, карту, делал новые промеры дна у побережья и

в заливах, вёл метеорологические наблюдения, дополняя свои записи новыми сведениями — о растительности, почвах и животном мире, а также обширным этнографическим материалом.

11 августа экспедиция достигла мыса Лисбурн. Здесь путешественники провели два дня, не имея возможности из-за непогоды двинуться дальше. Проливные дожди сменялись мокрым снегом, пронзительный ветер сбивал с ног, а у берега неистовствовал огромный бурун.

В заливе Марьет местные эскимосы сообщили им, что у о-ва Шамиссо в заливе Коцебу стоит судно. Кашеваров решил, что это «Полифем» поджидает его отряд. Лодки пустились в дальнейший путь. На следующий день обогнули мыс Головнина и взяли курс на залив Коцебу. Наконец, миновали гористый мыс Крузенштерна, вокруг острой вершины которого с жалобными воплями вились тучи морских птиц.

20 августа лодки экспедиции подошли к о-ву Шамиссо. Но радостное настроение тут же сменилось разочарованием: корабля не было.

Прожив на о-ве Шамиссо три дня, отряд переправился на материк и стал готовиться к зимовке. Часть людей приступила к постройке избы, а другие ушли на охоту за оленями.

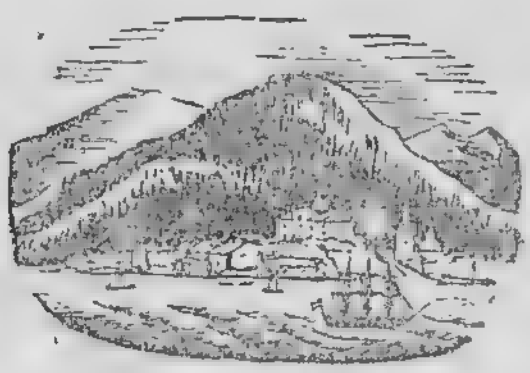
Рано утром 5 сентября путешественники были разбужены пушечным выстрелом. Выбежав на берег, все увидели у о-ва Шамиссо бриг «Полифем». Кашеваров немедленно велел ответить ружейным залпом и послал двоих алеутов в тундру за охотившимися там людьми. Вскоре радостные и взволнованные путешественники вступили на борт «Полифема».

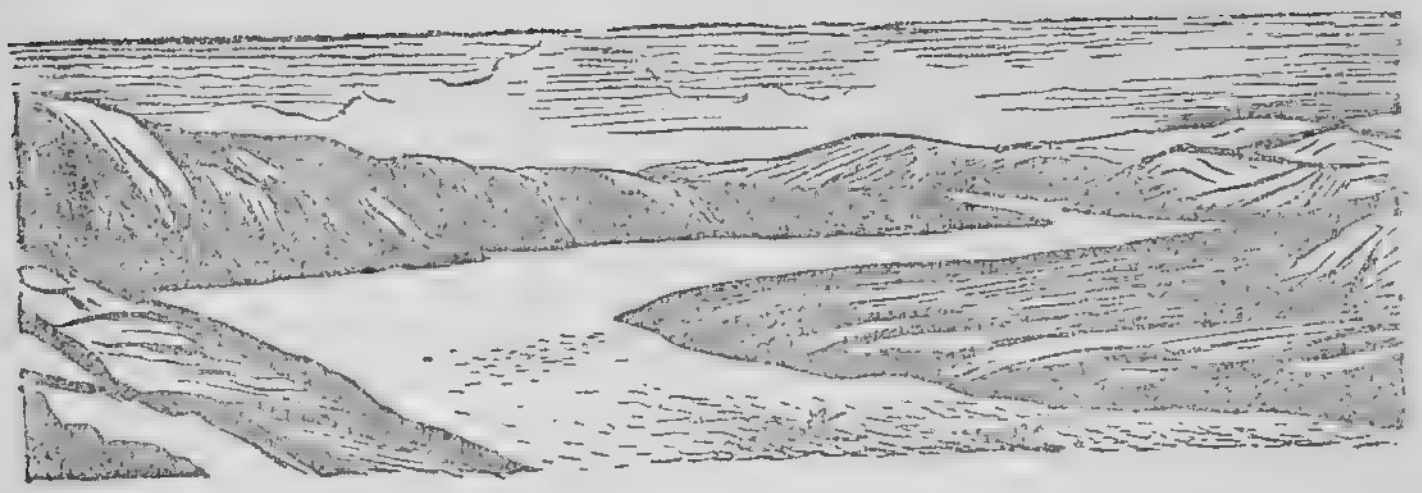
* * *

Ещё пять лет после этой экспедиции Кашеваров командовал кораблями Российско-Американской компании на Тихом океане. В 1843 г. славный мореплаватель приехал в Петербург и был причислен к гидрографическому департаменту с поручением составить большой атлас морей, омывающих Восточную Сибирь и Аляску. Это задание он выполнил блестяще. Среди изданных им карт была и карта открытого и описанного им берега князя Меншикова, как он назвал его.

В 1850 г. в чине капитан-лейтенанта Кашеваров был отправлен Российско-Американской компанией в Аян. В 1854 г. он принимал участие в отражении английских кораблей, пытавшихся напасть на Камчатку. За боевую доблесть он был награждён орденом. В 1856 г. Кашеваров возвратился в Петербург и был назначен начальником чертёжной гидрографического департамента. В 1862 г. он был отчислен в запас, а спустя три года — уволен в отставку в чине генерал-майора. 25 сентября 1870 г. А. Ф. Кашеваров скончался в Петербурге.

Дошедшие до нас путевой журнал славного путешествия Кашеварова, отрывки из его дневника, записки о жизни эскимосов в Русской Америке и другие материалы не только сообщают нам подробности одного из интереснейших путешествий по Аляске, но и рисуют мужественный образ крупного русского исследователя, отважного моряка и образованного человека своего времени.





Лаврентий Загоскин

Все путешествия и исследования русских в Северной Америке, начиная от первых походов промышленников Баранова и кончая учёными экспедициями Коцебу, Литке и другими, отправляемыми из Петербурга, были так или иначе связаны с экономическими, а отчасти и политическими интересами Российско-Американской компании.

Главным богатством, которое интересовало Российско-Американскую компанию, был морской промысел: морские бобры, котики, моржи. Для разведки новых лежбищ ценного зверя пускались в далёкие и отважные плавания русские мореходы и промышленники. Чтобы промысел был богаче и легче, они собирали сведения о природных условиях побережья и о его населении. В зависимости от способностей, рвения и образованности этих людей собранные ими сведения были более или менее толковые, полные и красочные Исследованием побережья Северной Америки занимались и многочисленные русские кругосветные экспедиции, в снаряжении которых активное участие принимала Российско-Американская компания.

Но со второй четверти XIX в. морской промысел у северо-западного побережья Северной Америки стал сокращаться. Основная масса морского зверя была пе-

ребита, а часть его ушла из тех мест. Российско-Американская компания, серьёзно обеспокоенная сокращением своих доходов, стала искать новые источники обогащения.

К тому времени у деятелей компании в Русской Америке стало накопляться всё больше сведений о внутренних районах Аляски. Шли слухи о богатом промысле пушного зверя индейскими племенами, об их торговле с прибрежными эскимосами, о переброске последними аляскинской пушнины на азиатское побережье, в Сибирь. Сведения эти были из третьих рук, неполные и недостоверные. Одно было ясно: пушной промысел племён внутренней Аляски очень богат, и компании нельзя было им пренебрегать. Для этого проще всего было на реках, по которым шёл основной поток пушнины, организовать редуты и одиночки, где служащие компании могли бы приобретать её в обмен на европейские безделушки (бисер, корольки), табак и грошовую мануфактуру.

Но для организации таких торговых пунктов следовало собрать подробные сведения о географии внутренних районов Аляски, выяснить, какого зверя промышляют индейцы на Аляске, по каким рекам идет торговля, какие племена там живут, каковы хозяйственные нужды и вкусы туземцев, и многое другое. Поэтому с конца первой четверти XIX в. компания организует целую серию экспедиций в глубинные районы Аляски, главным образом по руслам больших рек.

Крупнейшие из этих экспедиций исследовали и положили на карту обширные территории Аляски, собрали большой этнографический материал об индейских и эскимосских племенах. Походы эти осуществлялись в тяжёлых условиях полярных районов. В лютый мороз, по заснеженной тундре и торосистому льду замёрзших рек, в снежные бури и метели продвигались вперёд смелые исследователи. Они вели астрономические наблюдения, описывали местность вокруг, изучали окрестные племена.

Самой крупной из этих экспедиций, сделавшей очень серьёзный вклад в географию и этнографию Аляски, была экспедиция лейтенанта Лаврентия Алексеевича Загоскина, в 1842—1844 гг. Больше полутора лет скитался он по Юкону, Кускоквиму и их притокам, про-

шёл с горсткой людей пешком и на кожаных байдарах около 5 000 километров, собрал ценнейшие географические и этнографические сведения и целый ряд коллекций. Это было выдающееся по своему героизму и высокой научной ценности путешествие. Но Лаврентий Загоскин был не первым из русских, побывавших на берегах Юкона и Кускоквима.

На Юкон первым из русских пришёл ещё в 1780 г. Иван Кобелев. А берега Кускоквима лет за пятьдесят до Загоскина первым посетил Алексей Иванов, вожак артели промышленников купца Лебедева-Ласточкина, одного из самых упорных и предприимчивых конкурентов Шелихова в Новом Свете.

В начале 90-х годов XVIII в. Иванов выступил со своими людьми с берегов озера Илямна (Шелихова) на север и, пробыв в пути около месяца, прошёл, по его подсчётам, свыше пятисот километров. По пути он видел много рек и озёр, преодолевал горные хребты, продирался сквозь лесные заросли. Иванов встретил около десяти разноязычных индейских племён, побывал во многих селениях и наконец вышел к берегам огромной реки, которую называл Тунте. Здесь было расположено множество туземных поселений. Река эта была, повидимому, Кускоквим.

Затем следует уже известный нам поход Петра Кормакаковского, смелого барановца, принесшего много новых сведений об этом суровом и почти неизвестном крае.

В 1829 г. была снаряжена первая крупная экспедиция под начальством прапорщика Васильева для топографической съёмки и всестороннего изучения части страны между Александровским редутом, в устье реки Нушагак, и заливом Нортон. Экспедиция продолжалась около двух лет в очень тяжёлых условиях, среди враждебных индейских племён. За это время были сделаны описи реки и озера Нушагак и больших территорий, прилегающих к ним. Васильеву удалось пробиться на Кускоквим и составить опись нижнего течения реки.

В 1832 г. отважный промышленник Фёдор Колмаков составил опись реки Кускоквим на сто с лишним миль дальше того места, где остановился Васильев. Колмаков исследовал ряд притоков Кускоквима и про-

ник далеко вглубь Аляски. Его дело продолжал потом сын — Пётр Колмаков, унаследовавший от отца его смелость, выносливость и пытливость.

В эти же годы Иван Лукин, бывший у Васильева толмачом, разведывал многочисленные притоки Кускоквима.

В 1835—1836 гг. Андрей Глазунов прошёл долину Юкона от места впадения в него реки Анвиг до самого устья. После этого Глазунов побывал в районе Кускоквима.

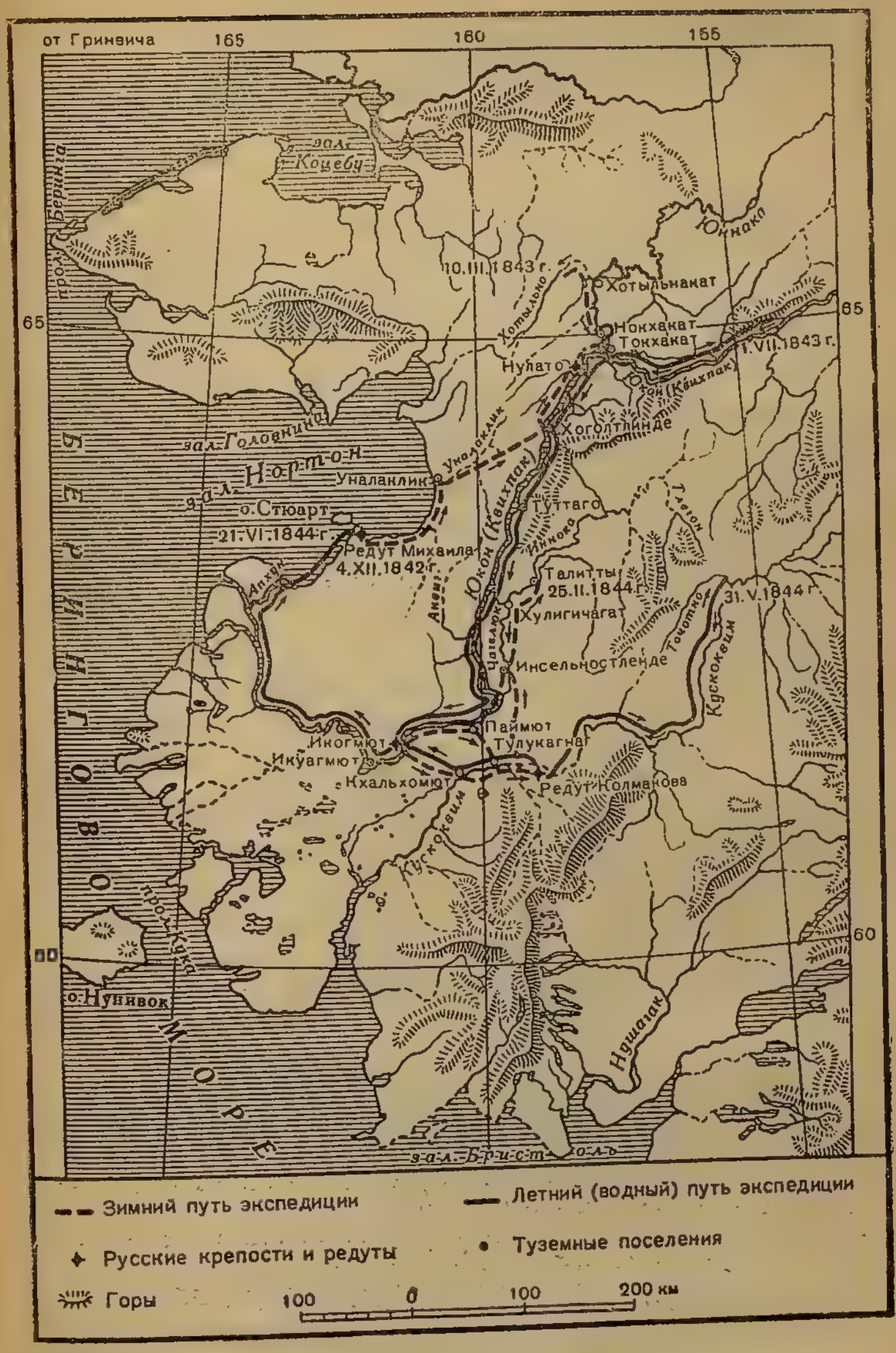
Каждое из этих путешествий требовало огромного напряжения сил, беззаветной отваги, выносливости и неутомимой жажды новых открытий. Жестокий голод, лютые стужи и метели, непроходимые лесные чащи, высокие горные кряжи и воинственные племена индейцев не могли остановить и заставить повернуть обратно русских путешественников. Преодолевая неимоверные трудности, они упорно продвигались вперёд. Их трудам и подвигам во многом обязан Лаврентий Загоскин своим успехом.

* * *

Лаврентий Алексеевич Загоскин родился в 1807 г. в Пензенской губернии Образование получил в Морском кадетском корпусе; службу начал в Петербурге и Кронштадте. В 1826 г. он совершил первое дальнее плавание на фрегате «Проворный» в Любек и Англию. По возвращении он был произведён в мичманы с назначением в Астраханский порт. Пять лет плавал Загоскин на кораблях Каспийской флотилии. В 1828 г. он участвовал в персидской войне. Вскоре после этого он был назначен адъютантом командира Астраханского порта и был произведён в лейтенанты. С 1833 г. он командовал судами на Каспии, а затем служил на Балтике.

С 1838 г. начинается новая полоса в жизни Загоскина. В этом году он поступает на службу в Российско-Американскую компанию и отправляется на Аляску. Лишь на следующий год он добирается до Охотска, принимает команду над бригом «Охотск» и ведёт его в Ново-Архангельск.

Около двух лет плавал Загоскин в водах Русской Америки, командовал бригом «Байкал» и кораблём «Елена».



Карта путешествий Загоскина.

В 1842 г. Загоскин начинает своё замечательное путешествие, имевшее выдающееся значение в истории знакомства русских с внутренними территориями Аляски.

* * *

10 июля 1842 г. Загоскин и его спутники были доставлены из Ново-Архангельска на бриге «Охотск» к заливу Нортон, на западном побережье Аляски, в редут Св. Михаила. Начались энергичные приготовления к походу.

Загоскин решил в начале зимы на собаках пройти на средний Юкон, чтобы там начать свои исследования. Оставшееся до выступления в поход время Загоскин посвятил подробному ознакомлению с жизнью редута Св. Михаила и с окружающим районом.

1 августа он отправился на байдаре вдоль берега залива Нортон к северу, до устья реки Уналаклик. Он составил подробную опись берега и заранее исследовал путь, по которому экспедиция должна была следовать зимой. Через две недели Загоскин вернулся в редут.

Много времени и сил ушло на приготовления к походу: строили нарты, изготовляли одежду и лыжи, покупали собак. «...Рассудя, что успех экспедиции наиболее зависит от примера начальника,— пишет Загоскин,— я отстранил от себя всякое преимущество и удобство» [29].

4 декабря 1842 г. экспедиция на пяти нартах выступила из редута Св. Михаила. Собак было мало, и людям пришлось идти рядом с нартами, помогая животным тащить тяжёлую поклажу. Впереди тоже шёл человек, ведя за собой собак первой упряжки.

Экспедиция продвигалась медленно, люди только входили в темп похода, привыкали к новой одежде, обуви, к непривычной ходьбе на лыжах. Сильный мороз давал себя знать даже во время движения.

Первую ночь провели в полуразрушенной, заваленной снегом хижине. Спали плохо, ворочались с боку на бок, лютая стужа пробиралась под спальную парку — длинную оленью рубаху. Верхняя часть её, намокнув от дыханья и отвердев на морозе, совсем переставала греть. Собаки всю ночь дрались за тёплые места около людей.

Наутро встали продрогшие и невыспавшиеся. Мороз крепчал, на походном градуснике Загоскина замёрзла ртуть. Костёр в такую стужу совсем не горел: пламя едва заметными голубыми язычками слабо лизало замёрзшие сучья. Быстро напились чаю и отправились дальше.

Путь лежал к устью реки Уналаклик по берегу залива Нортон. На пути, в селении Кикхтагук, русские были встречены радушно. Здесь они наблюдали эскимосский праздник «потопления пузырей в море».

На фасаде большой общественной хижины — кажима на ремне из моржовой кожи были развешаны сотни пузырей животных, убитых только стрелами. Пузыри эти были раскрашены в фантастические цвета. Здесь же висели вырезанные из дерева фигурки зверей и птиц. При помощи ниток эти фигурки искусно приводились в движение. Туземцы долго плясали перед ними в праздничных одеждах, а потом окуривали их пучком зажжённой лучины.

После пляски пузыри сняли и понесли к специально приготовленным прорубям. Здесь к пузырям привязали камни и бросили их в воду, а потом прислушивались и смотрели, как те пошли ко дну. По пузырькам и кругам в воде эскимосы гадали об успехе улова морских зверей на следующее лето.

Путь до реки Уналаклик экспедиция совершила в четыре дня, проведя ночи, как и первую, под открытым небом. Двигаться приходилось по глубокому снегу, люди и собаки выбивались из сил. В одном из селений пришлось нанять специальных «топтальщиков», они шли впереди и протаптывали в снегу узкую дорожку для нарт.

Вскоре дорога стала ещё хуже, приходилось прорубаться сквозь кустарник или, отпрягая собак, переносить нарты на руках через ледяные торосы.

9 декабря с утра пошел густой снег, он слепил глаза, забивал нос, рот, уши. Двигаться пришлось согнувшись, прикрывая лицо рукавом парки. Ветер неистово рвал одежду, сбивал с ног.

У высокой ледяной глыбы решили остановиться на привал. Только успели укрыться с подветренной стороны и обернуть ноги паркой, как поднялась пурга. Понесло сверху, сбоку, снизу, закрутило, и в десять

минут нарты, собаки, люди превратились в снежные комья. Для доступа воздуха приходилось проделывать в снегу палкой отверстие. От дыхания над головой образовалось нечто вроде ледяного свода. Так сидели около пяти часов, окликая друг друга, чтобы кто-нибудь не заснул.

Наконец пурга кончилась, и все с трудом вылезли из своих снежных нор. Скоро снова тронулись в путь. Снег замёрз так, что царапал полозья нарт, как стекло.

Через три дня достигли селения в устье реки Уналаклик и остановились на отдых. Дальше путь лежал вверх по течению реки, через горы, к Юкону. В селении Уналаклик экспедиции пришлось задержаться: глубокий и рыхлый снег не давал двигаться вперёд, от наступившего потепления на реке образовались полыньи. Только через несколько дней снег слежался, и река затянулась льдом. Тридцатого декабря снова выступили в путь.

По левому берегу реки сначала тянулся кустарник, перешедший потом в густой еловый лес. Вдоль правого берега возвышался горный хребет, который обрывался у самой воды ярами в 60—100 метров высоты.

Через несколько миль лес кончился, и потянулась занесённая снегом тундра.

Люди втянулись в походную жизнь: прошли кровавые мозоли от лыж, путешественники научились умело распределять груз на нартах, экономно расходовать силы. Каждый твёрдо знал свои обязанности на походе и привале.

Когда экспедиция останавливалась на ночлег, все, привязав собак к воткнутым в снег палкам, расходились на работу. Обязанностью одного из путешественников было разводить костёр, у него для этого хранились необходимые принадлежности; двое других разгребали снег для ночлега и костра. Остальные отправлялись в лес рубить дрова и ветви для подстилок.

Разведя костёр, кипятили чай и им утоляли мучившую весь день жажду. После этого все до одного отправлялись в лес для заготовки дров на ночь. С пяти часов уже ставили часовых — у нарт и у костра, причём через каждые полтора часа они должны были меняться местами. В семь часов кормили собак.

Зимнее путешествие по Юкону.

Между тем поспевала на костре каша, и снова закипал набитый снегом чайник. Поужинав, каждый готовил себе место для сна. Потом влезали в спальные парки и укладывались спать.

10 января 1843 г. экспедиция вышла на широкие ледяные просторы Юкона к селению Хоголтлинде. Женщины и дети с гомоном и криком высыпали из зимников — небольших бревенчатых срубов с двускатной крышей — навстречу прибывшим. Мужчины не показывались. Они оставались в кажиме, где устроили себе баню. Загоскин с толмачом отправился к ним.

Войдя в кажим, он чуть не задохнулся от сильной духоты и жары, царившей там, ибо с тридцатиградусного мороза попал, как потом оказалось, в сорокаградусную жару.

Загоскин велел очистить часть кажима для себя и своих спутников и открыть верхний люк. В кажиме скоро стало светло и прохладно.

Два дня отдыхали путешественники в Хоголтлинде после тяжёлого перехода с берегов залива Нортон.

В этот переход, между прочим, Загоскин убедился в неудобстве построенных им в редуте Св. Михаила нарт. Тяжёлые и громоздкие, удобные для сидения и

езды по открытым и ровным местам, они были здесь совсем непригодны. В этой гористой, покрытой лесом стране туземцы употребляли нарты лёгкие, которые неглубоко врезались в снег и выгибались на подъёмах.

Плох был для этой местности и камчатский способ запряжки собак (парами, одна за другой), потому что передние собаки в извилинах пути между деревьями или совсем не тянули, или тянули в другую сторону.

Загоскин всё это решил исправить на большой стоянке в Нулато, русском редуте на Юконе, в двух днях пути вверх по течению.

В Хоголтлинде Загоскин узнал, что Юкон здесь третий раз изменил своё название. У прибрежных племён он назывался Квихпак, у племён по среднему течению — Юкхана, а здесь — Юн-а. Все три названия одинаково означали «Большая река». Загоскин отмечает, что жители селений по Юкону в отличие от эскимосов побережья принадлежат к различным индейским племенам атабасков.

13 января экспедиция выступила из Хоголтлинде вверх по Юкону. Огромная, в милю шириной, сверкающая на солнце ледяная дорога уходила на северо-восток между стиснувшими её тёмнозелёными лесистыми берегами. То там, то здесь тёмными пятнами выделялись на ледяной глади Юкона покрытые лесом острова.

Два дня брёл отряд по неровному торосистому льду реки. Наконец на третий все увидели на правом берегу две большие избы, занесённые снегом. В безветренном небе над ними маячили неподвижные столбы дыма.

Не сговариваясь, путники почти одновременно выстрелили в воздух из ружей. Было видно, как из хат выбежали люди; они махали руками, и до Загоскина донеслись приглушённые расстоянием радостные крики.

Как родных и близких приняли жители редута Загоскина и его товарищей. После первых объятий и приветствий, рассказов о пути и здоровье прибывших закидали вопросами о жизни в Ново-Архангельске, о вестях из России.

До поздней ночи засиделись люди в большой горнице, где обычно жили служащие редута. На стенах

висели длинные полки с посудой и различной утварью, в углу жарко топилась печь.

Загоскин ушёл в комнату управляющего редутом, чтобы записать в дневник температуру и все наблюдения за день. Здесь были сложены груды товара, предназначенные для обмена, лежали приходные и расходные книги, книга записей посещения редута и другие бумаги. В общую горницу выходило маленькое оконце, через которое управляющий торговал с приезжими индейцами. Из общей горницы дверь вела в сени. Рядом был вход в кладовую, где хранилась вся выменянная за год пушнина. Для освещения и прохода воздуха в стенах кладовой под потолком были прорублены узкие и длинные щели, задвигаемые изнутри ставнями.

В последний переход к Нулато двое спутников Загоскина отморозили себе ноги, и их пришлось оставить в редуте. Таким образом, состав экспедиции сильно сократился. А перед ней стояла важная и трудная задача.

Компания имела сведения, что очень много пушнины проходит мимо Нулатовского редута. Туземцы-торговцы везли её по притоку Юкона — реке Юннака, впадавшей в него немного выше русского редута. Верховье этой реки близко подходит к верховью другой, впадающей в залив Коцебу. Там торговцев встречали прибрежные эскимосы, которые покупали привезённую пушнину и перепродавали её чукчам и корякам в Сибирь.

Этот торговый путь и предстояло исследовать экспедиции Загоскина, чтобы в будущем можно было основать на нём торговый редут и перехватить поток пушнины.

Месячное пребывание в Нулато было использовано для сооружения новых нарт туземного типа, отбора собак и комплектования отряда экспедиции. Поправился один из заболевших, и, кроме того, управляющий редутом отпустил с Загоскиным двух своих промышленников.

25 февраля экспедиция выступила из Нулато. Больше задерживаться нельзя было, так как поход на Юннака следовало закончить зимой, до начала таяния снегов и ледохода.

Впереди шли Загоскин и проводник, за ними следовали гуськом нарты. Люди, помогая собакам, тянули лямки нарт.

Потеплело. Снег разрыхлился, и все скоро выбились из сил, толкая глубоко осевшие в снег нарты. Собаки при каждом усилии падали грудью на снег. Пришлось остановиться на привал задолго до захода солнца.

На следующий день к полудню, пройдя узким проливом между двумя большими лесистыми островами, отряд подошёл к устью реки Юннака и остановился на отдых в селении Токхакат. Оно, как большинство индейских зимников на Юконе, состояло из 3—4 бревенчатых хижин и кажима.

Индейцы встретили русских радушно. Вечером ради гостей была устроена «игрушка»; хозяева пели, плясали, а потом принесли гостям подарки — каждый, что мог: сушёную рыбу, шкурку выдры или бобра, копьё, стрелу.

Загоскин беседовал со стариками, потчевал их листьями табака и чаем и расспрашивал, какая торговля идёт по реке, где встречаются туземные торговцы с индейцами для покупки у них пушнины и куда её везут по Юннака.

Он узнал, что выше по этой реке есть селение Нокхакат, там и происходит туземная «расторжка» — обмен товарами.

Туземцы разошлись поздно, унося с собой подарки русских: табак, бисер, полотняные рубашки, ножи. Долго ещё после их ухода, когда все в кажиме заснули, сидел Загоскин на груде шкур и при слабом свете фитиля записывал в дневник всё виденное за последнее время и всё, что узнал от туземцев.

Рано утром экспедиция вышла в путь. Миль семь прошли к северу узким протоком по утоптанному следу, потом, поднявшись на лесистый невысокий берег, прошли напрямик сквозь чащу ольховника и вскоре вышли на левый низкий берег главного русла Юннака, прямо напротив селения Нокхакат. Оно расположилось на противоположном высоком и лесистом берегу.

Вечером в Нокхакате после обычных танцев и песен индейцы наперебой начали отговаривать Загоскина идти дальше по Юннака. Они говорили о голоде в верховьях реки, о свирепствовавшей там оспе, о том,

что племена верховья настроены к русским враждебно. Но Загоскин был непреклонен.

На следующее утро отряд снова двинулся в путь. Туманная, белёсая мгла застилала окрестности, и всё кругом теряло свои очертания; высокий правый берег, поросший лесом, казался очень далёким, а левый, низкий и пустынный, исчез совсем. Заснежённое русло реки казалось ровным и мягким, как пух, но резкий стук саней да боль в ногах от бесконечных ударов о ледяные выступы разрушали эту иллюзию.

Ветер крепчал, и мелкая снежная крупа била в лицо, слепила глаза. Пришлось подняться на берег и расположиться в лесу на привал. Среди деревьев натянули большой брезент и сели с подветренной стороны, плотно прижавшись друг к другу.

Под защитой брезента удалось развести костёр. Так сидели, пока метель не утихла.

Через несколько дней Загоскин сделал себе в дневник следующую запись: «Для зимних пешеходных переходов следует брать, преимущественно перед палаткой, сажени полторы ширины и соразмерной с числом команды длины брезент. Палатка, как бы ни была мала, сравнительно тяжелее... и, лишая возможности сидеть у огня, не столь удобна; само собою разумеется, что в пургу брезент, да и палатка — не спасенье; но в лесистых местах самый лес защищает от непогоды, а на открытой тундре нужда научает и в снегу счастливо отсиживаться» [30].

Несколько дней двигалась экспедиция вдоль русла реки Юннака то по льду, то по протоптанным на берегу тропам. Миновали уже несколько индейских зимников и нигде не видели враждебности, а, наоборот, обрадованные приходом русских, индейцы несли в подарок съестные припасы и всячески старались услужить гостям.

Загоскин давно уже понял хитрость индейцев-торговцев с Юкона. Обманывая его, они просто боялись, что за русской экспедицией придут компанейские промышленники и возьмут в свои руки торговлю по Юннака.

4 марта экспедиция, пройдя вдоль русла реки свыше 100 *км,* достигла селения Хотылькакат. Река уходила дальше на север, а торговый путь сворачивал от этого селения на запад по притоку Юннака.

Загоскин подробно расспросил индейцев, как они связываются с жителями побережья залива Коцебу. Они ему рассказали, что не доходят до залива, а встречаются с тамошними жителями на реке Коцохотана. Как ни уговаривал Загоскин туземцев проводить его туда, они отказывались. Один из стариков сказал ему: «Снега глубоки и рыхлы, настала пора оленьей охоты. Семьи наши и мы все умрём от голода, если не будем участвовать в охоте. Приходите на будущий год осенью, и мы все будем вашими проводниками. Вас мало и налейг-мюты убьют вас за то, что вы, говорят, убили у них главного вождя».

Загоскин был уверен, что русские промышленники не убивали вождя. Это могли сделать англичане — агенты Гудзоновской меховой компании, колонии которой вплотную примыкали к Русской Америке. В погоне за ценной пушниной гудзоновские меховщики порой проникали далеко в пределы русских владений и, как могли, вредили там русским. Провокационное убийство вождя как раз и могло явиться делом их рук, ибо это настраивало воинственных туземцев против русских.

Однако не так просто было отговорить Загоскина от того, что он задумал. И через три дня шестеро смельчаков пустились в путь.

Шли на запад. Дорогу раза три пересекли изгибы притока Юннака. Снег в тундре стал рыхлым, идти было очень тяжело. А через пару дней солнце стало пригревать ещё сильнее, и снег превратился в кашу.

Трудность движения в такую погоду может понять только путешественник. Ему должны быть знакомы и незатихающая боль в ногах, и расслабленность всего тела, и радужный туман в залитых потом глазах, и обмороки от изнеможения, и ничем неутолимая жажда. Пудовой тяжестью навалился на лыжи мокрый, липкий снег.

Но Загоскин упрямо вёл своих людей на запад. В один из этих горячих, напряжённых дней, произошёл на первый взгляд незначительный случай, тем не менее чуть не прекративший деятельность экспедиции. Вот как описывает его Загоскин в своём дневнике: «При остановках на ночлеги не приходилось мне оставаться праздным: моё дело было разгребать снег, рубить и устилать хвою. Вчера ввечеру, остановясь под ветвистой

ёлью, следовало срубить один сук, который нам мешал. Ударив по дереву топором, чтобы отряхнуть снег, я почувствовал, что засорил глаз. В ночь глаз заплыл опухолью. Делать было нечего, пошли с утра дальше, но, пройдя около полуторы мили, я совершенно измучился от нестерпимой рези. Возобновлённые операции нянюшкиных вылизываний не помогали. Наконец тунгусу пришло в голову попробовать достать соринку кончиком ремня, и опыт увенчался успехом»[31]. Только на следующий день к вечеру Загоскин окончательно поправился.

На третий день, взобравшись на высокую сопку, путешественники убедились, что индейцы из Хотылькакат не обманули их, указывая путь к заливу Коцебу. Сквозь сплошное тёмное море хвойных лесов вела на северо-запад белоснежная полоска реки Коцохотана.

Экспедиция повернула обратно. Следовало спешить, чтобы до таяния снегов и начала ледохода спуститься на санях по льду Юннака и Юкона в Нулато. Кроме того, начали приходить к концу съестные припасы, а на пути не попалось ни одного селения.

К Хотылькакат по знакомой и протоптанной дороге пришли за два дня. Там их ожидала радушная встреча. «Представя в полное наше распоряжение нежилой кажим,— вспоминает Загоскин,— обрадованные туземцы таскали дрова, разводили огонь, помогали разгружать нарты и, когда мы несколько поубрались, все от мала до велика вернулись с подарками»[32].

Как ни хотелось хоть немного отдохнуть после тяжёлого пути, Загоскин велел готовиться к выходу на следующий день. Он очень спешил и с тревогой посматривал на походный термометр в железном футляре. Ещё вчера он показывал 4° мороза, а сегодня весь день стоял на нуле. В безоблачном голубом небе нестерпимо сияло солнце, и под его лучами исчезал снежный путь, грозя отрезать экспедицию от её базы в Нулато.

И вот опять бредёт по снежной, залитой солнцем тундре шестёрка людей. На глазах у каждого надеты тёмные очки из чёрного волосяного сита. Но они не спасают от ослепительного блеска снежных просторов. То один, то другой из путешественников останавливается, снимает очки и долго трёт слезящиеся, распухшие глаза. Спешат так, что привалов днём почти не

делают; люди впряглись в нарты вместе с собаками и громкими криками подгоняют и себя, и животных.

Термометр уже показывал + 4°. Снег превратился в сплошное месиво. Тяжёлыми ноздреватыми слоями лежал он в тундре и в перелесках на берегу реки. Звери оставляли чёткие и глубокие следы; в одном месте снег был испещрён скачками многочисленных зайцев, в другом — лёгкими отпечатками следов соболя и лисиц; ясно был виден тяжёлый шаг россомахи и широкая лента, оставляемая выдрой в перелесках, окамляющих озёра. В одном месте широкой полосой пересекали тундру размашистые скачки оленя и лёгкая поступь гнавшихся за ним волков.

Скоро экспедиция вышла к Юкону. Гигантская река спокойно лежала в лесистых берегах, а еловые острова на её ледяной глади издали казались тёмными кочками.

Через два дня достигли Нулато.

В редуте отряд Загоскина провёл два с половиной месяца. Строили байдары для летнего похода по Юкону: предстояло исследовать верховье реки. Все отдыхали после трудного похода по Юннака.

Только Загоскин казался неутомимым. Целыми днями он скитался по окрестностям редута, исследовал речку Нулато, впадавшую в Юкон, собирал коллекции птиц, а когда сошёл снег,— то растений и насекомых. Тщательно вёл Загоскин метеорологические и астрономические наблюдения, подробно знакомился с торговыми делами редута. По вечерам он делал записи в дневнике и составлял очерк по географии, климатологии и экономике редута Нулато и его окрестностей. Он так и назвал свой труд: «Общий очерк состояния заселения в Нулато; материалы по топографии и климатологии этого края».

В ночь на 1 мая стала прибывать вода на Юконе. С пушечным грохотом трескался ледяной покров, глубокие извилистые трещины избороздили замёрзшую поверхность реки. А через неделю начался ледоход.

Огромные глыбы льда медленно плыли по течению, изредка задевая друг друга своими сверкающими на солнце краями. В местах затора у какого-нибудь острова или у поваленной ветром с берега гигантской сосны льдины с рёвом и скрежетом наползали друг на друга;

Плавание по Юкону.

нижние, не выдержав навалившихся на них масс, трескались и распадались, всплывая по краям затора мелкими белыми осколками.

Люди подолгу наблюдали величественное зрелище ледохода на Юконе.

Загоскин красочно и точно описывает наступление весны в тех краях:

«Вечером 14 мая открылось свободное сообщение с противным берегом на туземных берестяных лодочках. Вода, нагоняемая льдами, пала, и 17-го начала прибывать постепенно так называемая «коренная»; с нею понесло лес и хлам — богатство жителей безлесного приморья. Вечером 11 мая огласили весну лягушки, и с тем вместе лежавшие до того глубокие снега в лесах исчезли, как по волшебству. 26 апреля на прогалинах и солнцепёке показалась зелень; первое мая мы встречали щами из крапивы; к 7-му вырезались листочки на тальнике; 9-го развернулись почки ольховника; 14-го распустилась берёзка; с 15-го я начал собирать некоторые растения в цвете; насекомых с 18-го» [33].

4 июня с шестью промышленниками и толмачом Загоскин отправился на байдарах для исследования верховья Юкона.

Шли против течения то на вёслах, то бечевой, держась ближе к берегу, где течение было слабее. Последнее обстоятельство значительно удлиняло путь, так как приходилось следовать всем извилинам берега.

Летом бичом для людей на Юконе становились комары и мошкара (гнус). Целые тучи их всё время висели над байдарами; они забирались под платье, жужжали, запутавшись в волосáх, слепили глаза.

Путешественники попробовали сделать сетки из оставшихся лоскутьев волосяного сита, но под ними становилось нестерпимо душно и жарко. Только вечерами у костра было спокойнее, но искусанное, зудящее тело долго не давало людям заснуть.

У устья Юннака Юкон протекал довольно прямым плёсом. Он имел здесь больше мили ширины, но её скрадывали длинные и узкие лесистые острова. Далее, от устья реки Юннака до высокого утёса Хомынчихстен, Юкон протекал по гладкой равнине, усеянной озёрами. Лишь вдоль самого берега узкой полосой тянулся лес. Милях в десяти справа видны были вершины горного хребта.

Стремительное течение очень затрудняло плавание. Байдары то отбрасывало от берега, то, крутя, сносило назад. Всё чаще их приходилось вести бечевой.

Однажды, когда отряд, вытащив байдары на берег, расположился на отдых, внезапно налетел жестокий шквал с дождём и громом. Палатку сорвало. Все бросились спасать лодки и продукты. За стеной воды ничего нельзя было увидеть. Ползком по скользкому размытому берегу еле добрались до байдар.

Часа два бушевала гроза. Потом небо прояснилось, снова засветило солнце.

Около утёса Хомынчихтен расположилось селение Тлялилькакат, где Загоскин собрал много нужных сведений.

Вечером в кажиме, вдоволь напившись душистого кяхтинского чая и получив по нескольку листков табака, старики-индейцы рассказали Загоскину об окрестных горах, реках и озёрах.

За горами, на юге, есть река Тлегон. Но истока этой реки индейцы не знают. Загоскин спросил, далеко ли до Тлегона, и один индеец ответил, что до реки он сделал десять стоянок, но другой перебил его и сообщил, что он, когда шёл к Тлегону, сделал пятнадцать.

Деревня индейцев на Юконе в период рыбной ловли.

Этому не следовало удивляться, ибо туземцы за стоянку считали место, где останавливались покурить или выпить воды, где видели какого-либо зверя или встретили знакомого.

О себе индейцы рассказывали, что промышляют на реке бобров и выдр, а в лесу — соболей. Промысел сдают туземцам — торговцам с устья реки Юннака.

Индейцы рассказали Загоскину, что бывали случаи, когда заготовленные ими шкуры скупали и белые, приходившие к ним с востока. Они грозили туземцам ружьями, платили мало и всячески настраивали их против промышленников в Нулато. Загоскин понял, что у индейцев побывали гудзоновские агенты, скупщики мехов. Однако индейцы были явно настроены в пользу русских.

Поход продолжался. Байдарки экспедиции упорно продвигались вперёд — то на вёслах, то бечевой, то на парусах.

Загоскин тщательно описывал реку, делал астрономические наблюдения, составлял карту местности, собирал коллекции. В отдельных мешках, на дне лодки, лежали осколки горных пород, шкурки различных зверей и птиц, альбомы с засушенными листьями деревьев и цветами, мешки с утварью, одеждой и украшениями индейцев. Эти коллекции потом были переданы в музей Академии наук.

22 июня подошли к устью реки Минхотлятно. За ней резко изменился характер местности. Цепь гор на левом берегу Юкона постепенно перешла в холмистую тундру, среди которой, как осколки огромного зеркала, блестело под лучами солнца бесчисленное множество больших и малых озёр.

Уже свыше двухсот километров прошла экспедиция от Нулато вверх по Юкону. Огромная территория легла на карту Загоскина, опираясь на десяток астрономически определённых пунктов. Он уже считал, что скоро подойдёт к границе русских владений.

Но 30 июня экспедиция неожиданно наткнулась на препятствие, которое не в силах была преодолеть. Это была длинная каменная россыпь вроде порога. Течение здесь было подобно водопаду, вода кипела и с грохотом перекатывала по дну большие серые камни. У берегов с треском налезали друг на друга прибитые волнами стволы огромных деревьев.

Путешественники гребли изо всех сил, но за час не сдвинулись с места. Как только грести переставали, лодки подхватывало течением и, кружа, относило назад. Пробовали отталкиваться шестами, но они гнулись от напряжения, а лодки оставались на месте. Следовало прорубаться сквозь чащу на берегу и тащить на себе лодки, но горстке людей это было не под силу. Загоскин, скрепя сердце, повернул обратно.

Вновь пошли знакомые места. Лодки быстро и легко скользили по течению. 7 июля экспедиция уже прибыла в Нулато.

В редуте пробыли около месяца. Люди отдыхали. Но их неутомимый начальник всё так же ни минуты не сидел сложа руки.

Загоскин исходил с ружьём низкие, болотистые, поросшие кривослойной с дряблой сердцевиной елью берега речки Нулато. Собирал травы, насекомых, стрелял птиц. Вечерами долго разбирал коллекции, писал дневник, пополнял свой очерк о Нулатовском редуте и местности вокруг новыми данными.

На карте, составленной Загоскиным, можно было проследить весь пройденный экспедицией путь: берега залива Нортон, реку Уналаклик и горный перевал, ведущий на Юкон, потом русло Юкона на 250 *км* вверх по течению, идущее сначала на северо-восток, а потом

круто сворачивающее на восток. В месте поворота в Юкон впадает река Юннака, берущая начало на севере и обследованная экспедицией больше чем на 100 *км*.

Но ещё более обширные исследования предстояло совершить экспедиции в дальнейшем. В это лето Загоскин хотел успеть спуститься по течению Юкона далеко вниз, километров на 400, до другого компанейского редута — Икогмюта. По пути следовало составить подробную опись берегов, сделать съёмку местности, познакомиться с прибрежными племенами. У Икогмюта ближе всего подходит к Юкону Кускоквим, вторая по величине река Аляски. Зимой Загоскин собирался исследовать и её.

2 августа экспедиция оставила Нулато и пошла на байдарах вниз по течению Юкона. На много километров тянулся низкий луговой левый берег, вдали виднелись отдельные холмы. Кое-где сверкала на солнце зеркальная гладь озера, окружённого, как рамой, густой тёмно-зелёной линией кустарника. Глубокие тихие заводи, поросшие осокой и забитые у берегов стволами деревьев, сучьями и опавшей листвой, кишели водяной птицей.

Близко к правому берегу подходили отроги высокого горного хребта; они местами переходили в пологий берег, местами обрывались у самой воды ярами в 30—60 метров высотой.

Притоки впадали в Юкон чаще с правой стороны. Загоскин дал этим рекам названия: «Бобровая», «Быстрая», «Крестовая». Спокойно бежали они по гладкому песчаному ложу, и только «Быстрая» преодолевала на своём пути длинные завалы из гнилых деревьев. В её устье неутомимые бобры возвели свои плотины и хатки, правильные очертания которых были далеко видны с Юкона.

Местами река была усеяна лесистыми островами. Иногда казалось, что это не огромная река, шириной больше мили, а какая-то паутина узких стремительных речушек.

Через несколько дней миновали второй после Юннака крупный приток Юкона — Анвиг. Светлая вода его почти целую милю текла, не смешиваясь с мутными водами Юкона.

Правый берег Юкона около устья Анвига был особенно красив. Утёсы из песчаника были причудливо

окрашены в необычно яркие цвета. Здесь просачивались натёками природные минеральные краски разных оттенков: то снежнобелые, то пунцово-красные, то ярко-жёлтые.

Дальше на юг Юкон становился всё шире, берега потерялись в тумане, и только темнели впереди многочисленные острова. Они тянулись до устья левого крупного притока — Чагелюка. Эту реку тоже предстояло в будущем исследовать экспедиции Загоскина.

Против устья Чагелюка расположилось селение Анилухтакпак, последнее селение индейцев-ттынайцев по Юкону. Ниже по течению уже жили эскимосские племена канг-юлит.

Загоскин отмечает, что туземцы Юкона от Нулато до Икогмюта мало занимаются промыслом, а больше скупкой пушнины у туземцев, проживающих по рекам Юннака и Чагелюк. Сами же они ловят рыбу, делают деревянную посуду и берестяные лодки. Этим они торгуют больше с другими племенами, чем с русскими, так как нуждаются в продуктах туземного производства — жире, оленине, лафтаках.

В туземном селении километрах в 30 от Икогмюта, цели похода, экспедиция остановилась на ночлег у известного по всему Юкону торговца, прозванного русскими «Заплатка».

О нём Загоскин делает запись в своём дневнике: «И сам Заплатка, и повод приданного ему прозвища, мне кажется, достойны сохранения в исторических материалах этого края. Вследствие первого путешествия Глазунова по Квихпаку, зимою 1834 г., явился в следующую весну к редуту бодрый старик в изношенной выхухолевой парке, покрытой множеством заплат. Оставя байдарку на воде, старик вынул свёрток бобров и явился к управляющему. Казалось, на свои пять шкур он желал закупить всю лавку; справлялся с ценностью каждой вещи, перерывал бисер, корольки, табак и прочее. Управляющий терпеливо объяснял употребление и цены каждого предмета. Старик слушал, соображал и уехал, не купив ничего. Наутро он возвратился на байдаре с полутораста бобрами, как знаток выбирал потребные для себя товары, был обласкан управляющим, скоро сдружился со служителями, которые, хваля его тарова-

тость, часто в шутку приговаривали: «Ай-да Заплатка!» Ловкий торговец заучил это слово и, хотя впоследствии узнал его значение, однако на вопрос об имени доныне продолжает отвечать: «Ай-да Заплатка» [34].

Этот отрывок даёт очень характерную картинку жизни на Юконе в те годы. Кстати говоря, здесь виден и живой литературный слог, которым написан дневник Загоскина.

На следующий день, 23 августа, экспедиция тронулась дальше и к вечеру прибыла в Икогмют. Поход был окончен. Великая северная река — Юкон — была пройдена на протяжении свыше 700 *км.*

В Икогмюте служащие компании жили только зимой, а весной они с выручennой пушниной уплывали вниз по Юкону и дальше морем — в редут Св. Михаила. Поэтому летом компанейские строения оставлялись на произвол туземцев, которые сразу после отъезда артели разбирали там полы и переворачивали всё вверх дном в поисках завалявшейся иголки, листочка табака или другой какой-нибудь мелочи.

Экспедиция расположилась в Икогмюте на отдых. Скоро приехала и компанейская артель. Сообща стали готовить нарты, тёплую одежду для нового зимнего похода, подбирать собак.

В ночь на 10 сентября выпал первый снег и тут же стаял. Дожди лили беспрерывно. Деревья в лесу обнажили свои чёрные скелеты, устлав землю толстым слоем жёлто-красной листвы. В голых ветвях уныло гудел ветер, пасмурно и пусто стало в лесу; только пробегал иногда побелевший в ожидании снега заяц, да запоздалые стаи гусей на пути в тёплые страны с жалобными криками опускались для ночлега на близлежащие илистые косы.

В ночь с 4 на 5 ноября стал Юкон. Тонкое бело-голубое «сало» на нём день ото дня крепло, утолщалось, вздувалось буграми и торосами.

Экспедиция заканчивала последние приготовления. Предстояло исследовать так называемый верхний перенос * с Юкона на Кускоквим, потом русло этой реки вверх по течению.

---

* *Перенос* — кратчайший путь между двумя реками, где иногда приходится переносить лодки на руках или тянуть волоком.

Мужественной шестёрке во главе с её опытным командиром предстояли новые испытания. Уже год бродили путешественники по диким, неизведанным местам. Трудная, полная опасностей жизнь связала этих разных людей нерушимой дружбой. С любовью пишет Загоскин о своих смелых и простых спутниках: «...Никитин..., тунгус, был для экспедиции первый стрелец, судостроитель, столяр, слесарь, кузнец, закройщик и что-то вроде повара; грамотный толмач Курочкин, алеут, с редкой весёлостью характера соединял замечательную способность переимчивости: с приходом на туземное жило он тотчас располагался как дома, братался с жителями, подмечал их особенности, заучивал песни, пляску и тут же в кажиме передавал их зрителям, разумеется, с различными прибаутками и в самом карикатурном виде или выворачивал глазные веки, закладывал ногу за ухо, ходил вниз головою... По всему Квихпаку ни один туземец на бегу не перегонял Никитина; пятерых вместе перетягивал на палке Дмитриев, и никто из дикарей в своей же пляске не мог сравниться с Курочкиным» [35]. Далее Загоскин пишет, что дух бодрости и товарищества царил в этом маленьком отряде и всячески поддерживался его начальником.

23 ноября экспедиция оставила Икогмют.

Путешественники двигались то по скользкому неровному льду, где ветер сбивал с ног и людей и собак, то по обнажённым от снега косам, на которых камнями и песком драло полозья и тянуть нарты становилось невыносимо трудно, то, наконец, через снежные сугробы, надутые на торосы, где приходилось выпрягать собак и на руках переносить нарты через глыбы льда, увязая в снегу по пояс.

Экспедиция поднялась на несколько миль по Юкону до селения Паймют, от которого начинался верхний перенос на Кускоквим.

В тот же день в кажиме в честь гостей была устроена вечеринка, после которой все жители принесли путешественникам подарки, потому что вечеринка была посвящена им; несли мороженую рыбу, мешки из рыбьих кож, травяные цыновки.

В Паймюте экспедицию настигла снежная пурга. Всё потемнело вокруг, завыл, засвистел ветер и понесло со всех сторон.

Пурга бушевала два дня. Потом из туч выглянуло солнце, ветер утих, снег улёгся причудливыми грядами, стало тихо и светло. Загоскин взял в селении двух проводников, и отряд двинулся вперёд.

Дорога шла по левому берегу речки Уаллик, потом — открытой тундрой. Через три дня показались вдали горы Ташатулит; южный склон их обрывался к берегу Кускоквима. Перешли по льду большое озеро, за которым тундра стала бугристой. Здесь отряду пришлось очень трудно: при спуске приходилось изо всех сил удерживать тяжёлые нарты, чтобы они не скатились на собак, а при подъёмах — чуть ли не на плечах выносить их, ибо собаки почти не тянули.

Вскоре Загоскин заметил растерянность на лицах обоих проводников. Они давно уже спорили друг с другом, сердились и указывали дорогу очень неуверенно. Наконец, они понуро сообщили начальнику, что сбились с пути. Тот молча указал им на последние нарты, где из-за нехватки людей бился с собаками один Дмитриев, и смущённые проводники бросились ему помогать.

Загоскин ещё вчера заметил румб и потому уверенно повёл за собой отряд. Прорубая себе дорогу через заросли кустов на горных склонах, отряд через два дня благополучно вышел на высокий берег Кускоквима.

Река во многом напоминала Юкон, только всё было не так грандиозно и обширно. Противоположный берег зарос высокоствольным еловым лесом. У самой воды серые каменные глыбы, обдуваемые ветром, сверкали порой узкими серебряными полосками слюды. Русло реки было покрыто множеством мелких лесистых островов.

Пройдя несколько миль вверх по течению Кускоквима, экспедиция на следующий день, 3 декабря, прибыла в редут Колмакова.

Радушно встретил Загоскина прославленный правитель редута Иван Лукин. Его знали и уважали тузем-цы по всему Кускоквиму. Смелый, находчивый, неутомимый, он хорошо ознакомился с бытом и нравом туземцев и научился ладить с ними. Он знал, например, что индейцы скрывают от ближних свои покупки в редуте до праздников и поэтому разрешил приходить к себе даже ночью. Тонко изучив психологию и вкусы жителей Кускоквима, Лукин вёл выгодную торговлю.

Экспедиция пробыла в Колмаковском редуте до 10 февраля 1844 г. За это время Загоскину пришлось дважды посылать людей в Икогмют за продовольствием, так как в редуте с едой было очень туго. Всё это время он продолжал вести метеорологические наблюдения, исследовал местность вокруг, собирая материал для большого очерка об этом крае.

Загоскин наметил обширный план дальнейших исследований. Из редута Колмакова он хотел ещё этой зимой успеть перейти на приток Юкона, реку Чагелюк, мимо которой они летом проплыли, и исследовать её, затем спуститься по Чагелюку и Юкону до Икогмюта, взять там новый запас продовольствия и успеть до начала весны снова вернуться в Колмаковский редут.

10 февраля экспедиция вышла для обзора реки Чагелюк. Спустившись на несколько миль по Кускоквиму, Загоскин взял направление прямо на север и через несколько дней тяжёлого пути — сначала по горному потоку Тачаталятна, потом по усеянной замёрзшими озёрами тундре — вывел отряд на реку Чагелюк в нескольких милях от её впадения в Юкон.

В первом же селении Загоскин встретил знакомого индейца. Тот принял гостей приветливо, а в дальнейшем оказал экспедиции очень важные услуги: он согласился принять к себе в хижину одного из спутников Загоскина, заболевшего горячкой, а сам вызвался провожать отряд вверх по Чагелюку до последнего селения своего племени.

Исследование Чагелюка продолжалось больше двух недель. Экспедиция прошла около 200 *км* вверх по его течению. 27 февраля дошли до крайнего пункта, от которого возвратилась в 1839 г. экспедиция Колмакова. Дальше по реке, как уверяли туземцы, селений не было. Но упрямый Загоскин решил сам удостовериться в этом. Пройдя три дня и не встретив ни одного селения, он принуждён был повернуть обратно: стали кончаться съестные припасы.

Производя подробную опись берегов, астрономические определения многих пунктов и ведя съёмку местности, Загоскин дошёл до устья Чагелюка. По пути он выяснил путаницу названий этой реки, с которой он всё время сталкивался. Оказалось, что жители её низовья называли реку Чагелюк, или Иттеге; выше другое

племя местных индейцев называло её Иннока, или Шильтонотно, а у самых истоков её называли Тлегон (о Тлегоне Загоскин слышал ещё в прошлом году от жителей верховья Юкона).

10 марта Загоскин был снова в Икогмюте на Юконе. Здесь заболел ещё один человек из отряда, но это не остановило неутомимого исследователя. Вместе с остальными людьми он выступил 4 апреля в путь и, перейдя на Кускоквим уже нижним переносом (исследование переносов было одной из важнейших задач экспедиции), Загоскин 10 апреля был в Колмаковском редуте.

Здесь отряд пробыл около месяца, готовясь к летнему походу в верховья Кускоквима. Загоскин тщательно разрабатывал маршрут, проверял снаряжение, старался предвидеть все трудности и случайности далёкого путешествия.

Он уже стал зрелым, опытным исследователем. В его дневнике появляются замечательные строки, свидетельствующие о высоком чувстве долга перед наукой и большой ответственности за порученное дело. Загоскин пишет: «Воля, страсть к путешествиям, твёрдость характера при обзоре стран неизвестных ещё не всё значат для успеха. Потребна опытность. Какая польза для науки, если б нам довелось пролежать где-нибудь несколько суток под снегом, съесть своих собак, подошвы и прочее без успеха в главном деле, т. е. обзоре и описи определённого пункта. Такие случаи, как бы они ни выражали героизм путешественников, право, довольно обыкновенны между туземцами и охотниками всех стран и всего чаще проистекают если не от оплошности, то, наверное, от неосмотрительности!» [36].

Но все открытия и исследования для Загоскина не были самоцелью. Он твёрдо помнил, для кого и для чего он их совершает. Мысли о далёкой и любимой родине всегда сопутствовали всем его походам. Иногда эти мысли заставляли радостно биться сердце, иногда от них становилось одиноко и тоскливо. В одну из таких минут он записал в дневник: «...по русскому обычаю расставили берёзки. Кратковременные гости севера, веснянки щебетали, но хороводов водить было некому. Не верю, чтоб человек был вполне космополитом: всегда останутся в нём чувства или впечатления, кото-

Летнее стойбище индейцев на Юконе.

рые в дни, подобные нынешнему, так сильны, что навевают невыразимую тоску, какое-то особенное стеснение сердца. Нужно только пробудить это чувство хотя каким-нибудь маловажным обстоятельством. Не правда ли, господа путешественники?..» [37].

К 9 мая Кускоквим очистился ото льда. Через 10 дней экспедиция на байдарах, наняв в редуте с разрешенья управляющего нескольких гребцов, тронулась вверх по течению реки. Вместе с Загоскиным отправился и Лукин для «расторжки» с жителями верховья.

Плыть по Кускоквиму было куда легче, чем по Юкону: течение здесь было несравненно слабее. От редута до реки Хулитнак, левого большого притока Кускоквима, правый берег был высок и утёсист; он то огромными серыми скалами нависал над водой, то высился 150-метровыми ярами.

У самой воды путники часто видели медведей. Они выходили из лесных чащ, только проснувшись после зимней спячки, и шкуры их были ещё облеплены серыми прошлогодними листьями. Поступь была ленивая, сонная, но маленькие злые глазки уже осматривали голодным взглядом окрестности.

Начиная от Хулитнака левый берег Кускоквима становился низменным, горный хребет отодвинулся к югу. Лес тянулся вдоль берега узкой полосой, а за ним была видна зелёная тундра, покрытая озёрами.

Через несколько дней пути на низком левом берегу за стеной леса показался большой серый утёс, который разделял устья двух притоков Кускоквима — рек Хочалитно и Тольготно. «Достойно замечания, что только на этом небольшом пространстве, между речками Хочалитно и Тольготно, мы нашли берега, заваленные снегом,— пишет в дневнике Загоскин.— И такова творящая сила растительности на севере: деревья были одеты всею роскошью весенней зелени, а на корнях их лежал саван глубокой зимы» [38].

Дальше Кускоквим сужался до 200 *м*, в воду уходили длинные песчаные косы, часто попадались мели.

Через несколько дней экспедиция прибыла в Хунанилинде. Все были поражены ружейным салютом из двух старинных фузей *, раздавшимся при её появлении перед селением. На берегу путешественников встретил высокий старик в пёстрой русской рубахе, с медалью «Союзные России» на груди и длинными перьями в волосах. Старик оказался тойоном селения, старым приятелем Колмакова и Лукина. Отсюда Лукин, раздав товары, 30 мая отправился обратно в редут.

Загоскин замечает, что одежда, язык и обычаи туземцев верхнего Кускоквима и туземцев Чагелюка схожи между собой, а мотивы песен и их слова взяты у кенайцев.

В тот день, когда экспедиция прибыла в селение, у вождя погиб старший сын: юноша схватился в лесу один на один с медведем. Поздно вечером истерзанный труп принесли в селение. При русских начался удивительный ритуал индейских похорон, который должен был продолжаться очень долго. Но экспедиции надо было выступать на следующее утро, и, пока родные умершего хлопотали в кажиме, Загоскин поспешил записать со слов одного старика похоронный обряд на Кускоквиме.

Члены семьи умершего двадцать дней не принимаются за работу, не подходят к реке, а сидят в углу своей хижины, спиной ко входу, питаются всем кислым

---

* *Фузея* — старинное кремнёвое ружьё.

или прошлогодним и через каждые пять дней обмываются. Потом покойника вносят в кажим и сажают перед входом. Все жители селения приносят ему различные вещи и пищу: оленину, камлеи, юколу и т. п. Всё принесённое складывают в ящик. Туда же помещают после сожжения и прах покойного. Ящик подвешивают на высоких столбах на краю селения. Рядом прислоняют широкую доску, на которой минеральными красками рисуют любимый промысел покойного: бобра, оленя, байдарку, рыбу — смотря по тому, кем был покойник: охотником, рыболовом или торговцем. Перед доской развешивают или втыкают в землю различные вещи умершего: копья, стрелы, топоры, лафтаки.

Старик-индеец сообщил Загоскину, что племена верховья Кускоквима поступают иначе. Они только летом сжигают всех умерших за год покойников. А до его наступления родственники покойника возят всюду с собой замёрзший труп.

На следующий день отряд Загоскина двинулся дальше вверх по реке. Опять потянулись скалы и крутояры на правом берегу и зелёная тундра — на левом. Через три дня гребцы заявили, что им пора возвращаться в редут, так как уже в середине июня они отправляются, по распоряжению Лукина, с пушниной в Александровский редут. Делать было нечего, пришлось возвращаться.

Всего по Кускоквиму экспедиция прошла свыше 400 *км.* Было сделано около 15 астрономических определений места по обсерваторным широтам и долготам, по луне и хронометру. Берега были подробно описаны и положены на карту. Загоскин собрал обширный материал о быте и нравах прибрежных индейских племён, об экономике этого края и о перспективах развития там компанейской торговли. Кроме того, он значительно пополнил свои ботанические и геологические коллекции.

5 июня экспедиция вернулась в Колмаковский редут, а через два дня отправилась дальше вниз по течению, к нижнему переносу на Юкон. Предстояло исследовать летний путь на байдарах между двумя реками.

9 июня байдары Загоскина вошли в приток Кускоквима, извилистую и заросшую кустарником речку Макалахтули. Волоком перебираясь от одной речки к

другой, миновав большое озеро Куллик, экспедиция на другой день вышла на Юкон и к закату солнца достигла Икогмюта.

Предстояло проделать последний переход. Из Икогмюта экспедиция должна была спуститься по Юкону до его устья и морем достигнуть редута Св. Михаила. Всем не терпелось отправиться в путь. Только перед последним переходом люди почувствовали, как устали за полтора года беспрерывных странствований.

Через два дня экспедиция отправилась вниз по реке. Шли на вёслах и на парусах. До устья дошли в четыре дня.

Подойдя к устью Юкона, байдары свернули в один из его рукавов, Апхун, и через день вышли к морю.

21 июня Загоскин делает последнюю запись в дневнике: «Шли на вёслах всю ночь и в 7 часов утра 21 июня кончили действия экспедиции. Мы находились в отсутствии год шесть месяцев и шестнадцать дней и прошли в продолжение этого времени пешком и на кожаных лодках около пяти тысяч вёрст» [39].

Так закончилась эта замечательная экспедиция, самая крупная из всех, предпринимавшихся до того для исследования внутренних районов Аляски. Самой крупной экспедиция Загоскина была не только по продолжительности и по охвату исследованием огромного пространства, но и по количеству сведений, их высокой научной ценности, полноте и разносторонности.

Загоскиным по возвращении были представлены не только подробные и высококачественные карты и описи, но и многочисленные метеорологические таблицы, коллекции растений, насекомых, шкурок животных и птиц, минералов, предметов материальной культуры эскимосов и индейцев и словари нескольких туземных племён.

Особо следует отметить крупный вклад Загоскина в этнографическую науку. Три больших очерка посвящает он описанию всех сторон материальной и духовной культуры эскимосов и индейцев. Загоскин первый даёт описание таких интересных обрядов, как похоронный, поминок по умершим, «потопления пузырей» и некоторых других.

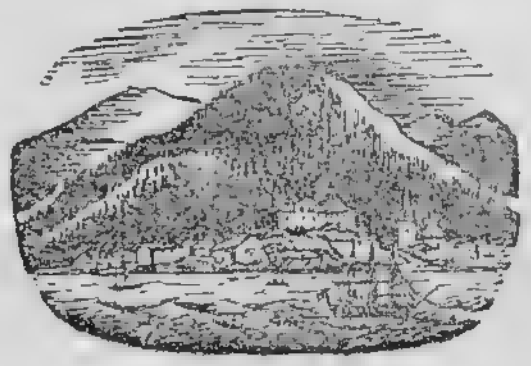
И ещё одна важная черта отличает экспедицию Загоскина от всех бывших до него. Результаты её были

им обработаны и опубликованы. Капитальный труд «Пешеходная опись части русских владений в Америке, произведённая лейтенантом Загоскиным в 1842, 1843, 1844 гг.» занял почётное место во всех библиографиях мира, посвящённых Аляске. Крупное значение этого труда, его высокий научный уровень по заслугам оценила Российская Академия наук, удостоившая автора Демидовской премии.

* * *

В 1846 г. Загоскин оставил службу в Российско-Американской компании. После появления в свет его труда ему был присвоен чин капитан-лейтенанта. В 1848 г. Загоскин подал в отставку. С тех пор он занимал различные гражданские должности, вначале — по лесному ведомству в Московской губернии, а потом выборные должности в Рязанской губернии, где он окончательно поселился. В 1855 г., во время Крымской войны, он командовал ополчением и нёс гарнизонную службу в гор. Николаеве. До конца своих дней Загоскин был активным членом Российского географического общества и Рязанской учёной архивной комиссии.

Скончался Л. А. Загоскин 22 января 1890 г. в Рязани.



Руф Серебренников

Важной и увлекательной главой в истории русских открытий и исследований на Аляске было изучение бассейна реки Медной (по-туземному — Атна). Этот огромный район привлекал внимание русских промышленников не только в связи с возможностью торговых операций с местными туземными племенами. Русские узнали о крупных залежах самородной меди на берегах реки, и это послужило новым толчком к усиленному проникновению промышленников в этот край. Но воинственные и многочисленные племена индейцев-атабасков сильно затрудняли деятельность русских на реке Медной. Многие отважные землепроходцы сложили свои головы на её диких берегах. Однако русские промышленники упорно и настойчиво знакомились с этими неведомыми землями.

Через несколько лет после начала русской колонизации Аляски, в 1788 г., одновременно со строительством Константиновского редута на острове Нучек была основана на реке Медной для торговли с туземцами компанейская одиночка.

Маленькая бревенчатая хижина, зимой еле видная под снежными сугробами, со своим единственным обитателем — управляющим — долгие годы являлась базой русской торговли и исследований в этом крае.

Ново-Архангельск в конце XIX в.

Промышленники шли к берегам Медной из Кенайского залива сначала по реке Кнык, потом через тундру к Плавежному озеру и из него на лодках по притоку Медной — реке Тлышитне — достигали одиночки. Так доставляли туда товары и везли обратно выменянные у туземцев меха.

Но никто не отваживался подняться по реке Медной с моря вверх по течению не только до её истоков, но и до одиночки. Знали, что злая и коварная река таит много опасностей, что она с рёвом прорывается сквозь дикие и глубокие пропасти, кипит и бьётся в ледяных расселинах гигантских ледников, спускающихся к ней с гор, спокойным и ровным разливом своих вод скрывает от взоров людей опасные мели и острые камни, усеявшие её русло.

Только в 1848 г. правление Российско-Американской компании в Америке получило настоящую, грамотно и тщательно составленную опись большей части течения реки Медной, её притока Тлышитны и оз. Плавежного, с астрономически определёнными пунктами. Для этого потребовалось пройти по этой коварной реке от устья много сотен километров вверх по течению. Этот подвиг совершил «вольный» штурман, воспитанник училища

торгового мореплавания, Руф Серебренников. Трагично для исследователя закончился этот смелый поход, но случайно попавшие в руки компанейского начальства в Ново-Архангельске документы — дневники, астрономические тетради, нанесённая на карту подробная опись реки — сохранили для современников крупные научные результаты экспедиции Серебренникова.

Река Медная давно притягивала к себе внимание русских.

Первое известие о Медной принёс в 1783 г. байдарщик Ногаев. В этом году он был послан для осмотра восточного берега Чугацкого залива старым, прославленным мореходом Потапом Зайковым, пришедшим туда с Камчатки на судне «Александр Невский». Ногаев побывал на островах Нучек и Хтагалюк, осмотрел часть побережья рядом с ними и описал два рукава устья Медной. Он собрал первые сведения о реке и её жителях и сообщил о залежах самородной меди на её берегах, из которой туземцы делали копья, топоры и стрелы.

Зимой 1796 г. вышли для обследования Медной сразу два отряда. Один из них из Кенайского залива вёл старый шелиховский передовщик, участник знаменитого плавания Шелихова — Самойлов. Он благополучно пришёл к реке. Но через несколько дней на её заснежённых берегах разыгралась тяжёлая драма. Индейцы незаметно подкрались к русским, когда те спали, и убили их. В том же году со стороны залива Якутат к Медной прошёл на лыжах промышленник Тарханов.

В сентябре 1798 г. Баранов отправил с острова Нучек на Медную промышленника Паточкина «для разведывания о тамошних местах и приобретениях».

Баранов добился от приходивших каждую осень в Константиновский редут жителей Медной согласия брать с собой каждый раз одного промышленника и указывать ему места, богатые медью. Это были опасные экспедиции. Случалось, что индейцы убивали своего русского спутника или бросали одного в бескрайних снежных просторах, стараясь скрыть настоящие месторождения меди.

Но русские накапливали всё больше сведений об этой неведомой реке. До сих пор не известны имена многих смельчаков, которые, преодолевая тяжкие испытания и грозные опасности, приносили эти сведения начальству в Русской Америке.

В 1805 г. на Медной побывал отряд Баженова, а в 1819 г. предпринял своё путешествие Климовский.

Андрей Климовский был обучен грамоте в школе Баранова на Кадьяке и в числе трёх способных мальчиков был отправлен старым правителем в 1805 г. на корабле Лисянского «Нева» в Петербург, где был отдан за счёт правления Российско-Американской компании в штурманское училище. После возвращения на Аляску он командовал там различными кораблями, а в 1819 г. во главе отряда промышленников проник на реку Медную. Климовский принёс много важных и интересных сведений о ней.

Новые данные о Медной и её притоках собрал в 1843 г. отряд Григорьева, исследовавший озеро Плавежное и вытекающий из неё приток Медной — реку Тлышитну.

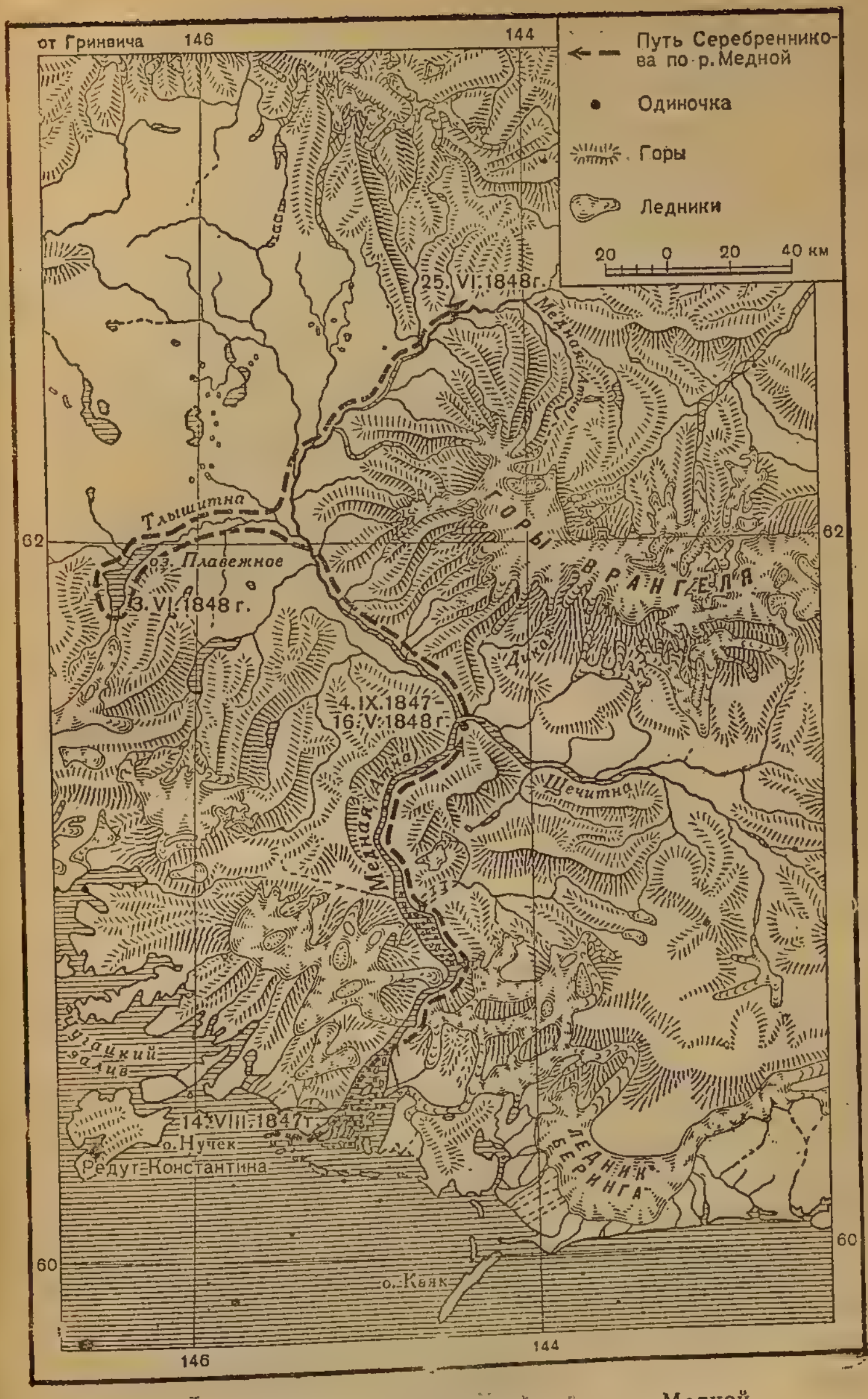
Но все эти экспедиции и отдельные исследователи, бывшие на реке Медной, не имели астрономических инструментов и необходимой математической подготовки. Кроме того, все они достигали Медной сухопутным путём и не смогли исследовать её течения на сколько-нибудь значительном расстоянии. Поэтому подробной описи реки и её карты, опирающейся на астрономически определённые пункты, не существовало. Как отмечает известный составитель атласа северо-западных берегов Америки М. Д. Тебеньков, русло Медной «рисовалось на наших картах совершенно по произволу».

Это обстоятельство и послужило поводом для организации экспедиции Руфа Серебренникова. Но этот смелый человек мало чего смог бы достигнуть, если бы на протяжении десятков лет до него скромные русские люди — мореходы и промышленники — не подготовили почву для его исследований.

* * *

В пасмурный, ветреный день 14 августа 1847 г. к заросшему высоким сосняком берегу близ устья р. Медной пристали три большие туземные байдары. Шумная прибойная волна легко вынесла их на берег: искусные гребцы умело использовали её силу.

Весело затрещал костёр, и по берегу потянуло вкусным запахом свежей ухи. Потом люди улеглись на отдых, а начальник отряда Серебренников стал делать за-



Карта путешествия Серебренникова по р. Медной.

писи в тетрадь. Скоро, увидев, что погода прояснилась, он вынул инструменты и стал определять широту местности. Это было важно отметить в описи, которую он начинал сейчас составлять, так как недалеко от места, где расположился отряд, впадал в море западный рукав реки Медной — начальный пункт исследования.

Ночь провели под перевёрнутыми байдарами, завернувшись в одеяла. Рано утром путешественников разбудил пронзительный крик чаек. Внимание людей привлекла необычайная расцветка их перьев. Спина птиц была жемчужно-серая, грудь и брюшко — нежнорозовые, а на серебристорозовой шейке — узкое чёрное ожерелье. Это был особый вид розовых чаек.

Скоро байдары двинулись вверх по западному протоку реки Медной — Ани. Течение было очень быстрым и в узких местах доходило до 9 узлов. Если люди хоть на минуту бросали грести, то лодки начинало относить назад, к морю. За целый день прошли всего несколько миль. Все выбились из сил.

На следующий день решили идти на бечеве. Как на зло вода из-за сильных дождей вышла из берегов и затопила низменный, заросший высоким кустарником берег. Экипаж каждой лодки работал в две смены. Местами приходилось идти по пояс, а иногда и по грудь в воде и, пока трое тянули за верёвку тяжело нагружённые лодки, четвёртый двигался с топором впереди и рубил выступавший из воды кустарник. Люди спотыкались о его ветви, иногда тяжело падали в воду и долго не могли встать на ноги.

Погода стояла пасмурная, временами шёл дождь. В конце второго дня пути в серой воде показались небольшие льдины. Они стукались о лодки, наскакивали на людей, больно царапая неровными краями тяжело дышавшую грудь и натруженные, стёртые до крови плечи.

Серебренников работал наряду с другими, то криком, то шуткой гоня прочь усталость и уныние.

На следующий день погода прояснилась. Показалось солнце. Вода, кустарник, далёкий лес и снежные горы за ним как будто сбросили серую пелену, окутывающую их, и, как с переводной картинки, предстали вдруг в ярких, синих, голубых, зелёных и белых красках. Настроение у людей сразу переменилось, и они весело,

несмотря на невыносимую усталость от многих часов работы в воде, вытянули лодки на берег, с трудом продравшись сквозь стену кустарников.

Бойко затрещал костёр, стреляя в разные стороны углями, и продрогшие утомлённые люди растянулись у огня.

Человеку, не побывавшему в путешествии, в особенности в трудном и опасном, невозможно себе представить, как может действовать на людей природа и ещё больше — погода.

Опытный командир экспедиции заставляет и погоду служить своим целям. Он знает, что в ясный и солнечный день отряд сможет пройти больше и даже меньше устать и потому можно сократить время отдыха и повысить темп движения.

Серебренников тоже учёл это и скоро дал сигнал отправляться дальше.

Ещё два дня продолжался тяжёлый путь по рукаву Ани. Лодки тащили всё время бечевой. Погода снова испортилась. С серого, тоскливого неба моросил дождь. Воздух был так наполнен сыростью, что даже у костра мокрая одежда почти не высыхала.

Наконец, на четвёртый день пути, 18 августа, сквозь мелкую сетку дождя все увидели впереди широкую мутно-белую водяную гладь, уходившую бескрайно на север. Это было главное русло реки Медной. Байдары на вёслах пошли вдоль его низких болотистых берегов.

Серебренников, держа на коленях отсыревшую тетрадь, силился что-то записать в неё, но байдару беспрестанно бросало из стороны в сторону.

Только вечером у костра он кое-как высушил свои записи и перенёс их в другую тетрадь. Затем долго ещё просидел у огня, занося в дневник новые наблюдения и продолжая подробную опись реки. Память у него была великолепная, он не только помнил все особенности берегов, мимо которых проплыли за день, но и время, когда они увидели тот или иной залив, мель, мыс или поворот русла и глубину реки в различных местах.

На следующий день сквозь неизменную сетку дождя продрогшие и невыспавшиеся люди заметили, что горы подступили ближе к берегу и с них спускались мутно-серые, неровные языки больших ледников. Ледяные потоки порой доходили до самой реки.

К концу дня горы подступили ещё ближе, а ледники сползали прямо в воду, и иногда на самой середине реки перед путешественниками неожиданно вздымалась искристая стена льда.

Серебренников знал, что каждую минуту с её края могут сорваться огромные глыбы, и приказал грести изо всех сил. И, как бы в подтверждение его опасений, ветер усилился, и с первого же ледяного выступа с грохотом обрушилась в воду в том месте, где минуту назад ещё были лодки, целая груда ледяных обломков. Люди в страхе перекрестились, и лодки после этого стрелой пролетали мимо выдвинувшихся в воду ледяных стен.

Река текла на северо-восток, потом начала отклоняться на север, огибая большую цепь гор. К самой воде подступали чёрные неровные отроги высокой «Горы духов», как её называли туземцы. Они уверяли, что около неё слышен страшный подземный гул и говор, вой неведомых голосов. Суеверные промышленники с робостью поглядывали на тёмную, свободную ото льда вершину и невольно чутко прислушивались. Но в ушах только свистел ветер, и плескались у борта лодки волны. «Духов» не было слышно.

Уже несколько дней экспедиция двигалась вверх по реке. Прошли свыше ста километров, а до компанейской одиночки оставалось почти столько же.

Долог и утомителен путь по реке в осеннюю непогоду под непрерывным проливным дождём. Холодный ветер рвёт и треплет одежду и пронизывает до костей мокрых, озябших путников. И костёр на берегу уже не даёт тепла: пропитанная водой хвоя только дымит, и пламя робкими синими языками, шипя, пробирается по сырым сучьям. Все эти дни путешественники питались только сухарями и рыбой.

На берегу изредка показывались олени. То целое стадо их стремительно проносилось вдоль реки, то вдруг на пустынном скалистом берегу показывался одинокий олень-самец; он легко взбегал на пригорок и, гордо подняв свою увенчанную огромными ветвистыми рогами голову, застывал, как изваяние, чётко обрисовываясь на бледносером небе.

В такие минуты каждый из путешественников невольно тянулся к ружью.

На реке появлялось всё больше льдин, плыть становилось труднее, и Серебренников торопил людей, стремясь скорее добраться до одиночки.

Через несколько дней прямо перед путешественниками в тумане встала высокая каменная гряда. Казалось, река здесь выходит из-под земли, и непроницаемая тёмная стена, гребень которой теряется в тумане, преграждает путь людям. Но чем ближе подходили лодки, тем виднее становилась узкая чёрная щель, откуда доносился шум скованной камнем реки.

Серая полутьма окутала путников, когда лодки вошли в тесное скалистое ущелье. Голые, чёрного базальта стены вздымались так высоко, что дневной свет мерк, добравшись до дна этой узкой извилистой пропасти. При крутых поворотах коридор расширялся, образуя небольшие озёра, откуда путники долго искали выхода. А когда лодки проходили под огромными каменными террасами, наступала непроглядная тьма.

На каменных стенах и уступах изредка попадались низенькие одинокие деревца, паутиной голых корней судорожно вцепившиеся в камень. С карнизов с шумом низвергались широкими каскадами ручьи.

Через несколько миль ущелье кончилось. Горы отступили от берега, и люди с облегчением вздохнули.

4 сентября наконец прибыли в компанейскую одиночку — маленькую бревенчатую хижину на опушке леса. Радушно встретил их истосковавшийся по русским управляющий. Весёлый огонь в камельке и оленье мясо в первый раз по-настоящему согрели и насытили измученных людей.

Серебренников решил зимовать в одиночке. На этом же настаивали и бывшие с ним два индейца-проводника. Они доказывали, что экспедиция обречена на гибель в глубоких снежных сугробах бескрайней тайги, вдали от людского жилья. «Спорить против таких доводов я почёл неуместным, — замечает Серебренников в своём дневнике, — потому что этот совет происходил от людей, которым предстояло быть нашими проводниками» [40].

В начале октября река стала. «С этой поры, — пишет Серебренников, — наступило однообразие, нарушаемое только состоянием атмосферы. Снега выпадали довольно часто и в большом обилии. Морозы, при северных вет-

рах, в январе месяце доходили до 40°, и при таких морозах обычно всегда бывало весьма тихо. С усиливающимся ветром или с падением снега всегда уменьшались морозы, особенно при юго-восточных ветрах, даже приносивших дождь среди зимы. Во время жестоких морозов над рекой почти всегда стоит пар, поднимающийся от незамерзающих полыней в реке» [41].

Серебренников собирал сведения об этом диком крае, бродил по окрестностям одиночки — иногда один, иногда с кем-либо из промышленников. Часто по едва видимым следам он находил занесённое снегом медвежье логово у поваленного бурей дерева, видел круглые большие следы самца-лося. Иногда он слышал в лесных чащах резкий и хриплый носовой звук и топот многочисленных животных; это дикий толсторогий баран-часовой подавал сигнал тревоги своему стаду. Из лесу охотники никогда не возвращались с пустыми руками.

Тщательно вёл всю зиму Серебренников свой дневник. Там попадаются яркие описания, изобличающие в авторе тонкого наблюдателя и образованного исследователя.

«Ночь под Новый год, — пишет он, — была особенно замечательна по северному сиянию, подобно которому я не видел потом во всю зиму. Трудно описать красоту этого великолепного явления: почти всё небо было объято пламенным переливом цветов: красного, багрового, малинового, жёлтого, голубого и других, образуя беспрерывно струящиеся во все стороны столбы, движение которых производило шум вроде какого-то лёгкого треска, а над головою образовался блестящий купол. Ночь была совершенно ясная, морозу до 25°» [42].

Кончилась зима. Зашумели весенние дожди, снег грязными потоками смыло в реку, и по Медной прошёл величественный ледоход. Лес сбросил своё снежное покрывало, и перед глазами людей раскинулось необозримое зелёное море всех оттенков. Всюду звенели птичьи голоса, под тёплыми лучами солнца из чащи поднимался пар от множества болот.

16 мая 1848 г. Серебренников, взяв одну байдару, проводников и человек шесть промышленников, тронулся вверх по реке. Провизии с собой взяли немного — сто юкол, четыре пуда сухарей, четыре туши баранов, чаю, сахару и табаку.

Серебренников уже дважды записал себе в дневник и отметил на карте месторождение самородной меди на берегу.

Вскоре прошли устье ещё двух левых притоков Медной — Щечитны и Дикой. Щечитна и была по-настоящему «медная» река. Её вода несла огромное количество меди в растворе, и в ней гибла всякая рыба.

На берегу стали попадаться небольшие селения индейцев. Маленькие покосившиеся бревенчатые хижины с двухскатной крышей чаще всего оказывались пустыми: индейцы либо ушли давно на весенний промысел оленя, либо убегали в лес при виде чужих людей.

Иногда путники заставали в селении женщин с детьми или стариков. Те кормили их сухими прошлогодними кореньями и заплесневелой рыбой. Серебренников угощал их табаком, что доставляло всем, от дряхлых слепых стариков до малых детей, невыразимое удовольствие.

Так плыли ещё несколько дней. За это время прошли от одиночки километров сто вверх по реке. Этот путь Серебренников тоже подробно описал, несколько раз определив широту местности.

В своём дневнике он упоминал о каждой встрече с туземцами, записывал все полученные от них сведения и, между прочим, отмечая страшную нищету индейцев, писал, что вряд ли компания может рассчитывать на прибыльную торговлю в этих краях.

У самих путников с продовольствием стало туго. Баранина кончилась, подходила к концу и юкола. Серебренников начал давать сначала по одной, а затем по пол-юколы в день. Люди ослабели и гребли из последних сил. Два раза уже высаживались на берег для охоты, но в конце дня возвращались с пустыми руками. Серебренников старался где шуткой, где острым словом подбодрить людей. Сам он ел меньше всех, работал без-устали, своим примером заставляя остальных стойко переносить все лишения.

24 мая байдара подошла к устью реки Тлышитны. Она вытекала из Плавежного озера, район которого тоже надлежало исследовать экспедиции.

Чтобы выиграть время, Серебренников решил не подниматься вверх по мелкой, каменистой и быстрой реке на лодке, а пройти на Плавежное озеро пешком, через лес, там построить байдару, осмотреть на ней озеро и

В лесах Русской Америки.

спуститься уже вниз по течению Тлышитны, обследовав всё её русло, обратно на Медную.

Серебренников распорядился, чтобы трое промышленников остались с байдарой на Медной, а сам с остальными отправился лесом к Плавежному озеру.

Дебри аляскинских лесов представляли огромные трудности для путешественников. Вечная сырость вызвала к жизни непроходимые заросли высоких трав и кустарника. Порывистые сильные ветры вырвали из земли и обрушили на соседние деревья большие стволы кедра и старых сосен. Высокие завалы из гнилых деревьев, обвитые ползучими растениями, представляли непроходимое препятствие. На каждом шагу в этих чащах путников подстерегали болота и топи. Среди самой гущи леса почва вдруг начинала уходить из-под ног и затягивала в свои смертоносные объятия и человека и животных.

При движении по таким лесам больше работаешь топором, чем ногами. Опытные охотники движутся сквозь чащи по узким малозаметным тропинкам. Их проклады-

вает в этих дебрях огромный серый медведь — гризли.

Отряд Серебренникова двигался лесом, стараясь не терять из виду Тлышитну. Удушливые болотные испарения мутили голову да и беспрерывное чувство голода подтачивало последние силы.

Скоро отряд попал в такие сырые места, что Серебренников решил лучше двигаться всю ночь, чем подвергать людей опасности ночёвки на мокром зловонном болоте. Костёр тоже нельзя было развести: сырые сучья только дымили и не загорались.

За ночь прошли всего несколько километров. На рассвете 28 мая остановились отдохнуть на сухом высоком берегу маленькой лесной речушки.

На следующий день миновали несколько лесных озёр, тихих и каких-то заброшенных, без обычного птичьего гвалта. Вечером, терзаемые голодом, вышли на берег Тлышитны и остановились на ночлег под высоким раскидистым деревом.

Когда начало смеркаться, к отряду подошли два семейства индейцев, возвращавшихся с оленьего промысла к себе домой. Туземцы угостили путешественников олениной.

Через два дня, 30 мая, поднявшись на довольно высокую гору, все увидели совсем рядом Плавежное озеро. В его спокойной зеркальной глади сияло солнце, бежали тени облаков и кое-где расходились круги от вынырнувших на секунду больших рыб. Лес плотной стеной подходил к воде. Далеко на западе, по ту сторону озера, виднелись снежные вершины гор.

Отряд двинулся вдоль берега и скоро подошёл к небольшому селению туземцев. «Жители, встреченные нами на Плавежном озере, — пишет в своём дневнике Серебренников, — те же медновцы, тот же язык, та же нищета и то же постоянное страдание — голод, почти без исключения начинающийся с середины зимы, как бы ни был обилен летний лов» [43].

Индейцы встретили путешественников радушно, дали обсушиться у костров, накормили свежей рыбой. Серебренников сделал по этому поводу специальную запись: «Рыба, которой нас потчевали дикари, водится в озере во весь год; величиною она с обыкновенного сига, чешуя светлая и крупная, голова, как у акулы, мясо белое и вкусное, но только очень костлявое. Кроме этой рыбы

в озере нет другой, но с моря около половины июня приходит красная периодическая: чавыча, кижуч, хойко и другие, иногда, говорят, в большом обилии»[44].

У индейцев отряд прожил три дня. За это время Серебренников ознакомился с окрестностями, а промышленники с помощью индейцев построили байдару.

3 июня поехали осматривать озеро и за два дня обошли его кругом, составив подробную опись. В южной части озеро заворачивало к востоку, подходя здесь к подножью высоких, покрытых льдами, гор.

Все берега, кроме северного, были безлесны. С западной стороны в озеро впадали две речки, и Серебренников специально отметил в описи, что от одной из них, Нельчан, по словам индейцев, начинается дорога к Кенайскому заливу — дней на 12 ходу.

Около северной оконечности озера, у истока реки Тлышитны, и у посёлка индейцев, Серебренников определил широты по полуденной высоте.

В общем очерке этого края, имея в виду главную цель экспедиции, которую перед ним поставило правление Российско-Американской компании, Серебренников пишет: «Чрезвычайно бедное население страны около Плавежного озера ведёт к заключению, что значительного количества пушных промыслов здесь не может быть, и всё, что добывается здесь, поступает в Медновскую одиночку или в Кенайский залив»[45].

Серебренников стремился завязать дружбу с туземцами, расположить их к русским. Он знал, что агенты гудзоновской меховой компании особенно часто проникали на Медную, которая протекала недалеко от английских колоний. Пользуясь тем, что границы русских владений не охранялись, они развили на Медной активную деятельность, отыскивая месторождения меди на её берегах, скупая у туземцев пушнину и всячески настраивая их против русских.

Отдохнув один день после плавания по озеру, отряд Серебренникова отправился на байдаре вниз по реке Тлышитне обратно на Медную.

Быстрая и порожистая река подхватила лёгкую лодку и неудержимо понесла её по своему опасному руслу.

Несчастье не замедлило случиться. В середине дня байдару бросило на невысокий камень, почти скрытый в воде. Серебренников успел опереться веслом на сосед-

ний выступ, и лодку не перевернуло, но сломало один из деревянных обручей, а двое промышленников упали в воду и сильно расшиблись.

Река шумела, бурлила и ярилась в узких проходах меж скал и, насколько хватало глаз, всё русло её было испещрено чёрными пятнами выступающих на поверхность камней и бледножёлтыми полосами мелей.

За этот день байдару не раз кидало на камни и заливало водой. Часто наскакивали и на мель, но опытные путешественники быстро спрыгивали в воду и, не дав лодке перевернуться, дружно стягивали её на глубокое место.

Наконец поздно вечером впереди заблестел широкий водный простор реки Медной.

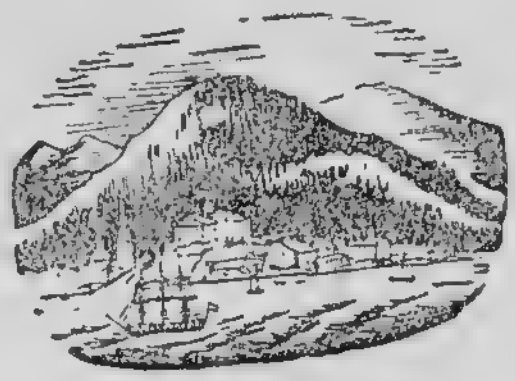
На следующее утро отряд, соединившись с оставшимися на Медной промышленниками, двинулся вверх по течению реки.

20 дней продолжалось плавание. Экспедиция прошла ещё более ста километров. Тетрадь астрономических записей указывает на крайний пункт, которого достигла экспедиция — 62° 48′ 43″.

Неведомая и страшная драма разыгралась в этом месте. Весь состав экспедиции погиб, и только одному из проводников удалось спастись. Он догадался захватить с собой вещевой мешок начальника экспедиции.

Плутая один в дремучих аляскинских лесах, он не смог выбраться к морю, но документы экспедиции Серебренникова были переданы каким-то безвестным индейцем главному правителю Российско-Американской компании М. Д. Тебенькову. Этот просвещённый человек использовал их для своего атласа северо-западных берегов Северной Америки и затем переслал документы в Петербург, где они и были опубликованы.

Россия узнала о скромном исследователе и его подвиге.



ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Русские люди первыми ступили на северо-западное побережье Северной Америки. Это были не отдельные герои-путешественники, — это был народ, безвестные труженики: мореходы, промышленники, землепашцы и мастеровые.

Что же заставляло их пускаться в далёкие и опасные походы? Стремление к богатству и славе?

Нет, конечно.

За свои открытия они не получали пышных титулов вице-королей и не становились губернаторами, их не прославляли на родине, о них не писали книги. Отважные походы не приносили им и богатства; по возвращении скромные открыватели оставались такими же безвестными бедняками, как и раньше. Известно, также, что русские морские офицеры никогда не привозили из кругосветных плаваний каких-либо богатств и отличались от моряков других стран величайшей скромностью.

Что же двигало этими людьми? Конечно не только приказы компании, но и жажда новых открытий, высокое чувство долга, сознание большой важности для отчизны их деятельности. Их вели вперёд присущие русским людям отвага, упорство и стремление к подвигу.

...Сколько безвестных героев Русской Америки сложило свои головы на берегах Юкона, Кускоквима, Медной, Колумбии, Славянки и других малых и больших рек Аляски и Калифорнии!

История Русской Америки, её открытия и исследования — это летопись мужества и отваги, выносливости и пытливости русских мореходов и промышленников.

С этим принуждены согласиться даже самые яростные противники деятельности русских в Новом Свете.

В январе 1821 г. американский конгресс, обвиняя своё правительство в отсутствии энергии, смелости и расторопности в деле открытий и исследований на северо-западе Северной Америки и возводя чудовищную клевету на русских, вынужден был сквозь зубы признать, что «народ, который в состоянии предпринимать такие путешествия, часто по едва проходимым горам и по ледовитым морям, во время таких бурь и снежных вихрей, что зрение и на несколько шагов не может досягать, конечно, знает всю важность и цену торговли, для которой он пускается в столь отдалённые странствования» [46].

История открытия Америки со стороны России, плаваний и исследований русских на Тихом океане, история их деятельности в Русской Америке приобретает сейчас особый интерес.

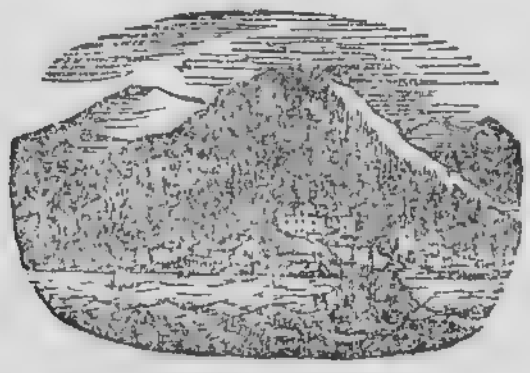
Проповедники и поджигатели войны, дельцы Уолл-стрита и их подручные, разрабатывая планы полярной экспансии, обратили внимание и на район бывшей Русской Америки. При реорганизации высшего командования вооружённых сил США была создана специальная «зона обороны Аляски». Под прикрытием дымовой завесы о мнимой «угрозе США с севера» там ведётся лихорадочное строительство военно-морских и воздушных баз и стратегических дорог. Аляска и Алеутские острова используются для тренировки американских наземных, морских и воздушных сил в условиях Севера.

Но кроме чисто военных мероприятий в США идёт и идеологическая обработка общественного мнения. Злобная антисоветская клевета сочетается здесь с наглой фальсификацией исторических фактов.

По заказу военного ведомства США и стоящих за ним воротил с Уолл-стрита американские историки, географы и писатели стараются замолчать или исказить историю открытия и исследования русскими Алеутских островов, Аляски и Северной Калифорнии. Американские «учёные» борзописцы стремятся приписать прио-

ритет в этой области различным американским, а «на худой конец» английским путешественникам и мореплавателям.

Выдающиеся географические открытия и исследования в Новом Свете наших славных соотечественников вошли в золотой фонд русской и мировой науки. И как бы ни старались «учёные» прислужники американских империалистов, им не удастся замолчать или очернить имена славных русских мореходов и путешественников, благодаря трудам и подвигам которых обширные пространства Нового Света в течение более чем полувека носили гордое название Русской Америки.



ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Головнин В. М., Соч., т. III, СПБ 1864, стр. 121.
[2] Маркс и Энгельс, Соч., т. IX, стр. 363.
[3] Марков С. Н., Летопись Аляски, Главсевморпуть, 1948, стр. 152.
[4] Там же, стр. 27.
[5] Тихменев П., Историческое обозрение образования Российско-Американской компании, СПБ 1861, ч. II, приложение, стр. 48—49.
[6] Там же, стр. 63.
[7] Там же, стр. 65.
[8] Банкувер Д., Путешествие в северной части Тихого океана и вокруг света, СПБ 1830, ч. IV, стр. 232.
[9] Марков С. Н., Клады «Колумбов Российских», «Морской сборник», 1944, № 8—9, стр. 79.
[10] Тихменев П., Историческое обозрение образования Российско-Американской компании, СПБ 1861, ч. II, приложение, стр. 91—92.
[11] Хлебников К., Жизнеописание А. А. Баранова, СПБ 1835, стр. 31.
[12] Тихменев П., Историческое обозрение образования Российско-Американской компании, СПБ 1861, приложение, стр. 78.
[13] Хлебников К., Жизнеописание А. А. Баранова, СПБ 1835, стр. 51.
[14] Тихменев П., Историческое обозрение образования Российско-Американской компании, СПБ 1861, ч. II, приложение, стр. 121.
[15] Марков С. Н., Клады «Колумбов Российских», «Морской сборник», 1944, № 8—9, стр. 80.
[16] Хлебников К., Жизнеописание А. А. Баранова, СПБ 1835, стр. 195.
[17] Марков С. Н., Клады «Колумбов Российских», «Морской сборник», 1944, № 10, стр. 22.
[18] Хлебников К., Жизнеописание А. А. Баранова, СПБ 1835, стр. 192.
[19] Марков С. Н., Клады «Колумбов Российских», «Морской сборник», 1944, № 10, стр. 86.
[20] Марков С. Н., Забытые путешествия; «На суше и на море», 1939, № 10, стр. 28.

[21] Отрывок из дневника Корпуса флотских штурманов поручика А. Ф. Кашеварова, «Санкт-Петербургские ведомости», 1845, № 190.
[22] Там же, № 191.
[23] Обозрение берегов Северной Америки от мыса Баррова, совершённое русской экспедицией в 1838 г., «Сын отечества», 1840, ч. I, стр. 132.
[24] «Санкт-Петербургские ведомости», 1845, № 193.
[25] «Сын отечества», 1840, т. I, стр. 139.
[26] Там же, стр. 139.
[27] Там же, стр. 142.
[28] Литке Ф. П., Путешествие вокруг света на военном шлюпе «Сенявин», М. 1948, стр. 138.
[29] Загоскин Л. А., Пешеходная опись части русских владений в Америке, СПБ 1847, ч. I, стр. 74.
[30] Там же, стр. 109.
[31] Там же, стр. 114—115.
[32] Там же, стр. 111.
[33] Там же, стр. 122.
[34] Там же, стр. 175.
[35] Там же, ч. II, стр. 6.
[36] Там же, стр. 52.
[37] Там же, стр. 88.
[38] Там же, стр. 97.
[39] Там же, стр. 116.
[40] Река Медная по описи Серебренникова, 1847—1848, «Записки Гидрографического департамента», 1852, ч. X, стр. 170.
[41] Там же, стр. 170.
[42] Там же, стр. 171.
[43] Там же, стр. 175.
[44] Там же, стр. 175.
[45] Там же, стр. 176.
[46] Головнин В. М., Соч., СПБ 1864, т. III, прибавление, стр. XXI.

РОССИЙСКИЕ ВЛАДЕНИЯ
В СЕВЕРНОЙ АМЕРИКЕ
(По карте 1861 г.).
Русские крепости и редуты
Русские поселения
Туземные поселения
Прочие населённые пункты
Л Е Д О В И Т О Е М О Р Е
Р О С С И Я
Р О С С И Й С К И Е В Л А Д Е Н И Я
Б Р И Т А Н С К И Е В Л А Д Е Н И Я
Б Е Р И Н Г О В О М О Р Е
В О С Т О Ч Н Ы Й (Т И Х И Й) О К Е А Н
О-ВА А Л Е У Т С К И Е
О-ВА К У Р И Л Ь С К И Е
Берег Меншикова
м. Барроу
зал. Прокофьева
зал. Куприянова
зал. Гаррисона
м. Ледяной
м. Шалагский
Чаунская губа
м. Северный
м. Лисбурн
м. Головнина
Колючинская
м. Крузенштерна
зал. Шишмарева
Коцебу
пролив Беринга
м. Восточный (Дежнева)
м. принца Уэльского
о-ва Св. Диомида
Анадырь
Св. Креста губа
Анадырская губа
м. Чаплина
зал. Головнина
зал. Нортон
о. Св. Лаврентия
Редут Михаила
м. Наварин
м. Олюторский
м. Румянцова
о. Св. Матвея
о. Нунивок
м. Игнатьева
м. Ашкова
Макимют
Инсельностленде
Икогмют
Икуагмют
Кускоквим
Редут Колмакова
Мамтхалюгмют
Напасяк
Аптуагмют
пролив Кука
Нушагак
оз. Шелихова (Илиамна)
Токхакат
Нулато
Юкон (Кайхпак)
Хоголтлинде
Инюкюк
оз. Кинохобино
оз. Кнытубян
Кутальгат
Сушитна
оз. Хтубен (Атна)
Одиночка
Рос. селение
м. Воронцов
Медная (Атна)
Ситхинский зал.
крепость Николая
Редут-Константина
крепость Георгиевская
крепость Воскресенская
Александровское
крепость Александра
м. Невенгам
зал. Бристоль
м. Меншикова
м. Строгонова
м. Сенявина
м. Рожнова
м. Лескова
м. Креницына
Иссанахский пролив
м. Иванова
о-ва Деларовские
о-ва Евдокеевские
о. Чириков
о. Тугидак
о. Кадьяк
Гавань Св. Павла
Гавань Трех Святителей
Шумагинские о-ва
о. Унимак
о. Уналашка
о. Умнак
о. Атту
о. Атха
о. Большая Кыска
о. Танага
о. Амия
о. Адах
о. Амчитка
о. Круглый
о. Св. Павла
о. Моржевой
о. Бобровой
о. Св. Георгия
о. Афогнак
Якутат
г. Доброй Погоды
м. Литуа
вал. Литуа
Ледяной пролив
о. Чичагова
о. Крузов
Новоархангельск
о. Баранова (Ситха)
о. Бобровой
о-ва Королевы Шарлотты
о. Квадра и Ванкувера
Новоархангельск
г. Счастье (Шаста)
м. Мендосино
крепость Росс
Сан-Франциско
Монтерей
Лос-Анжелос
Сан-Диего
зал. Румянцова (Бодего)
180 от Гринвича
170
160
150
140
130
70
60

Адамов

ФИЛИАЛ
Центральной ВМБ
БИБЛИОТЕКА
СССР